Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник научных статей

№ 8

ПОЛИТЕХ-ПРЕСС
Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого

Санкт-Петербург
2020

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Редакционный совет:

Рудской А.И., академик РАН – председатель;

Арсеньев Д.Г., д-р техн. наук, профессор;

Кораблев В.В., д-р физ.-мат. наук, профессор;

Никифоров В.М., профессор,
Чрезвычайный и полномочный посол РФ;

Прохоренко А.В., д-р филос. наук, профессор;

Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;

Ягья В.С., д-р ист. наук, профессор.

Редакционная коллегия:

Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор – главный редактор;

Малинов А.В., д-р филос. наук, профессор – ответственный секретарь;

Осипов И.Д., д-р филос. наук, профессор – заместитель главного редактора;

Жуков А.Ф., д-р ист. наук, профессор;

Павлова О.К., д-р ист. наук, профессор;

Живулин В.П., канд. филол. наук, доцент.

Сборник зарегистрирован в Международной системе периодических изданий ISSN 2304-9480.

С 2010 года ежегодный сборник **«Международные отношения и диалог культур»** издавался в виде коллективных монографий преподавателей, ученых и партнеров кафедры «Международных отношений» Санкт-Петербургского политехнического университета.

С 2012 года сборник выпускается как самостоятельное периодическое печатное издание на русском и английском языках под названием: **«Международные отношения и диалог культур» = «International Relations and Dialogue of Cultures».**

Сведения о публикациях представлены в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенной на платформе Научной электронной библиотеки **http://www.elibrary.ru.**

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Сборник рассылается в ведущие библиотеки страны, распространяется в России, странах ближнего и дальнего зарубежья.

Адрес редакции: Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 28
Телефон: 8 (812) 329-47-42; 8 (812) 606-62-42
E-mail: kmo@spbstu.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2020.

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

PETER THE GREAT SAINT-PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY

INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Scientific articles selection

№ 8

POLYTECH-PRESS
Peter the Great
St.Petersburg Polytechnic
University

Saint Petersburg
2020

INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Editorial Council:

Andrey I. Rudskoy,
Member of Russian Academy of Science–
Chairman;

Dmitry G. Arseniev,
Doctor of Science, Professor;

Vadim V. Korablev,
Doctor of Science, Professor;

Valentin M. Nikiforov,
Professor, Ambassador Extraordinary and
Plenipotentiary of Russian Federation;

Alexandr V. Prokhorenko,
Doctor of Science, Professor;

Igor Y. Timermanis,
Doctor of Science, Professor;

Vatanyar S. Yagya,
Doctor of Science, Professor.

Editorial Board:

Sergey N. Pogodin,
Doctor of Science, Professor – Chief Editor;

Aleksey V. Malinov,
Doctor of Science, Professor –
Executive Secretary;

Igor D. Osipov,
Doctor of Science, Professor – Deputy Editor;

Aleksey F. Zhukov,
Doctor of Science, Professor;

Olga K. Pavlova,
Doctor of Science, Professor;

Vladislav P. Zhivulin,
PhD, Associate Professor.

Scientific articles selection is registered in the International System of Periodicals ISSN-2304-9480.

Since 2010, the annual compilation of “International Relations and the Dialogue of Cultures” was published in the form of monographs by teachers, scientists and partners of the Department of “International Relations”, Saint-Petersburg Polytechnic University.

Since 2012, issued as an independent periodical in Russian and in English under the title: **«Международные отношения и диалог культур» = «International Relations and the Dialogue of Cultures».**

Information on publications is submitted to the database "Russian Science Citation Index" (RSCI), and placed on the platform of the Scientific Electronic Library **http://www.elibrary.ru.**

In selecting articles the editorial board is guided by the scientific and editorial policy of the scientific articles selection and by the principles of publishing ethics.

The point of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

No part of the publication may be reproduced without clear reference to the source.

The collection is circulated among the leading libraries in the country, distributed in Russia, the CIS and other foreign countries.

Editorial address: 28, Grazhdansky pr., Saint-Petersburg, Russia, 195220
Phone: **+7 (812) 329-47-42; + 7 (812) 606-62-42**
E-mail: kmo@spbstu.ru

© Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, 2020.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL RELATIONS

УДК: 323.1
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.01

В. Р. Атнашев

ОСОБЕННОСТИ ЭКСТРЕМИЗМА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ В СТРАНАХ АЗИИ

АТНАШЕВ Вадим Рафаилович – кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и гуманитарного права, доцент; Северо-западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы. 199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43.
E-mail: vatnash@hotmail.com

В данной статье рассмотрена связь национально-освободительных движений стран Азии с экстремальными видами борьбы, которые сохранялись и после получения независимости бывшими колониями. В Латинской Америке и Европе ряд национально-освободительных движений возник еще в начале XIX в., но в восточном полушарии лишь греческая национально-освободительная революция оказалась успешной в достижении независимости, хотя и при поддержке ряда европейских стран. Целый ряд затяжных и кровопролитных этнических конфликтов являются негативными последствиями политики колониального периода (Индия, Шри-Ланка, Руанда, Судан и т.д.). В современном мире колоний больше не осталось, но до сих пор существует полностью оккупированное государство (Палестина). В зависимости от характера основного конфликта, определявшего политическую ситуацию в конкретной стране, в статье выделяются две основные разновидности экстремизма – социально-революционный и национально-освободительный. Социально-революционный экстремизм характерен для стран, не ставших колониями, но столкнувшихся с серьезными социальными конфликтами. Основные формы национально-освободительного экстремизма – антиколониализм и сепаратизм. Сепаратистский экстремизм характерен для континентальных империй, таких как Китай, Австро-Венгерская, Российская и Османская империи, где за обретение независимости боролся целый ряд этнических меньшинств. Особенности указанных видов экстремизма рассмотрены автором на материале Ирана, Индии, Палестины. В частности, в Индии религиозный национализм порождает крайние формы, в том числе из-за сохранения кастовой системы, нарушающей фундаментальные права человека. На

примере Гилянской республики в Персии показано, как ее лидеры использовали в своих интересах социально-революционное движение и военную помощь из-за рубежа. В целом, история различных национально-освободительных движений Азии демонстрирует терпимое отношение международного сообщества к насильственным формам борьбы за независимость в условиях колониальной эксплуатации и иностранной оккупации. Однако в постколониальный период, во второй половине XX в., ранее оправданное насилие часто приводило к развитию терроризма. В настоящее время, за исключением Палестины, претензии на законность ведения национально-освободительной борьбы основаны или на сепаратизме, или на национализме и популизме экстремистских группировок.

КОЛОНИАЛИЗМ; НАСИЛИЕ; КОНФЛИКТ; ИНДИЯ; ГИЛАН; ПАЛЕСТИНА; ОККУПИРОВАННЫЕ ТЕРРИТОРИИ; МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Актуальность. В XX веке по всему миру национально-освободительную борьбу успешно вели народы колоний, зависимых и полузависимых территорий. После того как бывшие колонии стали независимыми государствами, в них скрепляющий фактор колониального политического насилия сменился фактором «морально-политической сплоченности вокруг национального руководства» [1, с. 8], когда антиколониальные устремления объединяют различные политические и социальные группы. Однако через некоторое время оживают не только «центробежные тенденции, имеющие своими истоками разнородность, разноформационность компонентов комбинированного общества» [1], но и противоречия, в том числе имеющие давнюю историю, между этими компонентами.

Цели, задачи и методология. Цель данного исследования – показать особенности экстремизма, распространившегося в странах Азии в период национально-освободительной борьбы и сохранившегося во многих обществах вплоть до настоящего времени. Задачи обусловлены указанной целью: проследить связь экстремизма с процессами антиколониальной борьбы (на примере Ирана и Палестины до Второй мировой войны) и его трансформации в постколониальный период (Индия и оккупированные палестинские территории). При исследовании использованы общенаучные методы, методы сравнительного анализа (исторический, регионоведения, правовой).

В государствах Запада, в том числе колониальных державах, складывались национально-интегрированные гражданские общества, в

которых основная масса населения осознавала себя в первую очередь гражданами, когда гражданская идентичность превалировала над более узкими идентичностями. Имеющиеся противоречия в таких обществах разрешаются на основе консенсуса, общественного договора.

Однако иная ситуация складывалась в странах Востока, где гражданское общество практически не сформировалось. Современные буржуазные государства Азии и Африки «явились хотя и не с неба, но все же сверху – либо в результате национально-освободительных революций, либо благодаря сделке бывших метрополий с верхушками господствующих классов» [1, с. 9]. Подобные процессы происходили и в тех странах Востока, которые «встали на путь социализма», где заимствованный извне каркас идеологического и государственного устройства являлся формой без соответствующего содержания. Поиск собственного пути развития в некоторых странах приводил к чудовищным социальным экспериментам, как, например, в Китае и Камбодже (Кампучии).

Как справедливо заметил А.М. Родригес, на Востоке «огромные пласты традиционных структур продолжают жить своей, относительно замкнутой жизнью и руководствоваться в ней иными ценностными ориентациями, чем те, что предписываются официальным государством» [1, с. 11].

Национально-освободительная борьба привела к достижению независимости всеми странами Востока, от Африки до Индонезии. Во многих молодых государствах оппозиционные и сепаратистские движения возникли на основе колониального или же архаичного традиционного уклада. Кроме того, на последние нередко накладывались заимствованные извне идеологии, например, марксистские доктрины или новые религиозные учения. Не случайно в ходе национально-освободительной борьбы деятельность многих движений и организаций имела религиозный оттенок. При этом, эти два по сути противоположных потока могли выступать не только друг против друга, но также совместно или разрозненно.

Колониальный синтез связан с особенностями вестернизации колоний и полуколоний, которая была полностью связана и

стимулировалась чужеземной эксплуатацией. В ходе проникновения иностранного капитала, буржуазных отношений происходила трансформация местных элит, будь то Британская Индия, страны Французского Индокитая или Магриба.

К архаическому типу относятся традиционные общественные структуры, которые сохранились и мало изменились до достижения независимости в силу разных причин, включая нежелание или неспособность метрополий разрушить традиционные уклады. После появления национальной государственности колониальный синтез часто трансформировался в неоколониальный, особенно при сохранении тесных связей с метрополией. Целый ряд затяжных и кровопролитных этнических конфликтов являются негативными последствиями политики колониального периода (Индия, Шри-Ланка, Руанда, Судан и т.д.).

Во многих регионах Востока, прежде всего на Ближнем Востоке, экономическое и научно-техническое отставание от Запада воспринималось болезненно и связывалось, во многом справедливо, с периодом колониализма и политикой неоколониализма. В развивающихся странах применялись и западные модели рыночной экономики, и социалистические. Значительное воздействие испытывали также идеология и культура. В странах Востока западный образ жизни становится нормой для многих жителей, особенно городских. В то же время, неизбежный конфликт между западными ценностями и традиционными институтами и культурой, усилившийся в конце XX в. в связи с глобализацией, а также социальными противоречиями, приводит к появлению антизападных движений, оппозиционных и экстремистских организаций.

Как указывает С.В. Азева, в современном мире «особую опасность представляют попытки лидеров террористических движений и организаций придать своей деятельности характер национально-освободительной борьбы, а часть общества воспринимает эту деятельность именно в такой благородной окраске, чему во многом способствует нерешенность острых политических, национальных и социально-экономических проблем, углубляющихся разрывом в уровнях благосостояния между высокоразвитыми странами и третьим миром» [2].

В Азии выделяют экстремизм двух основных разновидностей: ***социально-революционный*** *и* ***национально-освободительный экстремизм***.

Национально-освободительный экстремизм распространился в тех странах, где на первый план вышла борьба за независимость, а не социальные конфликты. Основные его формы – антиколониализм (антиколониальный экстремизм) и сепаратизм.

Социально-революционный экстремизм характерен для стран, не ставших колониями (Япония, Иран), но с серьезными социальными конфликтами. Рассмотрим пример Ирана.

В ходе двух мировых войн территория Персии (Ирана) дважды подвергалась интервенции стран, воевавших с Германией. Здесь целесообразно привести пример Гилянского движения на севере Персии.

Повстанческое дженгелийское (от персидского слова дженгель – «лес») движение в лесных районах провинции Гилян под руководством Мирзы Кучек-хана (1880–1921) возникло еще в 1914 году. К тому времени войска Российской империи уже заняли север Персии, и партизанские отряды Кучек-хана (дженгелийцы) нападали на воинские части и обозы царской армии. По своим убеждениям Кучек-хан был скорее националистом и содержал свои отряды на деньги, которые жертвовали местные купцы-патриоты, выступавшие против иностранного засилья в Иране.

После революции 1917 г. в России, повстанцы продолжили борьбу с остававшимися в Персии англичанами. В 1920 г. большевики решили оказать помощь Кучек-хану, и это вмешательство привело к образованию Гилянской советской республики.

4 июня 1920 г. образованная при поддержке большевиков армия захватила город Решт. Англичанам пришлось спешно эвакуироваться из Решта, так как население города встретило лидера дженгелийцев с небывалым энтузиазмом [3]. Из советских большевиков был сформирован Совнарком, а 6 июня 1920 года опубликовали декрет о провозглашении Персидской советской социалистической республики. Следующим шагом Реввоенсовета и Иранской компартии (ИКП) стало принято решение о

замене Кучек-хана [4]. 19 июля 1920 г. он ушел с верным отрядом в горы, и лишь в самом конце июля Революционный комитет Ирана совершил запоздалый переворот.

Я. Блюмкин, взявший себе местное имя Якуб-заде, стал комиссаром созданной Персидской Красной армии, усиленной советскими командирами, и повел ее на Тегеран. Кстати, на родине его справедливо называли «супертеррористом», «ультрадиверсантом» и даже «талантливым подлецом» [5]. Однако самая боеспособная часть персидской шахской армии – Персидская казачья дивизия под командованием бывшего полковника Русской императорской армии В.Д. Старосельского – остановила революционные отряды, перешла в наступление и вернула город Решт.

Тем более, местное население, которому были чужды коммунистические идеалы, не поддержало революционеров, которые экстремистскими методами приступили к построению «военного коммунизма»: в частности, проводились конфискация имущества, ревизии, запрет частной торговли и базаров, вводился принудительный труд, проводились репрессии против духовенства и т.д.

В то же время, С. Орджоникидзе докладывал своему начальству, что «в действительности о реальном установлении советской власти в Гиляне не идет и речи, поскольку Кучек-хан стремится лишь к избавлению от британского владычества, а в русских большевиках видит источник финансовых средств и добровольных военных помощников» [4]. Двоевластие в Гиляне было вызвано переворотом против Кучек-хана, а Персидская красная армия воспринималась как враждебная сила с чуждой идеологией. В итоге, в начале 1921 года Персидская Советская Социалистическая Республика была упразднена по решению ЦК РКП(б), который начал переговоры с шахским правительством. 26 февраля 1921 г. в Москве был подписан советско-персидский договор о выводе частей Красной армии с территории Персии.

Тем не менее, красные войска предприняли новое наступление на Тегеран, чему способствовал вернувшийся Кучек-хан, который снова возглавил Реввоенсовет. Затем в августе 1921 г. он организовал переворот и вскоре физически устранил руководство Персидской компартии [6].

Наконец, новый военный министр Реза-хан Пехлеви, вскоре ставший шахом и основавший новую династию, к 1923 г. подавил революционное движение в Гиляне, как и в других частях страны. Еще в конце 1921 г. Кучек-хан с небольшим отрядом бежал в горы и там погиб.

До сих пор в Иране Мирза Кучек-хан на официальном уровне считается национальным героем борьбы народов Ирана против иностранного влияния. Таким образом, М. Кучек-хан, изначально являвшийся лидером национально-освободительного движения против интервентов на севере страны, не только применял методы партизанской войны, но на втором этапе борьбы пытался, хотя и не очень успешно, использовать в своих интересах социально-революционное движение и военную помощь из-за рубежа (Советской России). Подобные трансформации встречались во многих странах мира на протяжении почти всего XX в.

Антиколониальный экстремизм распространился в бывших колониях Великобритании (прежде всего, Индия), Японии (Корея, где антияпонские настроения пришли на смену антикитайским), Франции (Индокитай) и т.д. [7, с. 304].

Сепаратистский экстремизм характерен для континентальных империй, таких как Китай, Австро-Венгерская, Российская и Османская империи, где за обретение независимости боролся целый ряд этнических меньшинств.

В Индии начала XX в. к терроризму быстро перешли такие революционные полулегальные группировки как «Анушилон шомити» (с филиалами в других частях Индии), Партия джугантара («Партия нового времени») в Бенгалии, «Абхинав Бхарат» («Молодая Индия») в Махараштре и другие отдельные группы. За пять лет (1909–1914 гг.) ими было совершено более 30 террористических актов. Наиболее громким из них стало покушение на вице-короля Индии Ч. Хардинга, который был тяжело ранен взорвавшейся бомбой [8, с. 49].

Некоторые такие группировки имели транснациональный характер. Например, секретное общество «Абхинав Бхарат», созданное в 1903 г. братьями Винаяком и Ганешом Саваркарами, насчитывало несколько сот активистов в различных частях Индии и в Лондоне. Эта организация была

образована на основе «Митра Мела», революционного общества (создана теми же братьями в 1899 г.), которое, как и другие подобные общества предполагало вооруженным путем свергнуть британское правление. Примечательно, что новое название общество получило по образцу «Молодой Италии» Джузеппе Мадзини, на основе работ которого В. Саваркар написал 300-страничный труд «Мадзини Харитра» (Mazzini Charitra) [9, с. 157]. Именно В. Саваркар стал основоположником хиндутвы, индийского национализма, имеющего большое количество приверженцев в современной Индии.

По мнению идеологов, хиндутвы, представители всех индийских религий – индуисты, сикхи, джайнисты, буддисты – являются «подлинными хозяевами Индии, которые должны определять политическое лицо индийского государства» [10]. В противоположность Индийскому национальному конгрессу, националисты своими главными врагами считали не английских колонизаторов, а местные этнические и религиозные меньшинства. В первую очередь, к ним относят мусульман и христиан, хотя они – также этнические индийцы. Таким образом, в Индии мы имеем дело с примером религиозного национализма, который естественным образом рождает и крайние формы.

Другой пример религиозного национализма в наши дни – неосионизм, который, как указывает израильский социолог Ури Рам, «является ксенофобским, националистическим и даже расистским и антидемократическим политико-культурным курсом» [11, с. 57–58].

Несмотря на то, что отечественная наука не относит сионизм к национально-освободительным движениям, такая точка зрения, которой придерживаются сами сионисты, встречается у некоторых российских политологов. Например, в учебнике «История мировой политики» А.П. Кабаченко пишет: «Сионистское национально-освободительное движение было основано Теодором Герцелем (1897 г.) для возвращения евреев в Палестину» [12, с. 218]. Действительно, сионизм – это национальное движение, однако оно не является национально-освободительным.

Вообще, уникальность сионизма в том, что его идеологи не только организовали еврейскую иммиграцию в Палестину, тогда подмандатную Великобритании территорию, и за ничтожный по историческим меркам срок взяли под свой контроль большую часть Палестины, но и начали конфликт сразу двух типов: горизонтальный конфликт с палестинцами и вертикальный – с британскими властями. Сионисты широко прибегали к насилию, в том числе к террористическим актам против других сторон конфликта [13].

Еще Базельская программа, принятая Всемирной сионистской организацией (ВСО) в 1897 г., предусматривала поощрение заселения (Besiedlung) Палестины землепашцами, ремесленниками и рабочими (пункт 1). В 1919 г. президент ВСО Х. Вейцман заявил, что в Палестине евреи должны составить «подавляющее большинство населения», чтобы образовать правительство, соответствующее уровню развития их страны и их идеалам [12, с. 218]. Очевидно, именно такая программа сионистов впоследствии дала основания советским исследователям говорить о планах «геноцида арабского народа Палестины» [14, с. 110].

Поскольку в начале XX в. Палестина еще находилась в составе Турции, для реализации своих планов сионисты обратились за поддержкой к ряду британских политиков. Как пишет М.Г. Агапов, «в январе 1915 года член кабинета министров Герберт Сэмюэл представил Министерству иностранных дел меморандум «Будущее Палестины», в котором предлагал аннексировать эту территорию и поселить там 3–4 миллиона европейских евреев» [15, с. 23]. Таким образом, Палестина была заранее выбрана в качестве объекта британской и сионистской колонизации. Экономическую базу для нее составили ряд компаний и финансовых организаций, таких как Англо-Палестинское общество, Англо-Левантийский банк, Еврейский колониальный банк, Еврейский национальный фонд, Еврейский колониальный трест, Комиссия по освоению и развитию земель Палестины [14, с. 110–111]. В начале 1930-х гг. 96 еврейских поселений были созданы на захваченных арабских землях, с которых сионисты изгнали 30 тыс. арабских феллахов [14, с. 111].

К началу Второй мировой войны искусственно созданное еврейское большинство в Палестине стало открыто добиваться создания собственного государства, ссылаясь, в том числе, на право наций на самоопределение. Кроме того, к концу войны «более 80% всей палестинской промышленности составлял еврейский сектор» [1, с. 42].

С другой стороны, антисионизм «затмил антиколониальное содержание национально-освободительной деятельности первого поколения палестинских революционеров» [13], что, очевидно, вполне устраивало британскую колониальную администрацию. В то же время, восстание палестинских арабов 1936–1939 гг. показало британцам, что невозможна интеграция арабов и евреев в одно, в будущем независимое Палестинское государство.

Уже в самом начале нашего века, в сентябре 2001 г. в декларации Конференции ООН по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, проходившей в Дурбане (ЮАР), единственным народом, страдающим от оккупации, был назван палестинский народ. Кроме того, палестинцы по-прежнему являются общепризнанной нацией, борющейся за независимость. До провозглашения Государства Палестина (15 ноября 1988 г.), субъектом международного права признавалась Организация освобождения Палестины (ООП), которая имела статус наблюдателя в ООН [16]. В настоящее время это оккупированное Израилем государство, которое официально признано 136 государствами-членами ООН.

Во многом благодаря начавшемуся в конце XX в. переговорному процессу и образованию Палестинской национальной администрации и Государства Палестина, палестинская проблема в меньшей степени стала зависеть от террористических методов борьбы. В первую очередь, это хорошо видно на примере Организации освобождения Палестины, которая была признана легитимным представителем палестинских интересов всеми государствами, включая США и Израиль.

В настоящее время одной из главных проблем палестинского национально-освободительного является отсутствие единства среди элит, что проявляется в двоевластии администрации на палестинских

территориях (на Западном берегу и в секторе Газа). Противоречия между ФАТХ (позднее ПНА) и Исламским движением сопротивления (ХАМАС), вплоть до вооруженных столкновений, оцениваемых даже как «гражданская война», усугубляются радикальными установками и экстремизмом со стороны ХАМАС. На оккупированных палестинских территориях именно ХАМАС чаще прибегал к насилию против самих палестинцев, и без того страдающих от репрессий и экономической эксплуатации со стороны оккупирующего государства [17].

В то же время, в большинстве стран мира, в том числе в Российской Федерацией, ХАМАС не признан ни экстремистской, ни террористической организацией. По данным опроса, проведенного в ряде арабских стран, 90 % респондентов в Палестине, Иордании, Сирии и Египте и 67 % в Ливане считают ХАМАС легитимной организацией сопротивления. Когда в феврале 2006 г. прошли выборы в Палестинский законодательный совет, ХАМАС получил 73 из 133 мест, и через месяц сформированное им правительство во главе с Исмаилом Ханией было приведено к присяге.

В феврале 2006 г. по приглашению Президента России Владимира Путина делегация ХАМАС во главе с председателем политбюро Халедом Машалем посетила Москву [18], но тогда легитимизировать движение как серьезную политическую организацию все же не удалось. В следующем 2007 году Х. Машаль нанёс повторный визит в Россию, встретившись с российским министром иностранных дел Сергеем Лавровым [19].

Для ХАМАС стремление заручиться поддержкой России не случайно. Как заявил заместитель председателя политбюро ХАМАС Муса Абу Марзук, «Россия может предпринять положительные шаги для достижения межпалестинского единства» [20]. Действительно, Россия – одно из немногих государств, к мнению которого прислушиваются и Палестина, и другие арабские страны, и Израиль.

1 ноября 2017 г. в Газе структуры ХАМАС передали полномочия по управлению пограничными пунктами сектора центральным палестинским властям. Вскоре на этих объектах будет размещен персонал, подчиняющийся палестинскому правительству в Рамалле [21]. По мнению российского МИДа, тогда был «сделан важный шаг на пути реализации достигнутых в октябре 2017 г. при деятельном участии Египта

межпалестинских договоренностей. Исходим из того, что передача КПП в Газе приведет к улучшению гуманитарной ситуации в секторе, позитивно отразится на положении рядовых жителей анклава, в целом пойдет на пользу укреплению безопасности. Рассчитываем, что палестинские стороны предпримут дальнейшие шаги в целях достижения палестинского национального единства на политической платформе Организации освобождения Палестины» [21].

Действительно, без достижения этого единства и преодоления нетерпимости во взаимоотношениях палестинцам будет невозможно продолжить борьбу и достичь полной независимости Палестины.

Еще в 2018 году в Палестине должны были пройти парламентские и президентские выборы. По заявлению М. Аббаса, главы Палестинской национальной автономии, в ноябре 2019 г., выборы необходимы, «так как он находится у власти уже 15 лет, несмотря на то, что срок президентских полномочий ограничен четырьмя годами» [22].

Как отметили в Московском центре Карнеги, «на этом фоне трудно представить палестинских политиков, идущих на уступки Израилю. Со своей стороны, израильтяне не готовы вести переговоры с палестинцами, если в составе палестинского правительства и органов безопасности окажутся члены ХАМАС и других вооруженных группировок, не признающих государство Израиль…» [23].

При условии изменения своей позиции, ХАМАС, возможно, мог бы интегрироваться в политические структуры Палестины. Однако контрпродуктивные шаги администрации Д. Трампа по признанию Иерусалима столицей Израиля и переносу туда посольства США торпедировали, в очередной раз, сложный переговорный процесс и неизбежно привели к новой эскалации насилия в зоне конфликта.

Выводы. Пример различных национально-освободительных движений Азии демонстрирует терпимое отношение международного сообщества к насильственным формам борьбы за независимость в условиях колониальной эксплуатации и иностранной оккупации. Однако в постколониальный период, во второй половине XX в., ранее оправданное насилие часто приводило к развитию терроризма. Таким образом, в современном мире, за исключением Палестины, ссылки на необходимость

и легитимность (по международному праву) ведения национально-освободительной борьбы связаны или с сепаратизмом, или с национализмом и популизмом экстремистских группировок и партий. В Палестине же, на оккупированных территориях, экстремизм не может быть побежден без консолидации всей палестинской нации при постоянной поддержке международного сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Новейшая история стран Азии и Африки / под ред. А.М. Родригеса – Ч.3: 1945-2001. – М., 2001.

2. Азева С.В. Современный политический экстремизм в России: структурно-функциональный анализ: автореф. дисс… канд. полит. наук, 23.00.02. – 2005.

3. Ромахина М. Большевики в Иране: Гилянская Советская Социалистическая Республика // История государства. URL: http://statehistory.ru/5753/Bolsheviki-v-Irane-Gilyanskaya-Sovetskaya-Sotsialisticheskaya-Respublika (дата обращения: 20.08.2020).

4. Красная Персия: разгром Гилянской республики // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/85003-krasnaya-persiya-chast-2-razgrom-gilyanskoy-respubliki.html (дата обращения: 20.08.2020).

5. Иранская Советская Социалистическая Республика и ее создатели // Еврейский мир. URL: http://evreimir.com/119936/iranskaya-sovetskaya-sotsialisticheskaya-respublika-i-ee-sozdateli (дата обращения: 20.08.2020).

6. Национально-освободительное движение в Иране // История.ру. URL: http: // www.istoriia.ru/xx-век/национально-освободительное-движени.html (дата обр.: 20.08.2020).

7. Жаринов К.В. Терроризм и террористы. – М., 2005.

8. Антонов К.А. и др. История Индии (краткий очерк). – М.: Мысль, 1973.

9. Jyotirmaya S. Hindutva: Exploring the Idea of Hindu Nationalism. Penguin Books India, 2011.

10. Индусский национализм: идеология и практика. Часть 1. Саваркар – творец хиндутвы // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/107139-indusskiy-nacionalizm-ideologiya-i-praktika-chast-1-savarkar-tvorec-hindutvy.html (дата обращения: 20.08.2020).

11. Shapira A., Penslar D.J. Israeli Historical Revisionism: from left to right, Routledge, 2002.

12. Кабаченко А.П. История мировой политики: учебное пос. – М., 2008. – 829 с.

13. Зеленин Д.А. Эволюция национально-освободительного движения Арабского народа Палестины (1920-1990 гг.): автореф. дис… канд. ист. наук 07.00.04. – М., 1990.

14. Алестин Ф. Палестина в петле сионизма: Преступники. Жертвы. Свидетели. Судьи. – М.: Юрид. лит. 1988. ISBN 5-7260-0014-5 (в пер.) – 303 с.
15. Агапов М.Г. Истоки советско-израильских отношений: «еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920-е – 1930-е годы. Тюмень, 2011. ISBN: 978-5-91409-224-2.
16. Организация освобождения Палестины – субъект международного права // Юридическая Россия: Федеральный правовой портал. URL: http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1237946 (дата обращения: 20.08.20).
17. Hever S. The Political Economy of Israel's Occupation: Repression Beyond Exploitation. – London: Pluto Press, 2010.
18. Встреча с Халедом Машаалем // Официальное интернет-представительство Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/7714 (дата обращения: 20.08.2020).
19. Москву во второй раз посетил один из лидеров ХАМАСа // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/articles/2007/02/27/hamas (дата обращения: 20.08.2020).
20. В ХАМАС считают, что Россия может способствовать достижению палестинского единства // ТАСС. URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4574243 (дата обращения: 20.08.2020).
21. РФ рассчитывает, что передача КПП в Газе палестинским властям улучшит ситуацию // ТАСС. URL: http://tass.ru/politika/4699388 (дата обращения: 20.08.2020).
22. Аббас назвал условие для выборов в Палестине // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20191126/1561633834.html (дата обращения: 20.08.2020).
23. Беленькая М. 70 лет спустя. Как теперь выглядит будущее конфликта Палестины и Израиля – Сайт Московского центра Карнеги. URL: http://carnegie.ru/commentary/74859 (дата обращения: 20.08.2020).

REFERENCES:

1. *Novejshaja istorija stran Azii i Afriki* / ed. by A.M. Rodrigesa, Ch. 3: 1945-2001, Moscow, 2001.
2. Azeva S.V. *Sovremennyj politicheskij ekstremizm v Rossii: strukturno-funkcional'nyj analiz*: avtoref. diss… kand. polit. nauk, 23.00.02, 2005.
3. Romahina M. *Bol'sheviki v Irane: Giljanskaja Sovetskaja Socialisticheskaja Respublika*, Istorija gosudarstva, available at http://statehistory.ru/5753/Bolsheviki-v-Irane-Gilyanskaya-Sovetskaya-Sotsialisticheskaya-Respublika (accessed 20 august 2020).
4. *Krasnaja Persija: razgrom Giljanskoj respubliki*, Voennoe obozrenie, available at https://topwar.ru/85003-krasnaya-persiya-chast-2-razgrom-gilyanskoy-respubliki.html (accessed 20 august 2020).
5. *Iranskaja Sovetskaja Socialisticheskaja Respublika i ee sozdateli*, Evrejskij mir, available at http://evreimir.com/119936/iranskaya-sovetskaya-sotsialisticheskaya-respublika-i-ee-sozdateli (accessed 20 august 2020).

6. *Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Irane*, Istorija.ru, available at http: //www. istoriia.ru/xx-vek/nacional'no-osvoboditel'noe-dvizheni.html (accessed 20 august 2020).
7. Zharinov K.V. *Terrorizm i terroristy*, Moscow, 2005.
8. Antonov K.A. et al. *Istorija Indii* (kratkij ocherk), Moscow, Mysl', 1973.
9. Jyotirmaya S. *Hindutva: Exploring the Idea of Hindu Nationalism*. Penguin Books India, 2011.
10. *Indusskij nacionalizm: ideologija i praktika*. Part 1. Savarkar – tvorec hindutvy, Voennoe obozrenie available at https://topwar.ru/107139-indusskiy-nacionalizm-ideologiya-i-praktika-chast-1-savarkar-tvorec-hindutvy.html (accessed 20 august 2020).
11. Shapira A., Penslar D.J. *Israeli Historical Revisionism: from left to right*, Routledge, 2002.
12. Kabachenko A.P. *Istorija mirovoj politiki*, uchebnoe posobie, Moscow, 2008, 829 p.
13. Zelenin D.A. *Jevoljucija nacional'no-osvoboditel'nogo dvizhenija Arabskogo naroda Palestiny (1920-1990 gg.)*: avtoref. dis… kand. ist. nauk 07.00.04, Moscow, 1990.
14. Alestin F. *Palestina v petle sionizma: Prestupniki. Zhertvy. Svideteli. Sud'I*, Moscow, Jurid, lit. 1988. ISBN 5-7260-0014-5, 303 p.
15. Agapov M.G. *Istoki sovetsko-izrail'skih otnoshenij: «evrejskij nacional'nyj ochag» v politike SSSR v 1920-e – 1930-e gody*, Tjumen', 2011, ISBN: 978-5-91409-224-2.
16. *Organizacija osvobozhdenija Palestiny – sub`ekt mezhdunarodnogo prava*, Juridicheskaja Rossija: Federal'nyj pravovoj portal, available at http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1237946 (accessed 20 august 2020).
17. Hever S. *The Political Economy of Israel's Occupation: Repression Beyond Exploitation*, London, Pluto Press, 2010.
18. *Vstrecha s Haledom Mashaalem*, Oficial'noe internet-predstavitel'stvo Prezidenta Rossii, available at http://kremlin.ru/events/president/news/7714 (accessed 20 august 2020).
19. *Moskvu vo vtoroj raz posetil odin iz liderov HAMASa*, Lenta.ru, available at https://lenta.ru/articles/2007/02/27/hamas (accessed 20 august 2020).
20. *V HAMAS schitajut, chto Rossija mozhet sposobstvovat' dostizheniju palestinskogo edinstva*, TASS, available at http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4574243 (accessed 20 august 2020).
21. *RF rasschityvaet, chto peredacha KPP v Gaze palestinskim vlastjam uluchshit situaciju*, TASS, available at http://tass.ru/politika/4699388 (accessed 20 august 2020).
22. *Abbas nazval uslovie dlja vyborov v Palestine*, RIA Novosti, available at https://ria.ru/20191126/1561633834.html (accessed 20 august 2020).
23. Belen'kaja M. *70 let spustja. Kak teper' vygljadit budushhee konflikta Palestiny i Izrailja*, Sajt Moskovskogo centra Karnegi, available at http://carnegie.ru/commentary/74859 (accessed 20 august 2020).

ATNASHEV Vadim R. – North-West Institute of Management of RANEPA. 57/43, Sredny pr. V.O., Saint-Petersburg, Russia, 199178. E-mail: vatnash@hotmail.com

FEATURES OF EXTREMISM IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL LIBERATION STRUGGLE IN ASIAN COUNTRIES

This article examines the connection between the national liberation movements in Asia and extreme types of struggle, which persisted after the independence of the former colonies. A number of national liberation movements emerged at the beginning of the 19th century in Latin America and Europe, but in the eastern hemisphere only the Greek national liberation revolution was known as successful in achieving independence, albeit with the support of a number of European countries. A number of protracted and bloody ethnic conflicts are known as negative consequences of the colonial policies (India, Sri Lanka, Rwanda, Sudan, etc.). There are not more colonies in the modern world, but there is still a completely occupied state (Palestine). The article identifies two main types of extremism - social revolutionary and national liberation in relation to the nature of the main conflict that determined the political situation in a particular country. The article identifies two main types of extremism - social revolutionary and national liberation. Socio-revolutionary extremism is typical for countries that have not become colonies, but have faced serious social conflicts. The main forms of national liberation extremism are anti-colonialism and separatism. Separatist extremism is typical for continental empires such as China, the Austro-Hungarian Empire, Russian and Ottoman Empires, where a few ethnic minorities fought in order to gain independence. The features of these types of extremism are considered on the material of Iran, India, and Palestine. In particular, religious nationalism engenders extreme forms in India, and that include the persistence of a caste system that violates fundamental human rights. It is shown how the leaders used the social revolutionary movement and military aid from abroad to their advantage on the example of the Gilan Republic in Persia,. In general, the history of various national liberation movements in Asia demonstrates the tolerant attitude of the international community to violent forms of struggle for independence under conditions of colonial exploitation and foreign occupation. However, in the postcolonial period, in the second half of the 20th century, previously justified violence often led to the development of terrorism. Currently, with the exception of Palestine, the claims to the legitimacy of the national liberation struggle are based either on separatism or on the nationalism and populism of extremist groups.

COLONIALISM; VIOLENCE; CONFLICT; INDIA; GILAN; PALESTINE; OCCUPIED TERRITORIES; INTERNATIONAL LAW

УДК: 327
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.02

Ван Цзюньтао

СОВМЕСТНЫЕ ПРОЕКТЫ ПО РАЗВИТИЮ ПРИГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИЕЙ ХЭЙЛУНЦЗЯН И ДАЛЬНИМ ВОСТОКОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВАН Цзюньтао – кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.
E-mail: van_ts@spbstu.ru

Приграничные области Дальнего Востока России имеют исторические торговые связи с китайской провинцией Хэйлунцзян. Анализ совместных экономических проектов между этими регионами имеет большое значение для развития приграничной торговли между ними. Особенностью сотрудничества связано с развитием каждой области Российской Федерации, их историей, специализацией, демографией, социальной, культурной и национальной традицией. Одним из направлений приграничных торговых отношений является особые экономические зоны, на территории которых действует особый режим предпринимательства. Приграничная торговля оказывает влияние на интеграционные процессы, что увеличивает объем внешнеторгового обмена и улучшает региональные пропорции. Новой формой приграничного сотрудничества на Дальнем Востоке стали программы соразвития. Начиная с 2009 года между российскими регионами и китайской провинцией Хэйлунцзян. Установились новые формы сотрудничества: более активное развитие торговой инфраструктур, кредитно-торговое сотрудничество. Выделяются несколько периодов в торгово-экономических отношениях между Дальним Востоком и китайской провинцией Хэйлунцзян. Это выделение нашло отражение в работах российских: М.В. Александровой, Д.В. Суслова, Л.А. Понкратовой, С.А. Иванова, Н.Л. Симутиной, Н.П. Рыжакова и китайских Чжао Синь, Хуан Мэйлян исследователей. На основании этих работ можно сделать следующие выводам: наблюдается переход во внешней торговли субъектов Российской Федерации на Дальнем Востоке с китайской провинцией Хэйлунцзян от ассиметричной зависимости к соглашению национальных стратегий по развитию

дальневосточного российского приграничья и Северно-Востока Китайской Народной Республики.

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО; ПРИГРАНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ; КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА; РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ; ДАЛЬНЫЙ ВОСТОК; ПРОВИНЦИЯ ХЭЙЛУНЦЗЯН

Актуальность. Каждый из субъектов Дальневосточного федерального округа Российской Федерации (ДФО РФ) отличается спецификой развития торговли с приграничными провинциями Китайской Народной Республики (КНР). Это связано с особенностями развития каждой из областей с исторически сложившейся хозяйственной специализацией, демографической, социальной, культурной, национальной характеристиками.

Цели и задачи. Проанализировать приграничное сотрудничество ДФО РФ с КНР. Проанализировать историю приграничного сотрудничества, рассмотреть конкретные примеры приграничного сотрудничества, оценить перспективу его дальнейшего развития.

Характеризуя экономику приграничных областей ДФО РФ, большинство исследователей отмечают отсталость областей Дальнего Востока от других субъектов Российской Федерации в целом и от провинции КНР Хэйлунцзян, несимметричность в развитии российско-китайской приграничной торговли, выделяют факторы отсталости ДФО РФ [1; 2].

Неравномерность развития китайской провинции Хэйлунцзян и российских сопредельных с ней субъектов ДФО РФ способствует, по мнению В.В. Покровской, развитию приграничной торговли. Развитие российского экспорта служит основой и стимулом к экономической интеграции приграничных территорий, так как приграничная торговля и интеграция присуща территориям государств, имеющих экономические диспропорции в развитии и принимающих активное участие в национальной экономике [3, с. 34].

Среди направлений развития приграничных торговых отношений, по мнению О.П. Осадчей и Д.В. Ремизовой выделены такие формы сотрудничества приграничных территорий, как особые экономические зоны, на территории которых действует особый режим предпринимательства. Приграничная торговля, по их мнению, воздействует на интенсификацию интеграционных процессов, что

позволяет Российской Федерации увеличить объем внешнеторгового обмена и улучшить региональные пропорции экономики, решать вопросы на межгосударственном уровне, увеличивать объем внешнеторгового обмена и улучшить региональные пропорции экономики [4, с. 268].

Помимо создания особых экономических зон, в целях развития российского Дальнего Востока, по мнению С.Н. Леонова, Российская Федерация пытается внедрить такие экономические инструменты, как федеральные целевые программы, создание зон территориального развития, территорий опережающего социально-экономического развития, создание свободного порта Владивосток, что связано с поиском региональных «точек роста» для особых условий инвестирования [5, с. 43]. При этом С.Н. Леонов считает, что отсутствие мониторинга показателей эффективности программ на стадии ее реализации не велось, поэтому невозможно было соотнести использованные ресурсы и полученные за счет реализации принятых в России программ результаты [5, с. 45].

Еще одной новой формой сотрудничества в области приграничной торговли становится принятие программ соразвития. В процессе исследования динамики торговли между российским Дальним Востоком и китайской провинцией Хэйлунцзян в период с 2001 по 2017 годы нами было выявлено, что с 2009 года во внешнеторговой политике обоих государств появилась тенденция к взаимному регулированию данной сферы приграничного сотрудничества. Это производилось в целях укрепления странами своих экономических позиций в международном разделении труда, для расширения емкости внешнего рынка, развития приграничных регионов. Китайская Народная Республика и Российская Федерация переходят от простой взаимозависимости в торговых приграничных отношениях к согласованию стратегий, что является следствием усиления процессов интернационализации мирового хозяйства в регионах.

С 2009 года внешнеторговым отношениям между российским приграничьем и китайской провинцией Хэйлунцзян придается новое качество вследствие оптимизации функций экономического взаимодействия, что выражается в новых формах сотрудничества. Началось более активное развитие торговой инфраструктуры, появилось кредитно-торговое сотрудничество. Интегрирование экономик приграничных областей ДФО РФ проходит в форме кооперации на основе

выработки общей политики развития регионов Китайской Народной Республики и Российской Федерации на государственном уровне, использования относительных преимуществ приграничных территорий как конкурентного ресурса развития территорий, создания особых экономических зон.

Из современных программ Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и сотрудничеству между приграничными областями России и китайской провинцией Хэйлунцзян можно выделить несколько основных документов. Наиболее значимый из них, подтверждающий тот факт, что 2009 год является переломным – это «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и северо-востока КНР (2009–2018 годы)». В ней указывается необходимость построения логистических маршрутов, развитии зон сотрудничества и его укреплении в различных сферах. В ее рамках запланировано строительство 33 проектов на территории провинции Хэйлунцзян и 36 проектов в областях России [6]. Эта единственная современная совместная программа, которая содержит указания по строительству конкретных объектов [7, с. 114].

Также взаимодействие двух регионов происходит в контексте «Программы соразвития регионов России и КНР» китайского инвестиционного сотрудничества, который был утверждён главами России и Китая в июне 2009 года. В соответствии с данным планом на территории России предполагалось создание перерабатывающих производств с участием китайского капитала, на которых бы осуществлялась глубокая переработка российских сырьевых товаров, участие российского и китайского корпоративных секторов в производственных цепочках, строительство инфраструктуры и создание новых рабочих мест. Немаловажным можно считать создание на территории Китая сети сбыта некоторых базовых экспортных товаров, производимых в России [8]. В 2015 году правительством Российской Федерации была принята первая программа, направленная на развитие областей Дальнего Востока [9].

В отличие от совместных программ, инициированных Россией, программы китайской стороны отличаются по нескольким параметрам. Одна из особенностей целевых программ развития провинции Хэйлунцзян – это их ориентация не только на развитие приграничного и инвестиционного

сотрудничества с Россией, но и на комплексное развитие региона на протяжении нескольких десятков лет. Также в китайских программах указаны не общие положения, а конкретные шаги по достижению поставленных целей, даются конкретные цифры. Кроме того, подобные программы в Китае начали приниматься намного раньше российских.

В 2004 году в Китайской Народной Республике были приняты «Мнения ЦК КПК и Госсовета по реализации стратегии возрождения старых промышленных баз в Северо-Восточном Китае (关于印发《建设部关于贯彻落实〈中共中央国务院关于实施东北地区等老工业基地 振兴战略的若干意见〉的意见》的通知»), в которых были отмечены первые программные шаги в заданном направлении [10]. В дальнейшем эта инициатива нашла развитие в XI, XII, а также была упомянута в XIII пятилетнем плане [11; 12; 13]. В результате в XII пятилетнем плане развития провинции Хэйлунцзян указано, что к 2015 году появились первые значимые итоги – была углублена стратегия возрождения старой промышленной базы региона. Благодаря поддержке центральной власти провинциальное руководство получило возможность развития современного оборудования для производства, произвело модернизацию сельского хозяйства, развило высокотехнологичные отрасли промышленности. Также в плане отдельно прописано укрепление регионального сотрудничества с Россией с пограничными портами Суйфэньхэ и Дуннин в качестве логистических точек маршрута для приграничной торговли. Правительство провинции Хэйлунцзян стремиться создать из провинции «пять центров»: обработки и производства, бизнес-центр, логистический, туристический и выставочный [14].

Еще одна программа носит название «План приграничного развития и открытости Северо-Востока КНР в Хэйлунцзян и Внутренней Монголии (龙江和内蒙古东北部地区沿边开发开放规划编辑讨论)» и должна быть выполнена в период с 2013 по 2025 годы. В соответствии с ней к 2020 году в приграничных районах провинции должны быть проведены необходимые инфраструктурные изменения, оптимизировано расположение портов, улучшены условия таможенного оформления товаров и т.д., что, в свою очередь, должно привести к улучшению

сотрудничества между приграничными областями Китайской Народной Республики и Российской Федерации [15].

Таким образом, социально-экономические показатели, особенности формирования института приграничной торговли, эволюция форм сотрудничества и интеграционная деятельность, обусловленная взаимодействиями приграничных регионов Российской Федерации и Китайской Народной Республики и программами соразвития, позволяют выделить несколько этапов в развитии приграничной торговли между китайской провинцией Хэйлунцзян и российским Дальним Востоком.

На настоящий момент существуют различные подходы к выделению периодов, каждый из которых определяет отдельные особенности развития торговых отношений. Например, М.В. Александрова, кандидат экономических наук и ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений **Института Дальнего Востока Российской академии наук (**ИДВ РАН), говорит о трех этапах развития приграничной торговли между российским Дальним Востоком и китайской провинцией Хэйлунцзян. Первый из них включает в себя период с 1978 до 1993 года, который характеризовался развитием внешней торговли региона благодаря ее либерализации. Следующий период, продлившийся до 1999 года, назван установочным, так как в это время руководство КНР начало проводить первые важные преобразования в макроэкономике. В полной мере эта политика была реализована во время следующего этапа – с 2000 по 2008 гг. Вступление Китайской Народной Республики во Всемирную Торговую Организацию (ВТО) и принятие политики «пяти дальнейших продвижений», предполагающей переход от региональных целей к глобальным, увеличило внешнеторговый оборот в несколько раз [16, с. 225].

Исследователи Л.А. Понкратова, заведующая кафедрой мировой экономики финансово-экономического факультета Амурского государственного университета и Чжао Синь (赵辛), аспирант кафедры, рассматривают периоды развития с точки зрения вступления Китайской Народной Республики во Всемирную Торговую Организацию. Они выделяют лишь один период развития приграничной торговли – с 2001 по 2009 год. Авторы анализируют изменения торгового оборота Китая после

вступления в ВТО на основе структурных сдвигов в экспорте и импорте. В качестве одного из выводов они упоминают такие преимущества вступления в ВТО, как открытый рынок, который позволил Китаю выйти в лидеры по экспорту к концу периода [17, с. 44].

Некоторые исследователи в качестве основного критерия для деления используют такие количественные показатели, как объем экспорта и импорта. Например, Хуан Мэйлян (黄美亮) делит российско-китайское торговое сотрудничество на два этапа: с 1992 по 1998 год, когда между странами еще не были установлены стабильные отношения, а торговля развивалась неравномерно, и с 1999 по 2008 год, который отмечается как период стабильного роста и развития [18, с. 54].

Д.В. Суслов, кандидат экономических наук и старший научный сотрудник Института экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук, в своей статье выделяет пять этапов приграничного сотрудничества между китайской провинцией Хэйлунцзян. По его мнению, начальный этап проходил с 1992 по 1993 год и отличался оформлением отношений между Россией и Китаем. Второй этап – с 1994 по 1999 год характеризуется снижением товарооборота из-за изменения экономических условий на территории России. С 2000 по 2008 год этап развития приграничной торговли назван «этап устойчивого роста». Благодаря действиям правительств обеих государств и благоприятной экономической обстановке, наблюдался постоянный рост торгового оборота между странами. Следующий этап назван «возврат к стабильности после падения» и затрагивает шесть лет с 2009 года. В этот период был утвержден ряд документов, направленных на развитие внешнеторговых отношений, которые стимулировали развитие торговых связей между странами. Однако последние изменения в экономической обстановке, а также экономические санкции против России и снижение цены на нефть негативно отразились на приграничной торговле между российским Дальним Востоком и китайской провинцией Хэйлунцзян [19, с. 49].

С.А. Иванов, кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, также выделяет пять этапов развития приграничных отношений. Первый этап он, подобно другим авторам, связывает с началом

политики «открытия» китайской провинции Хэйлунцзян для внешней торговли с Россией. Рамки первого периода обозначены как середина 1980–х – начало 1990-х годов. В начале девяностых начался второй период, который характеризовался политикой приграничной открытости. Начало третьего этапу положила программа по возрождению старых промышленных баз, принятая Госсоветом КНР в 2003 году. Этот период определяется ускоренной индустриализацией приграничного пояса между российским Дальним Востоком и китайской провинцией Хэйлунцзян [20, с. 55].

От мнения этих авторов отличается подход экономистов Н.Л. Симутиной, кандидата экономических наук, и Н.П. Рыжовой – кандидата экономических наук, профессора Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), которые в своем исследовании уделили особое внимание развитию внешней торговли между Благовещенском и Хэйхэ. В основе их работы положен принцип О. Мартинеса, который выделял четыре возможных варианта развития отношений: отчужденные, сосуществующие, взаимозависимые и интегрированные. Исходя из этой классификации, история развития торговых отношений между Благовещенском и Хэйхэ была поделена на семь этапов: первые пять затрагивают период с 1984 по 1993 год и показывают развитие русско-китайских отношений от отчуждения до формирования взаимозависимости. Авторы также выделяют этапы с 2001 по 2004 год, который характеризуется развитием ассиметричной взаимозависимости и этап с 2005 года, который ее закрепляет [2, с. 136].

Таким образом, информация о принципах выделения периодов в торгово-экономических отношениях между китайской провинцией Хэйлунцзян и российским Дальним Востоком может быть представлена в виде следующей таблицы:

ФИО исследователя/ей	**Выделяемые периоды**	**Принципы определения периодов**
М.В. Александрова	1978–1993 гг. 1994–1999 гг. 2000–2008 гг.	Изменение законодательной базы КНР
Д.В. Суслов	1992–1993 гг. 1994–1999 гг. 2000–2008 гг. 2009–2014 гг. 2015–2017 гг.	Темпы роста товарооборота

Хуан Мэйлян	1992–1998 гг. 1999–2008 гг.	Размер колебаний объема экспорта и импорта
Л.А. Понкратова, Чжао Синь	До 2001 г. После 2001 г.	Вступление в ВТО
С.А. Иванов	~1985–1990 гг. ~1990–2002 гг. 2003–2008 гг.	Степень «открытости» территорий
Н.Л. Симутина, Н.П. Рыжова	1984–1986 гг. 1987–1991 гг. 1992–1993 гг. 1994–1998 гг. 1998–2000 гг. 2001–2004 гг. 2005–2007 гг.	Взаимозависимость территорий

Мы полагаем, что наиболее фундаментальным стоит признать подход Н.Л. Симутиной и Н.П. Рыжовой [2]. При делении исследуемого периода приграничной торговли на периоды необходимо рассматривать не только количественные показатели, как, например, внешнеторговый оборот, но и качественные – структуру экспорта и импорта, миграционный обмен между территориями, наличие совместно реализуемых программ и инициатив. На основе этих показателей можно выделить несколько этапов динамики приграничной торговли.

Таким образом, в периоде приграничной торговли с 2001 по 2017 год между российским Дальним Востоком и китайской провинцией Хэйлунцзян можно выделить два этапа развития приграничной торговли. По нашему мнению, первый из них – это с 2001 по 2009 год, который характеризуется развитием и закреплением ассиметричной зависимости Российской Федерации от Китайской Народной Республики. Второй из них – это этап с 2009 по 2017 год, который выражается в сопряжении стратегий развития регионов на основе программ соразвития регионов и углублении кооперации как формы интеграционного взаимодействия.

Выводы. Переход во взаимоотношениях с Китайской Народной Республикой от ассиметричной зависимости во внешней торговле приграничных субъектов Российской Федерации к согласованию национальных стратегий по развитию дальневосточного российского приграничья и Северо-Востока Китая – это качественная особенность современного этапа развития приграничной торговли с 2009 года. Темпы

прироста и другие показатели являются в этом случае экономическим количественным индикатором реализации принципа «соразвития регионов» и используются для оценки эффективности сопряжения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Атанов Н.И., Аюшеева Е.В. Современное состояние и перспективы приграничного сотрудничества России и Китая в условиях евразийской экономической интеграции // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2016. № 1. С. 67–74. ISSN: 2304-4446.

2. Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск – Хэйхэ // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2007. № 5(135). С. 130–144. ISSN: 0869-7698.

3. Покровская В.В. Приграничная торговля как составляющая внешнеэкономической политики государства // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 3. С. 28–46. ISSN: 2072-8042.

4. Осадчая О.П., Ремизов Д.В. Существующие подходы к организации внешнеэкономических отношений в форме приграничного сотрудничества // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Т. 1. № 2-1(78). С. 266–269. ISSN: 1561-9443eISSN: 1561-9451.

5. Леонов С.Н. Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 41–67. DOI: 10.14530/se.2017.2.041-067.

6. «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 годы)» [эл. доступ]. URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/programm_coop.pdf (дата обращения: 01.05.2019).

7. Муратшина К.Г. Программа сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. в российско-китайском трансграничном взаимодействии: значение, эволюция, риски // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 110–120. DOI: 10.17223/15617793/417/16.

8. «План российско-китайского инвестиционного сотрудничества» [эл. доступ]. URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/rus+china%20plan.pdf (дата обращения: 01.05.2019).

9. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа» // Консультант плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188419/ (дата обр.: 01.05.2019).

10. Гуаньюй иньфа цзяньшэбу гуаньюй гуаньчэ лоши чжунгун чжунъян гоуюань гуаньюй шиши дунбэй дицюй ден лао гунъе цзиди чжэньсин чжаньлюэ дэ

жогань ицзянь дэ ицзянь дэ тунчжи 关于印发《建设部关于贯彻落实〈中共中央国务院关于实施东北地区等老工业基地 振兴战略的若干意见〉的意见》的通知 [Уведомление о печати и распространении мнений Министерства строительства о реализации «Мнений ЦК КПК и Государственного совета по реализации стратегии возрождения старых промышленных баз в Северо-Восточном Китае»]. [эл. доступ]. URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=87054 (accessed: 01.05.2019).

11. Ди шиигэ уняньцзихуа эр лин лин лю нянь эр лин и лин нянь 第十一个五年计划（2006年—2010年) [XI пятилетний план (2006–2010 гг.)]. [эл. доступ]. URL: https://clck.ru/FtvSu (accessed: 01.05.2019).

12. Ди шиигэ уняньцзихуа эр лин лин лю нянь эр лин и лин нянь 国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要(全文) [Полный текст плана XII пятилетней программы национального экономического и социального развития]. [эл. доступ] URL: http://www.gov.cn/2011lh/content_1825838_6.htm (accessed: 01.05.2019).

13. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань ди шисань гэ унянь гуйхуа ганъяо 中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 [План XIII пятилетки национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики]. [эл. доступ] URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-03/17/content_5054992.htm (accessed: 01.05.2019).

14. Хэйлунцзян шэн гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань ди шиэр гэ унянь гуйхуа ганъяо 黑龙江省国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要 [План XII пятилетнего плана национального экономического и социального развития провинции Хэйлунцзян]. [эл. доступ] URL: http://www.hlj.gov.cn/szf/system/2015/08/19/010737426.shtml (accessed: 01.05.2019).

15. Хэйлунцзян хэ нэймэнгу дунбэйбудицюй яньбянь кайфа кайфан гуйхуа бяньцзи таолунь 黑龙江和内蒙古东北部地区沿边开发开放规划编辑讨论 [Обсуждения изменений в плане приграничного развития и открытости Северо-Востока КНР в Хэйлунцзян и Внутренней Монголии]. [эл. доступ] URL: https://clck.ru/FtvvZ (accessed: 01.05.2019).

16. Александрова М.В. Внешнеэкономическая деятельность провинции Хэйлунцзян в период реформ (1978–2008 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2009. № 14. С. 217–240. ISSN: 2618-6888.

17. Понкратова Л.А., Чжао Синь. Внешняя торговля Китая: особенности динамики и оценка структурных сдвигов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. Т.7. № 2(95). С. 44–53. ISSN: 2073-2872eISSN: 2311-875X.

18. Хуан Мэйлян. Основа и институциональные механизмы сотрудничества между Россией и Китаем // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2008. № 3. С. 50–59. ISSN: 2313-2329eISSN: 2408-8986.

19. Цзоу Сютин, Суслов Д.В. Состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества между северо-востоком Китая и Россией // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 2(79). С. 46–56. DOI 10.22394/1818-4049-2017-79-2-46-56.

20. Иванов С.А. Формирование приграничного с Россией пояса открытости КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 3(10). С. 52-59. ISSN: 1998-6785.

REFERENCES:

1. Atanov N.I., **Ajusheeva E.V.** *Sovremennoe sostojanie i perspektivy prigranichnogo sotrudnichestva Rossii i Kitaja v uslovijah evrazijskoj jekonomicheskoj integracii,* Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta, Jekonomika i menedzhment, 2016, № 1, pp. 67–74. ISSN: 2304-4446.

2. Simutina N.L., **Ryzhova N.P.** *Jekonomicheskie i social'nye vzaimodejstvija na transgranichnom prostranstve Blagoveshhensk – Hjejhje,* Vestnik Dal'nevostochnogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2007, № 5(135), pp. 130–144. ISSN: 0869-7698.

3. Pokrovskaja V.V. *Prigranichnaja torgovlja kak sostavljajushhaja vneshnejekonomicheskoj politiki gosudarstva,* Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik, 2013, № 3, pp. 28–46. ISSN: 2072-8042.

4. Osadchaja O.P., **Remizov D.V.** *Sushhestvujushhie podhody k organizacii vneshnejekonomicheskih otnoshenij v forme prigranichnogo sotrudnichestva,* Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, T. 1, № 2-1(78), pp. 266–269. ISSN: 1561-9443e ISSN: 1561-9451.

5. Leonov S.N. *Instrumenty realizacii gosudarstvennoj regional'noj politiki v otnoshenii Dal'nego Vostoka Rossii*, Prostranstvennaja jekonomika, 2017, № 2, pp. 41–67. DOI: 10.14530/se.2017.2.041-067.

6. *Programma sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoj Sibiri Rossijskoj Federacii i Severo-Vostoka Kitajskoj Narodnoj Respubliki (2009-2018 gody),* available at http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/programm_coop.pdf (accessed 01 may 2019).

7. Muratshina K.G. *Programma sotrudnichestva regionov Dal'nego Vostoka i Vostochnoj Sibiri RF i Severo-Vostoka KNR na 2009–2018 gg. v rossijsko-kitajskom transgranichnom vzaimodejstvii: znachenie, jevoljucija, riski,* Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, № 417, pp. 110–120. DOI: 10.17223/15617793/417/16.

8. *Plan rossijsko-kitajskogo investicionnogo sotrudnichestva,* available at http: //www. russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/rus+china%20plan.pdf (accessed 01 may 2019).

9. *Rasporjazhenie Pravitel'stva RF «Ob utverzhdenii Koncepcii razvitija prigranichnyh territorij sub`ektov Rossijskoj Federacii, vhodjashhih v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga»,* Konsul'tant pljus, available at http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188419/ (accessed 01 may 2019).

10. *Guan'juj in'fa czjan'shjebu guan'juj guan'chje loshi chzhungun chzhun#jan goujuan' guan'juj shishi dunbjej dicjuj den lao gun#e czidi chzhjen'sin chzhan'ljuje dje zhogan' iczjan' dje iczjan' dje tunchzhi* 关于印发《建设部关于贯彻落实〈中共中央国务院关于实施东北地区等老工业基地 振兴战略的若干意见〉的意见》的通知 [*Uvedomlenie o pechati i rasprostranenii mnenij Ministerstva stroitel'stva o realizacii «Mnenij CK KPK i Gosudarstvennogo soveta po realizacii strategii vozrozhdenija staryh promyshlennyh baz v Severo-Vostochnom Kitae»*], available at http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=87054 (accessed 01 may 2019).

11. *Di shiigje unjan'czihua jer lin lin lju njan' jer lin i lin njan'* 第十一个五年计划（2006年—2010年) [*XI pjatiletnij plan (2006–2010 gg.)*], available at https: //clck.ru /FtvSu (accessed 01 may 2019).

12. *Di shiigje unjan'czihua jer lin lin lju njan' jer lin i lin njan'* 国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要(全文) [*Polnyj tekst plana XII pjatiletnej programmy nacional'nogo jekonomicheskogo i social'nogo razvitija*], available at http://www.gov.cn/2011lh/content_1825838_6.htm (accessed 01 may 2019).

13. *Chzhunhua zhjen'min' gunhjego gomin' czinczi hje shjehujej fachzhan' di shisan' gje unjan' gujhua gan#jao* 中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 [*Plan XIII pjatiletki nacional'nogo jekonomicheskogo i social'nogo razvitija Kitajskoj Narodnoj Respubliki*], available at http://www.gov.cn/xinwen/2016-03/17/content_5054992.htm (accessed 01 may 2019).

14. *Hjejlunczjan shjen gomin' czinczi hje shjehujej fachzhan' di shijer gje unjan' gujhua gan#jao* 黑龙江省国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要 [*Plan XII pjatiletnego plana nacional'nogo jekonomicheskogo i social'nogo razvitija provincii Hjejlunczjan*], available at http: //www.hlj.gov.cn/szf/system/2015/08/19/010737426.shtml (accessed 01 may 2019).

15. *Hjejlunczjan hje njejmjengu dunbjejbudicjuj jan'bjan' kajfa kajfan gujhua bjan'czi taolun'* 黑龙江和内蒙古东北部地区沿边开发开放规划编辑讨论 [*Obsuzhdenija izmenenij v plane prigranichnogo razvitija i otkrytosti Severo-Vostoka KNR v Hjejlunczjan i Vnutrennej Mongolii*], available at https://clck.ru/FtvvZ (accessed 01 may 2019).

16. Aleksandrova M.V. *Vneshnejekonomicheskaja dejatel'nost' provincii Hjejlunczjan v period reform (1978–2008 gg.),* Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost', 2009, № 14, pp. 217–240. ISSN: 2618-6888.

17. Ponkratova L.A., **Chzhao Sin'.** *Vneshnjaja torgovlja Kitaja: osobennosti dinamiki i ocenka strukturnyh sdvigov*, Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost', 2011, T. 7, № 2(95), pp. 44–53. ISSN: 2073-2872eISSN: 2311-875X.

18. Huan Mjejljan. *Osnova i institucional'nye mehanizmy sotrudnichestva mezhdu Rossiej i Kitaem*, Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov, Serija: Jekonomika, 2008, № 3, pp. 50–59. ISSN: 2313-2329eISSN: 2408-8986.

19. Czou Sjutin, **Suslov D.V.** *Sostojanie i perspektivy torgovo-jekonomicheskogo sotrudnichestva mezhdu severo-vostokom Kitaja i Rossiej*, Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii, 2017, № 2(79), pp. 46–56. DOI 10.22394/1818-4049-2017-79-2-46-56.
20. Ivanov S.A. *Formirovanie prigranichnogo s Rossiej pojasa otkrytosti KNR*, Ojkumena, Regionovedcheskie issledovanija, 2009, № 3(10), pp. 52-59. ISSN: 1998-6785.

WANG Juntao – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnitcheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: van_ts@spbstu.ru.

JOINT BORDER TRADE DEVELOPMENT PROJECTS BETWEEN THE CHINESE PROVINCE OF HEILONGJIAN AND THE FAR EAST OF THE RUSSIAN FEDERATION

The border regions of the Russian Far East have historical trade links with the Chinese province of Heilongjiang. The evaluation of joint economic projects between these regions is of great importance for the development of cross-border trade between them. The peculiarity of cooperation is related to the each region of the Russian Federation development, their history, specialization, and demography, social, cultural and national traditions. One of the areas of cross-border trade relations is special economic zones, on the territory of which there is a special mode of entrepreneurship. Cross-border trade influences integration processes, which increases the volume of foreign trade exchange and improves regional proportions. Co-development programs have become a new form of cross-border cooperation in the far East. The new forms of cooperation have been established since 2009: more active development of trade infrastructure, credit and trade cooperation. Several periods in trade and economic relations between the Far East and the Chinese province of Heilongjiang can be highlighted. This distinction is reflected in the works of Russian investigators: M. V. Alexandrova, D. V. Suslov, L. A. Ponkratova, S. A. Ivanov, N. L. Simutina, N. P. Ryzhakov, and Chinese scientists Zhao Xin and Huang Meiliang. We can draw the following conclusions based on these studies: there is a transition in the foreign trade of the Russian Federation entitiess in the far East with the Chinese province of Heilongjiang from an asymmetric dependence to an agreement on national strategies for the development of the far Eastern Russian border and the North-East of the People's Republic of China.

BORDER COOPERATION; BORDER TRADE; PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA; RUSSIAN FEDERATION; FAR EAST; HEILONGJIAN PROVINCE

УДК: 329.17
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.03

Д.Р. Ерофеев

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ПРОГРАММНЫХ УСТАНОВОК ПАРТИИ АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ (АДГ)

ЕРОФЕЕВ Дмитрий Романович – старший преподаватель Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.
E-mail: erofeev_dr@spbstu.ru

Партия «Альтернатива для Германии» на последних выборах в Бундестаг заняла третье место и превратилась в крупнейшую силу на правом фланге политического спектра. Рост популярности партии связан с институциональным кризисом Европейского Союза, ростом евроскептицизма и проблемами в сфере миграции. Подобный «правый поворот» наблюдается во многих странах Европы и не может быть списан только на маргинальные политические группы. Таким образом, необходимо проанализировать те ценностные установки, которые стали основой для роста популярности правых идеологий в современных условиях. События, происходящие в Германии, крайне важны в этом смысле, поскольку, с одной стороны Германия является одним из лидеров Европейского Союза и воспринимается многими странами Европы как системообразующая сила ЕС. С другой стороны, историческое прошлое Германии заставляет обращать пристальное внимание на рост популярности правых сил. Крайне правые националистические партии Германии в течение долгого времени оставались маргинальными однако после объединения Германии и увеличения миграционных потоков их популярность стала расти. В каком-то смысле АдГ стала наследницей этих партий и ее идеологическая платформа базируется на идеологических установках крайне правых партий, активизировавших свою деятельность на рубеже XX–XXI веков. В частности таких партий как Немецкий Народный Союз, Республиканцы и Национал-демократическая партия Германия. Большинство программных установок этих партий формально соответствуют общему духу «АдГ», при этом, однако, можно сделать вывод, что успехи «Альтернативы для Германии» связаны не столько с преемственностью и успехами идеологии радикалов, сколько с реакцией общества на конкретные проблемы и неспособностью традиционных политиков представить обществу приемлемую

программу выхода из кризиса. Таким образом, нельзя говорить, что идеологический поворот «на право» носит долговременный характер и не может быть преодолен в рамках традиционной западной демократической системы.

ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ; ПОПУЛИЗМ; РАДИКАЛИЗМ; ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ; ИДЕОЛОГИЯ; ПРАВЫЕ ПАРТИИ

Партия «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland), *(далее – АдГ)* формально основанная в 2013 году, на сегодняшний день стала одной из трех общенациональных партий (Volkspartei) Федеративной республики Германии наряду с Христианско-демократическим Союзом (ХДС) и Социал-демократами. АдГ стремительно стала одной из ведущих политических сил Германии, завоевав популярность у большого числа избирателей страны. На выборах в Бундестаг 2017 года партия получила 94 места, (ХДС – 200 мест, СДПГ – 153 места) [1], что говорит о том, что АдГ превратилась в крупнейшую оппозиционную силу и для центристов, и для левых. В этой связи интересным является анализ идеологических основ программных установок «Альтернативы…».

Целью статьи является определение истоков тех программных положений, которые в настоящей момент транслируются в качестве основных партией АдГ. Для достижения данной цели были поставлены ***задачи*** проанализировать программы ряда националистических партий, действовавших в Федеративной республике Германии в начале XX века.

В качестве основных ***методов*** исследования использовался системный подход, метод классификации и сравнения.

Как отмечает ряд исследователей, АдГ создавалась как объединение интеллектуалов, близких к ХДС, но недовольных слишком глубокой интеграцией Германии в европейские структуры [2]. Но огромную часть избирателей привлекли скорее исламофобия и немецкий национализм, которые вскоре стали основой партийной риторики. Таким образом, Альтернатива для Германии основана на двух основных идеологических постулатах – ультралиберализме и национализме. АдГ во многом стала идеологической преемницей крайне правых партий, активизировавшихся в Германии на рубеже XX–XXI веков. Поэтому для анализа этой стороны деятельности «Альтернативы…» необходимо рассмотреть программу партий, действовавших в этот период.

Крайне правые партии в Федеративной Республике Германия на рубеже веков были представлены Национал-демократической партией Германии (НДПГ), Немецким народным союзом (ННС) и Партией Республиканцев. Однако Л. Ренсманн отмечал, что «НДПГ осталась, пожалуй, единственной праворадикальной партией в полном смысле этого слова: ННС скорее занимается коммерцией, апеллируя к национальному чувству, а Республиканцы посредством смягчения идеологии приобрели черты умеренной системной правой партии» [3, p. 72].

Партия Республиканцев (Die Republikaner) была основана в 1983 году Францем Шёнхубером (Franz Xaver Schönhuber), который руководил ею до 1994 года. С 1989 по 1994 год партия была представлена в Европейском парламенте. До недавнего времени была популярна в основном на юге Германии.

В своей программе «Республиканцы. Общество – патриотизм – экология», принятой в 2002 году, партия отмечает, что нация является залогом демократии, свободы и социальной справедливости. В этой связи предлагалось сменить мультикультурализм чувством немецкой идентичности; Европейский Союз предлагалось ограничить «Европой Отечеств». Требования партии включали: «восстановление полной свободы мнений, знаний и слова, без идеологических и политических ограничений; отмену действия т.н. воинствующей демократии; воспитание самостоятельно мыслящей молодёжи взамен индоктринации; возвращение народного суверенитета и сильной власти как основы парламентской демократии; усиление народного участия в государственном управлении посредством укрепления форм прямой демократии; всенародное избрание федерального президента» [4].

В международной жизни, партия предлагала: установление справедливого мирового экономического порядка; защиту глобального культурного многообразия при особом подходе к сохранению немецкой культуры; «сказать: «Да!» Европе и «нет!» – Европейскому союзу» [4].

Республиканцы отмечали, что «сила Европы заключается в многообразии, которое ни в коем случае нельзя разрушать посредством «уравниловки». Основа будущего развития Европы – дружественное сотрудничество независимых национальных государств».

Поэтому партия предлагала «организовать ЕС как союз государств, а не как федеративное государство, сохранить преимущество национального законодательства перед общесоюзным, обеспечить контроль национального парламента за действиями союзных ведомств, признать статус немецкого языка наряду с английским и французским; устранить евро и вернуть в оборот немецкую марку и не допустить вступления Турции в ЕС». Краеугольным камнем и главнейшим требованием, выдвигаемым в своей программе, Республиканцы считают «сохранение немецкой Родины и недопущение мультикультурного сообщества, и многонационального государства», называя себя «партией Закона и Порядка» [4]. В целях достижения заявленной цели, Республиканцы требуют «ограничить иммиграционные потоки и принудить некоторые группы иностранцев, проживающих в ФРГ, к возвращению на свою Родину» [4].

Немецкий Народный Союз (Deutsche Volksunion) был основан в 1971 году мюнхенским издателем Герхардом Фреем (Gerhard Michael Frey), в 1987 году зарегистрирован как партия. В программном документе ННС заявлены двенадцать основных положений, характеризующих позицию партии. Часть из них соответствует воззрениям партии по внутриполитическим вопросам, которые, в целом, вписываются в рамки демократической системы социального государства: активная политика в отношении семьи и детства; создание рабочих мест; обеспечение пенсионных и социальных выплат; противодействие криминалу; помощь среднему классу и немецкому крестьянству; политика в отношении молодёжи и в сфере образования; усиленная защита окружающей среды и животного мира.

Однако те пункты, которым уделено большее внимание в программе, соответствуют крайне правым взглядам ННС:

1. *Сохранение немецкой идентичности*

Так, «Германия должна оставаться государством для немцев. Немецкому народу должны предоставляться те же права, что и любой другой нации: право на собственную территорию, национальную идентичность и полное самоопределение… посредством ограничения иммиграции и возможностей для получения политического убежища с тем, чтобы снизить давление на налоговую систему и рынок труда» [5].

2. *Никакого отказа от правомерных интересов Германии*

«Мы выступаем против безграничного и более не контролируемого немецким народом переноса суверенных прав Германии, особенно в сфере внешней и оборонной политики, на более далёкий от граждан, европейский уровень… Германский народ, как и любой другой, имеет право на самоопределение и самоуправление в границах своих исконных территорий» [5] .

3. Равноправие для Германии

«Коллективная вина за преступления времён национал-социализма, на которую до сих пор указывают Германии, является положением, которое не способствует равноправию ФРГ на международной арене» [5].

4. Прямая демократия для немецких граждан

«Мы выступаем за активное участие граждан в принятии политических решений на земельном, федеральном и европейском уровне» [5].

Итак, при наличии вполне системных положений через весь документ проходит идея восстановления немецкой идентичности, подразумевающая ограничение иммиграции в страну, выселение иностранцев, способствующих криминалу, ограничение прав на политическое убежище в ФРГ. Европейский Союз, по мнению ННС, отнимает существенную часть суверенитета у Германии, лишая её права на самоопределение. Поэтому ННС выступал за возвращение немецкой марки, и против углубления европейской интеграции. Кроме того, ННС предлагал отказаться от исторического «культа вины», обращает большое внимание на роль семьи в консолидации общества, не забывая о привычной в Германии существенной социальной политике. Как и многие другие праворадикальные партии, ННС уделял внимание необходимости введения мер прямой демократии [5]. Во многом идеологические установки Немецкого народного союза совпадали с идеологией Национал-демократической партии Германии, поэтому в 2011 году ННС влился в НДПГ.

Национал-демократическая партия Германии (Nationaldemokratische Partei Deutschlands) – самая старая крайне правая партия Германии, основана 28 ноября 1964 года выходцами из расформированной Партии Рейха. С 1996 по 2011 год НДПГ возглавлял Удо Фойгт (Udo Voigt), в прошлом – капитан люфтваффе. В 2007 году НДПГ насчитывала около 7000 членов, причем их число выросло по

сравнению с предшествующим годом на 1000 человек. Средний возраст членов партии – 37 лет. В рамках так называемого государственного финансирования партий НДПГ получила в 2007 году 1,45 миллиона евро. Официальным печатным органом является газета «Немецкий голос» (Deutsche Stimme), ее ежемесячный тираж составляет около 10 тысяч экземпляров. Помимо нее на региональном уровне существует целый ряд газет ультраправого толка [6].

Если же говорить непосредственно о программных установках, то следует отметить, что целью НДПГ является создание государства, где все сферы общественной жизни - политика, экономика и культура – опираются исключительно на национальную идею и национальные традиции немецкого народа. Так, в программе, имеющей декларативный характер, заявлено 15 основных разделов:

1. *Основа государства – народ:* «Сохранение народов служит сохранению культуры. Размытые в культурном плане сообщества могут представлять собой в лучшем случае лишь цивилизацию, основой которой являются материальные ценности. «Мультикультурные» сообщества, по сути своей, вовсе не имеют культуры… Единственно приемлемая форма политической организации народа – национальное государство, в котором почитаются национальные ценности, и обеспечивается безопасность и будущее народа» [7].

2. Основа нашего народа – немецкая семья: «Семья есть связующее звено – институт передачи традиций: родного языка, культуры и обычаев» [7].

3. Государственная власть находится в руках граждан: «Влияние граждан должно быть усилено посредством принятия народом решений, в том числе на прямых выборах. Необходимо прекратить монополизацию власти, осуществляемую через ограничение свободы мнений или присвоение распространённых воззрений правящими элитами» [7].

4. Экономика должна служить народу: «Цель национал-демократической экономической политики состоит в синтезе предпринимательской свободы и социальной ответственности» [7].

5. Замкнутая экономика: «Германская экономика, включая иностранные предприятия, работающие на территории ФРГ, должна

служить немецкому народу, его материальному обеспечению и духовно-культурному развитию. Рабочие места должны в первую очередь предоставляться именно немцам. НДПГ категорически отрицает отстаиваемую современным капитализмом необходимость интернационализации производства» [7].

6. Валюта, налоги и финансы: «Добровольная передача Германией своих суверенных прав ЕС наносит вред немецкому народу… Задача национальной валюты состоит в том, чтобы повернуть этот процесс вспять» [7].

7. Социальная политика как показатель национальной солидарности: «Социальная справедливость – залог развития нации. Социальная политика – отражение солидарности народа и его властей» [7].

8. Германия должна снова стать «немецкой»: «Иностранцам, работающим на территории Германии, должна быть предоставлена возможность сохранить свою культурную и национальную идентичность – необходимо упростить для них процесс репатриации. А так называемый параграф о предоставлении политического убежища (Art. 16 a Grundgesetz) необходимо отменить» [7].

9. Суверенитет Германии и «Европа наций»: «Европейское сообщество сталкивается то с одним, то с другим кризисом: государственные долги, массовая безработица, снижение социальных расходов, безответственность и коррумпированность европейских чиновников. Необходим новый европейский уклад по принципу национальных государств, имеющих право на самоопределение – замена ЕС «Европой народов» [7].

10. Германия в своих исторических границах: «Мы требуем пересмотра достигнутых послевоенных договорённостей по поводу границ. Мы должны помочь миллионам немцев в отделённых от Германии территориях сохранить свою немецкую культурную и национальную идентичность» [7].

11. Народ без прошлого не имеет будущего: «Ради светлого будущего Германии необходима общая картина национальной истории, которая поставит во главу угла преемственность в развитии нашего народа. Мы отказываемся от идеи национального самоуничижения, навязанного нам после войны» [7].

12. *Природа – основа жизни:* «Германские ландшафты – это тоже наша культура. Поэтому защита окружающей среды неотделима от идеи культурного развития» [7].

13. *Образование и искусство – части национальной культуры*

14. *Реформа правовой системы:* «В германской правовой системы заложены серьёзные нарушения – как, например, государственное преследование политической оппозиции. Эта практика несовместима с заявленным статусом правового государства» [7].

15. *Оборонная политика должна быть национальной:* «Воинская служба – это дело чести по отношению ко всему немецкому народу. Даже женщины могут служить в рядах национальных вооружённых сил. Национальная же политика безопасности должна опираться исключительно на национальную оборонную политику» [7].

Так, основывая свою программу на идее немецкой нации, НДПГ рассматривает любое влияние извне как негативное. Поэтому она выступает за меньшее участие Германии в ЕС и НАТО, возвращение к немецкой марке как национальной валюте, вывод дислоцированных на территории ФРГ американских военных баз и высылку всех иностранцев. По многим пунктам партийная программа НДПГ перекликается с идеологией национал-социализма 20–30-х годов XX века, это – ксенофобия, националистическая модель общества, популистская критика капитализма, вера в авторитарное государство. Современная модель семьи НДПГ также соответствует представлениям национал-социалистов – предназначение женщины они видят в ведении ею домашнего хозяйства и призывают признать этот род занятий профессией.

Обширная «Программа действий» (Aktionsprogramm fur besseres Deutschland) НДПГ включает 10 разделов, соответствующих приоритетным направлениям политики:

- *социальная политика*

В программе предлагается восстановить «национальное единство взамен мультикультурного безумия» посредством осуществления пятиступенчатой программы возвращения иммигрантов на Родину: «разработка закона о преимущественном предоставлении рабочих мест этническим немцам; незамедлительное исключение иммигрантов из

системы социальных и пенсионных выплат; неукоснительное соблюдение закона об иммиграции в целях ограничения пребывания иностранцев в ФРГ; запрет на приобретение земельных участков иностранцами; однозначная отмена параграфа о предоставлении политического убежища» [8].

- *экономическая политика*

«Необходимо установление социальной справедливости посредством создания рабочих мест в противовес глобализации, которая означает безработицу, снижение заработных плат и социальных выплат, разрушение окружающей среды и повышение общей заболеваемости… Экономика должна служить народу! Нужно уничтожить транснациональные концерны. Кроме того, необходим пересмотр налоговой политики» [8].

- *политика в отношении семьи и народонаселении*

«Укреплять общество – значит, создавать семьи. Также необходимо стимулировать рождаемость и поддерживать многодетные семьи – посредством снижения налогов, посредством социальных выплат, а также через предоставление им доступного жилья» [8].

- *внутренняя безопасность*

«Мультикультурное сообщество – мультикриминальная действительность! Нужно устранять причины, а не последствия криминала. А к таковым относится разобщение общества, разрушение института семьи, негативные следствия американизации, в том числе осуществляемой СМИ, развитие коррупции, безысходное положение на рынке труда ФРГ и связанное с этим снижение социального уровня. Мы также предлагаем ввести смертную казнь за преступления в отношении детей. В целом же, основой правопорядка служит контроль со стороны общества, которое должно быть сплочённым» [8].

- *демократия*

«Свобода вместо тоталитаризма! ФРГ всё сильнее склоняется в своём развитии в сторону тоталитаризма: свобода мнений и собраний всё чаще предоставляется только тем, кто лоялен правящим слоям» [8].

- *внешняя политика*

«Необходимо внести в Основной закон статью о том, что защита достоинства и обеспечение спокойного существования немецкого народа являются главнейшей целью государства... Национализм, т.е. обеспечение

прав народов на самоопределение (в т.ч. курдом, басков и палестинцев) и невмешательство во внутренние дела, обеспечит мир… Необходим роспуск НАТО, которая является инструментом американского империализма, а также вывод всех иностранных военных сил с территории Германии» [8].

- *политика в сфере образования и науки*

«Общее образование должно заменить узкую специализацию. Необходимо положить конец образованию, направленному на формирование исключительно потребительских представлений. К тому же, образование не должно стать привилегией обеспеченных граждан» [8].

- *Европейская политика*

«Свободные народы вместо диктатуры ЕС! Немецкий народ, равно как и все народы Европы, оказался под угрозой потери своей свободы и под угрозой возможного исчезновения: из-за агрессивной экономической политики ЕС мы вынуждены подчиняться правилам игры, которые создаёт брюссельская бюрократия. Мы требуем возвращения в оборот немецкой марки, а также основательного переустройства ЕС (устранение брюссельского централизма; искоренение «общего рынка»; равноправие при условии равенства обязательств стран-членов; отмена Шенгенского, а также Маастрихтского и Амстердамского соглашений), в противном же случае ФРГ должна покинуть союз. Мы выступаем за сильную Европу, которая сохраняет свою культурную идентичность» [8].

- *политика в сфере защиты окружающей среды*

«Здоровая Родина – здоровая природа! Необходимо установить социальную ответственность в сфере защиты окружающей среды» [8].

- *оборонительная политика*

«Защита Родины вместо всемирной полиции! Мир для ФРГ вместо участия в военных действиях, спровоцированных США. Мы требуем возвращения немецких войск, дислоцированных за границей, а также недопущения участия Германии в последующих операциях НАТО. Германия должна выйти из НАТО, а также реорганизовать свои вооружённые силы» [8].

Так, краеугольным камнем «Программы действий» НДПГ является критика в отношении правящих партий и их мультикультурной политики, необходимость возрождения народного чувства в немецком обществе, в

противовес «недемократичной, несправедливой» глобализации. Национал-демократы говорят о необходимости «социальной справедливости, понижения безработицы, искоренения мультикультурализма в ФРГ ради внутренней безопасности», и полагают национализм «основой внешней стабильности» [8].

Что касается Европейского Союза, то в своей «Европейской программе» (Europaprogramm) НДПГ выступает за «федерацию независимых Отечеств», и категорически против федеративной единой Европы [9], т.е., по сути, повторяются положения, изложенные в «Программе действий: Европейская политика».

Ревизионизм и реваншизм – отличительные признаки в подходе НДПГ к истории. Ультраправая партия «требует восстановить границы германского государства 1937 года, забрать у Польши территории бывшей Силезии, Восточной Померании и Восточной Пруссии, обвиняя Польшу в развязывании Второй мировой войны» [10].

НДПГ хочет не только добиться определенных политических целей, но и устранить существующее демократическое устройство Германии. Поэтому Федеральное ведомство по охране конституции рассматривает ее как партию, враждебную конституции ФРГ. НДПГ, в свою очередь, считает себя единственной подлинно оппозиционной партией Германии.

При этом с 1969 по 2005 год три ведущих правоэкстремистских партии ФРГ – Национал-демократическая партия Германии, Немецкий народный союз и Республиканцы – даже взятые вместе не могли преодолеть пятипроцентный барьер на парламентских выборах, и отправить своих представителей в Бундестаг. Лишь на региональном уровне партии могли найти поддержку, что продемонстрировал успех НДПГ на выборах в Саксонии в 2004 году, когда партии удалось получить 9,2 % голосов и провести в Ландтаг 12 представителей.

Недаром видный исследователь Л. Ренсманн подчёркивал скромность электоральных успехов крайне правых партий в Германии и их нежелание стать полноправными участниками политической жизни в стране: «не говоря уже о представительстве в Бундестаге, немецким правым экстремистам не удавалось продержаться даже в парламентах земель дольше одного срока легислатуры, что демонстрирует серьёзные проблемы

консолидации и неспособность привлечь постоянных избирателей. Кроме того, вместо кооптации в политическую систему посредством соответствующего смягчения идеологии, правые экстремисты остаются строго изолированными в политическом смысле» [3, p. 67]. По утверждению Михаэля Мертеса, слабость немецких крайне правых партий была связана с тем, что в Германии «больше, чем где бы то ни было, интерпретация прошлого есть и остаётся в высшей степени релевантной для легитимации и делегитимации политических позиций в настоящем» [11].

Однако на сегодняшний день, ситуация значительно изменилась, как уже отмечалось выше на выборах 2017 г. АдГ, являющаяся идеологической наследницей крайне правых, получила 11,5% мест в Бундестаге. Существует ряд причин, объясняющих такое изменение общественного мнения. Во-первых, делегитимация правых экстремистов посредством напоминания о преступлениях национал-социализма уже куда менее эффективна. Дело в том, что сменилось несколько поколений, и для молодых немцев «культ вины» за преступления периода третьего рейха – исторический пережиток. Кроме того, проблемы болезненности национального чувства, а также последствия непрекращающейся иммиграции уже слишком длительное время ожидают решения.

Во-вторых, в 90-е годы праворадикальные партии в Германии значительно изменили свой внешний облик – на смену стилизованным под период нацистского режима партийным собраниям, униформе и символике пришел новый рациональный, деловой стиль. Праворадикальные партии и сегодня продолжают трансформироваться в формально приемлемые для современной Германии структуры с целью увеличения своего политического влияния.

В-третьих, сказывается разочарование избирателей в деятельности традиционных партий. Как отмечает В.Я. Швейцер, «избиратель явно устал от невыполненных обещаний традиционной политической элиты, многочисленных коррупционных скандалов, недостаточно эффективной парламентской и правительственной деятельности власть имущих» [12, с. 11]. По справедливому замечанию Н.А. Власова, немаловажную роль в росте популярности малых партий играют неудачи правящих партий: «всё возрастающая «закрытость» деятельности партий, формирование

партийной олигархи, неспособность дать адекватный ответ на многие животрепещущие вопросы времени вызывают негативную реакцию в немецком обществе. … Этому же способствует аморфность и расплывчатость партийных программ, неспособность к чёткому самопозиционированию, отсутствие свежих лозунгов и идей» [13, с. 77]. Согласно отчёту Федерального статистического ведомства за 2008 год, в 2006 году уровень недовольства функционированием демократии в западных землях достигал около 40 %, а восточных – около 60 % [14]. В складывающихся подобным образом обстоятельствах становится всё более возможен успех мобилизационных мероприятий малых партий, к которым относятся крайне правые НДПГ и ННС, особенно – в восточных землях.

В-четвертых, рост популярности правой идеологии связан с разочарованием в деятельности структур Европейского Союза, представлением о том, что Германия, по сути, содержит ЕС. Немаловажную роль сыграл и миграционный кризис 2015, которые привел к увеличению миграционных потоков в Германию.

Таким образом, зачастую реализуется не «национальный», а «протестный» потенциал. В этой связи следует отметить весьма интересную тенденцию – в современной Европе деление на левых и правых сменило акценты. Теперь «левые» – это те, кто хотят сохранить то, что уже завоёвано именно в социальной области и в сфере представительной демократии, а правые – это силы, жаждущие перемен. Поэтому протестный электорат, который по тем или иным причинам не доволен существующими порядками или боится что-то утратить, переместился с крайне левого фланга на крайне правый. Так, во Франции и Италии, где были сильны компартии, часть электората коммунистов просто перешла на правый фланг.

В своём исследовании политических структур и правых партий, К. Арцхаймер и Э. Картер пришли к заключению, что, будучи мужчиной младше 25 лет, который занимается ручным трудом, человек имеет больше склонности голосовать за правых радикалов, в то время как будучи женщиной средних лет, занятой умственным трудом, избиратель едва ли проявит подобные склонности [15]. Эту тенденцию подтверждает и М. Минкенберг: «за праворадикальные партии голосуют представители

рабочего класса и «низших» средних слоёв, что демонстрирует тенденцию «пролетаризации» электората правых партий» [16]. Кроме того, этот факт отражён в отчёте Федерального статистического ведомства за 2008 год: за крайне правые партии голосовали в основном граждане в возрастных группах 35–44, а также 18–24 и 25–34. В свою очередь, у крупных партий (ХДС/ХСС, СДПГ) ситуация обратная – за них, как правило, голосуют люди старшего возраста, т.е. от 45 лет.

Так, несмотря на то, что в Германии в политических дискуссиях ультраправых называют «вечно вчерашними», «прошлое, живущее в настоящем», приведённые выше статистические данные, а также описанные С.В. Погорельской результаты опросов общественного мнения убедительно доказывают, что «спрос на национальную идею» существовал, причём по большей части в молодом поколении. Так, присущее практически всем крайне правым силам требование – «закона и порядка» – разделяло 88% немецкого населения. Кроме того, 71% немцев полагало, что мусульмане, живущие в ФРГ, не имеют права жить по законам ислама. Рост количества мечетей в Германии для 51% респондентов было знаком усиления исламского влияния в стране, а 46% считали «ужасными» требования верующих мусульманок позволить им носить платки на работе [6, с. 61].

К тому же, стереотип иностранца – малокультурного, нищего, мечтающего о жизни в Германии, усиливает для крайне правых групп возможности использования проблемы иммиграции в качестве аспекта для агитации. Тем более, согласно одному из опросов общественного мнения, «76% немцев настроены против притока иностранцев на рынок труда, 56% считают, что иммиграцию в целом необходимо ограничить. А каждый второй уверен, что в Германии слишком много иностранцев» [6, с. 61].

В качестве выводов рассмотрения идеологии немецких крайне правых партий, хотелось бы выразить мнение, что успехи крайне правых партий свидетельствуют скорее о недостатках национальной политики, которая по причине глобализации приближается к постнациональной. Так, нынешние политики не могут преподнести иммиграцию и мультиэтничность в положительном контексте, провоцируя тем самым ксенофобские настроения в обществе. Неспособность действующих традиционных

политиков предложить устраивающую общество программу выхода из институционального кризиса ЕС, решить миграционную проблему, во многом и стало причиной роста популярности АдГ, взявшей на вооружение идеологию крайне правых партий, сформировавшуюся на рубеже XX–XXI веков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Bundestag election 2017. https: //www. bundeswahlleiter.de/ en/bundestagswahlen/2017/ergebnisse/bund-99.html (дата обращения: 16.08.2020).

2. **Карцев Д.** Третья Фольксспартай. Почему «Альтернатива для Германии» это надолго. https://carnegie.ru/commentary/76183 (дата обращения: 23.08.2020).

3. **Rensmann Lars.** From high hopes to on-going defeat:The new extreme Right's Political Mobilization and its National Electoral Failure in Germany // German Politics & Society Vol. 24, No. 1 (78), SPECIAL ISSUE: The 2005 Bundestag Elections (Spring 2006), pp. 67–92.

4. Bundesparteiprogramm der Republikaner, 2002. http://www.rep.de/content. aspx? ArticleID=6f0f68dc-bbc6-47e0-8e84-3762f8b9ab98. (дата обращения: 15.10 2012).

5. Parteiprogramm der Deutschen Volksunion, 2006. http://www.die-rechte.info/wordpress/?page_id=322 (дата обращения: 19.08 2010).

6. **Погорельская С.В.** «Вечно вчерашние»: правый популизм и правый радикализм в западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 3. С. 51–63. ISSN: 0131-2227.

7. Parteiprogramm der NPD, 1996. http://npd.de/parteiprogramm/. (дата обращения: 12.10.2018).

8. Aktionsprogramm der NPD, 2002. http://npd.de/html/240/artikel/detail/209/ .(дата обращения: 12.10.2018).

9. Europaprogramm der NPD, 2003. http://npd.de/html/240/artikel/detail/208/ (дата обращения: 12.10 2018).

10. Национал-демократическая партия Германии // «Deutsche Welle» от 07/04/2008. http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144,3245303,00.html (дата обр.: 10.08.2020).

11. **Мертес М.** Прошлое, живущее в настоящем – Единая Германия? // Internationale politik. 2000. № 9. С. 9.

12. Правый радикализм как фактор европейской политики. Right-wing radicalism as a factor of European policy. // Материалы "круглого стола" ИЕ РАН и МИД РФ (Москва 24 июня 2002 г.). М.: Экслибрис-Пресс, 2002. 44 с.

13. **Власов Н.А.** Германия в начале XXI века: учебное пособие. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. – 307 с. ISBN: 978-5-288-04467-0.

14. Datenreport. Statistisches Bundesamt Deutschlands, 2008. Kapitel 14: Demokratie und politische Partizipation. http://www.destatis.de/jetspeed/portal/cms/Sites/destatis/

Internet/DE/Navigation/Publikationen/Querschnittsveroeffentlichungen/Datenreport__downloads,templateId=renderPrint.psml__nnn=true. (дата обращения: 16.10 2010).
15. Arzheimer K., **Carter E.** Political opportunity structures and right-wing extremist party success // European journal of political research, No. 45, 2006. P. 439.
16. Минкенберг М. Новый правый радикализм в сопоставлении: партии, движения, среды. // Актуальные проблемы Европы. Правый радикализм в современной Европе: сб.науч.тр. / РАН ИНИОН. М. 2004 № 2. С. 16–32.

REFERENCES:

1. *Bundestag election 2017*, available at https://www. bundeswahlleiter.de /en/bundestagswahlen/2017/ergebnisse/bund-99.html (accessed 16 august 2020).
2. Karcev D. *Tret'ja Fol'kspartaj. Pochemu «Al'ternativa dlja Germanii» jeto nadolgo*, available at https://carnegie.ru/commentary/76183 (accessed 23 august 2020).
3. Rensmann Lars. *From high hopes to on-going defeat: The new extreme Right's Political Mobilization and its National Electoral Failure in Germany*, German Politics & Society Vol. 24, No. 1 (78), SPECIAL ISSUE: The 2005 Bundestag Elections (Spring 2006), pp. 67–92.
4. *Bundesparteiprogramm der Republikaner*, 2002, available at http: //www.rep.de/ content.aspx?ArticleID=6f0f68dc-bbc6-47e0-8e84-3762f8b9ab98. (accessed 15.10.2012).
5. *Parteiprogramm der Deutschen Volksunion*, 2006, available at http://www.die-rechte.info/wordpress/?page_id=322 (accessed 19 august 2010).
6. Pogorel'skaja S.V. «*Vechno vcherashnie*»: *pravyj populizm i pravyj radikalizm v zapadnoj Evrope*, Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2004, № 3, pp. 51–63. ISSN: 0131-2227.
7. *Parteiprogramm der NPD*, 1996, available at http://npd.de/parteiprogramm/. (accessed 12 october 2018).
8. *Aktionsprogramm der NPD*, 2002, available at http://npd.de/html/240/artikel/detail/209/. (accessed 12 october 2018).
9. *Europaprogramm der NPD*, 2003, available at http://npd.de/html/240/artikel/detail/208/ (accessed 12 october 2018).
10. *Nacional-demokraticheskaja partija Germanii*, «Deutsche Welle» ot 07.04.2008, available at http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144,3245303,00.html (accessed 10 august 2020).
11. Mertes M. *Proshloe, zhivushhee v nastojashhem–Edinaja Germanija?* Internationale politik, 2000, № 9, p. 9.
12. *Pravyj radikalizm kak faktor evropejskoj politiki. Right-wing radicalism as a factor of European policy*, Materialy "kruglogo stola" IE RAN i MID RF (Moskva 24 ijunja 2002 g.), Moscow, Jekslibris-Press, 2002, 44 p.
13. Vlasov N.A. *Germanija v nachale XXI veka*: uchebnoe posobie, St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008, 307 p. ISBN: 978-5-288-04467-0.
14. *Datenreport. Statistisches Bundesamt Deutschlands*, 2008. Kapitel 14: Demokratie und politische Partizipation, available at http: //www.destatis.de/jetspeed/portal/

cms/Sites/destatis/Internet/DE/Navigation/Publikationen/Querschnittsveroeffentlichungen/Datenreport_downloads,templateId=renderPrint.psml_nnn=true (accessed 16.10.2010).
15. Arzheimer K., **Carter E.** *Political opportunity structures and right-wing extremist party success*, European journal of political research, No. 45, 2006, P. 439.
16. Minkenberg M. *Novyj pravyj radikalizm v sopostavlenii: partii, dvizhenija, sredy*, Aktual'nye problemy Evropy. Pravyj radikalizm v sovremennoj Evrope: sb.nauch.tr., RAN INION, Moscow, 2004 № 2, P. 16–32.

EROFEEV Dmitry R. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnitcheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: erofeev_dr@spbstu.ru

THE IDEOLOGICAL ORIGINS OF THE ALTERNATIVE FOR GERMANY (AfG) PARTY'S PROGRAM SETTINGS

The party "Alternative for Germany" became the third place finisher in the latest election to Bundestag. It became the biggest right-wing power. The growth of its popularity is based on the institutional crisis in the European Union, euroscepticism rise and migration sphere problems. "Shift to the right" like this has been observed in many countries of Europe and it could not have been attributed to marginal political groups only. Thus, Thus, it is necessary to analyze the values that have become the basis for the growing popularity of right-wing ideologies in modern conditions. The events taking place in Germany are extremely important in this sense, since, on the one hand, Germany is one of the leaders of the European Union and is perceived by many European countries as a system-forming force of the EU. On the other hand, the historical past of Germany makes us pay close attention to the growing popularity of the right-wing forces. Germany's Far-Right Nationalist Parties remained marginal for a long time but after German unification and increased migration flows their popularity began to grow In a sense, the AfG has become the successor of these parties and its ideological platform is based on the ideological attitudes of the extreme right-wing parties that intensified their activities at the turn of the XX-XXI centuries – the German People's Union, Republicans, and the National Democratic Party of Germany in particular. The major part of the mentioned parties' program objectives formally comply with the AfG spirit, nevertheless, it can be concluded that the triumph of the Alternative for Germany is due not only to the legacy and success of the radicals' ideology but to the society response to specific problems and the inability of mainstream politicians to present an adequate program of exit from the crisis. Therefore it's not that ideological "shift to the right" is of long-term nature and cannot be moved beyond within the boundaries of the traditional Western democratic governance.

FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY; POPULISM; RADICALISM; REUROSCEPTICISM; IDEOLOGY; RIGHT-WING PARTIES

УДК: 327
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.04

И.Н. Заблоцкая

УЧАСТИЕ ИСПАНИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ СТРУКТУРАХ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ЗАБЛОЦКАЯ Ирина Николаевна – кандидат технических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.
E-mail: zablotskaya_in@spbstu.ru

Проблема обеспечения коллективной безопасности является одной из наиболее актуальной проблем устойчивости современного мира. Испания принимает активное участие в деятельности международных организаций, целью которых является обеспечение международной и национальной безопасности. Особую значимость для страны имеют три направления в деятельности ООН: реформа Совета безопасности; организация Международного уголовного трибунала; миротворческие операции под эгидой организации. Во внешней политике роль Испании в Европейском Союзе заметна и активна. Испанское правительство не ставит под сомнение существование НАТО и видит в нем форму взаимодействия между Европой и США, которая должна обеспечивать в целом безопасность и стабильность на континенте. Сотрудничество с ООН для Испании является гарантом обеспечения национальной безопасности страны, которая всегда выступала противником международного терроризма, принимает активное участие во многих антитеррористических мероприятиях, организованных международными организациями.

Предлагаемое исследование базируется на общих методах анализа и сравнения исторических фактов современной политической истории стран Европы и США. В качестве источников информации использованы данные периодической печати, аналитические обзоры и научная полемика на русском, английском и испанском языках.

В результате исследования подтверждается, что на протяжении последних десятилетий страна последовательно проводит направленные действия по обеспечению коллективной безопасности в Европе и мире, о чем свидетельствует активное участие Испании в деятельности Контртеррористического комитета и поддержка миротворческих акций ООН в Центральной Америке. Кроме того, страна выступает с большим количеством инициатив, например предложение о создании

списка международных организаций, занимающихся террористической деятельностью.

ИСПАНИЯ; БЕЗОПАСНОСТЬ; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ; ООН; НАТО; ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ; КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В современных международных отношениях возрастает зависимость стран друг от друга. Мир находится под угрозой не только войн и международных конфликтов, но и терроризма, организованной преступности, оружия массового поражения и опасных инфекций. В этих условиях необходимо думать не только о безопасности отдельно взятой страны, но и безопасности всех стран. Поэтому проблема обеспечения коллективной безопасности является ***актуальной***. Испания принимает активное участие в деятельности международных организаций, целью которых является обеспечение международной и национальной безопасности. Последнее подтверждает ***актуальность*** темы данной работы. К указанным выше организациям относятся – Организация Объединенных Наций (ООН), Организация Североатлантического договора (НАТО), Европейский Союз (ЕС). ***Целью*** данного исследования является попытка оценить степень участия Испании в системе коллективной безопасности. Последовательное детальное рассмотрение участия Испании в перечисленных выше организациях представляет собой ***задачи***, решенные для достижения поставленной цели. Членство Испании в этих организациях, помогает ей гарантировать национальную безопасность и усиливает ее политическое влияние на мировой арене. Для решения поставленных задач использовались ***методы*** анализа и сравнения**.**

Организация Объединенных Наций является на сегодняшней день основной системой международной безопасности. Созданная на базе добровольного объединения стран, она представляет собой гарант безопасности каждой страны-участницы организации. Целью ООН является содействие установлению мира и безопасности как в отдельно взятом регионе, так и во всем мире, поддержание добрососедских отношений между странами и урегулирование военных конфликтов [1].

Испания принимает самое активное участие в деятельности ООН. Особую значимость для Испании имеют три направления в деятельности организации: реформа Совета безопасности; организация Международного уголовного трибунала; миротворческие операции под эгидой организации.

По мнению Испании, реформа Совета Безопасности должна способствовать усилению роли Мадрида за счет участия ведущих стран из мировых регионов и, в частности, из Латинской Америки. Поддерживая деятельность Совета Безопасности по сохранению международной безопасности, Испания проявляет интерес в выполнении всех резолюций этого органа ООН. Испания выступает за укрепление позиций ООН по поддержанию мира путем плодотворного сотрудничества и развития многосторонних отношений с Организацией Североатлантического договора и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Испания играет ведущую роль в Организации Объединенных Наций. Она была одной из первых стран в мире, выступивших с инициативой по созданию специального денежного фонда, способствующего достижению целей ООН [2]. Организация Объединенных Наций и правительство Испании 18 декабря 2006 года достигли финансового соглашения. Суть соглашения сводится к передаче Испанией в 2007 году 700 миллионов долларов для развития программ Организации Объединенных Наций. В этой связи премьер-министр Испании Х.Л. Родригес Сапатеро сказал: «Вклад Испании будет служить делу искоренения бедности и нищеты в пользу здоровья и образования» [3, с. 10].

Мадрид выступает надежным партнером Организации Объединенных Наций и ее верным политическим союзником. Сотрудничество с ООН для Испании является гарантом обеспечения национальной безопасности страны. Испания всегда выступала противником международного терроризма, она принимает активное участие во многих антитеррористических мероприятиях, организованных международными организациями.

Активная деятельность Испании по борьбе с терроризмом получила высокую оценку мирового сообщества [4]. Представитель Испании был избран главой Контртеррористического комитета Совбеза ООН [5]. По решению Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 1996 году был создан комитет по борьбе с терроризм. В международных отношениях долгое время не был определен термин «терроризм». Разработка его определения была поручена Контртеррористическому комитету [5, с. 71]. Испания активно принимала участие в деятельности

комитета по выработке определения терроризма, а также в разработке предложений по оказанию правовой и организационной помощи странам в противодействии международному терроризму [6].

По инициативе Испании в мае 2003 года, выступая перед Контртеррористическим комитетом, глава правительства Испания Хосе Мария Аснар предложил создать список международных организаций, занимающихся террористической деятельностью, на примере Аль-Каиды и Талибана. Такой список, по мнению Испании, должен быть направлен во Всемирный банк для предотвращения финансовой помощи террористам. Глава правительства Испания также высказался за создание при ООН Комитета жертв терроризма.

Важной инициативой Испании в борьбе с терроризмом стала разработка программы «Альянс цивилизаций». Для выработки этого документа в Мадриде 15 января 2008 года состоялся форум, в котором приняли участие представители более ста стран мира. Форум утвердил важные конкретные меры по борьбе против терроризма [3, с. 10].

Испания всегда поддерживала деятельность Организации Объединенных Наций, направленную на сохранение мира в различных точках земного шара. Особое внимание Мадрид уделял миротворческим акциям организации в Африке и Центральной Америке [7]. Роль Испании в этих регионах состоит в продвижении универсальных ценностей и оказании помощи в восстановлении демократии в Центральной Америке. Участие Испании в миротворческих операциях Организации Объединенных Наций представляло собой реализацию нового внешнеполитического курса страны [8, с. 45]. Этот курс закреплял за Испанией новую роль – посредника, инициатора разрешения конфликтных ситуаций.

Участие Испании в миротворческой операции Организации Объединенных Наций в Центральной Америке стала для страны первой крупномасштабной миссией. Успех этой миссии способствовал улучшению не только образа Испании на мировой арене, но и оказал положительное воздействие на внутреннюю обстановку в стране. Испанские военные не пользовались в своей стране доверием народа, сказывалось влияние франкизма, при котором армия была инструментом насилия. Начатая реформа армии по демократизации вооруженных сил в сочетании с

миротворческими действиями постепенно формировали гуманное представление об испанской армии у населения страны [9, с. 138].

В настоящее время Испания принимает участие в миротворческих операциях Организации Объединенных Наций, в структурах коллективной безопасности Организации Североатлантического договора, вооруженных силах Европейского Союза. Королевские вооруженные силы Испании принимают участие в предотвращении вооруженных конфликтов в Косово, Афганистане, Ираке, Ливане, Сирии, Мали. Все эти действия Испании позиционируют её как страну, выступающую за мирное, демократическое разрешение военных противостояний, активно оказывающую гуманитарную помощь [10, с. 38].

Организация Объединенных Наций активно привлекает испанских дипломатов в качестве своих специальных представителей в различных регионах мира. Б. Леон стал специальным представителем ООН в Ливии, в 2011–2014 годах он был специальным представителем Европейского Союза в Южном Средиземноморье.

Испания выступает последовательным борцом против «Исламского государства» (организация признана в России экстремистской и запрещена). В процессе борьбы с этим государством по инициативе испанского правительства было направлено 300 военных инструкторов в Ирак. Ф. Артеага – специалист по проблемам международной безопасности – считает, что Испания присутствует там «не для того, чтобы положить конец конфликту, который, очевидно, не имеет решения, по крайней мере, в краткосрочной перспективе», но «потому, что другие группы джихадистов, подчиняющиеся террористической организации ИГИЛ [*], действуют по всей Северной Африке и в районе Сахеля, дестабилизируя государства региона, что прямо затрагивает Испанию. И когда эти страны обращаются за помощью, как в случае Ирака, Испания знает, что ей придется предоставить такую помощь вместе с другими государствами коалиции» [11].

Новые политические и экономические условия в Европе, определяемые процессами интеграции, поставили актуальный вопрос о «европейской идентичности» [12]. Исходя из этого, необходимо было

[*] Запрещённая в России террористическая организация.

определить роль западноевропейских стран в области военно-политической безопасности.

В контексте данной работы следует подчеркнуть важность подписания в 1992 году Маастрихтского договора о создании Европейского Союза. В этот договор был, в частности, включен раздел об общей внешней политике и политике в области безопасности (ОВПБ) [13] в качестве одной из опор ЕС. Предполагалось проведение совместной оборонной политики. Суть ее состояла в том, что странам Европейского Союза предоставлялась автономия для решения вопросов безопасности. При этом новая оборонная политика не предполагала формирования специальной структуры, независимой от НАТО. В результате 1996 году в Берлине состоялась встреча министров иностранных дел стран Организации Североатлантического договора, которая получила название «Европейская идентичность в области безопасности и обороны» [14]. На встрече было принято решение, о возможности передачи, при условии одобрения всеми членами НАТО, «Многонациональных оперативных сил» под командование Западноевропейского Союза (ЗЕС). Для выполнения поставленных задач был сформирован совместный франко-германский «Еврокорпус» [15], позже в него вошла и Испания [16].

В 1999 году вопросы «Общей внешней политики и политики в области безопасности» были дополнены «Европейской политикой безопасности и обороны» (ЕПБО) [17]. Испания положительно отнеслась к созданию ЕПБО, рассматривая ее деятельность как автономные европейские вооруженные силы, призванные разрешать кризисные ситуации. Создание ЕПБО не является, по мнению Испании, заменой НАТО, а будет хорошим ее дополнением.

ЕПБО и НАТО совместно должны укреплять трансатлантические связи. Европейский Союз должен больше уделять внимания вопросам безопасности. При возникновении кризисной ситуации страны ЕС, по мнению Испании, обязаны сотрудничать с НАТО. В этих условиях ЕПБО получит благоприятный результат по поддержанию безопасности. Для Испании приоритетным остается ее активное участие в ЕПБО и распространение ее деятельности на Средиземноморье. Одновременно Испания выступает за активное действие battle groups (соединение с участием небольшого количества стран).

Испания, оценивая деятельность ЕПБО, видит в ней надежную военную структуру, способную гарантировать безопасность как на региональном, так и на континентальном уровне. Военная промышленность Испании в сравнении со странами Евросоюза выглядит наиболее динамично развивающейся. Испанская военная промышленность представлена следующими отраслями: авиационной, артиллерийско-стрелковой, бронетанковой, кораблестроительной, ракетно-космической.

В 2003 году была принята Европейская стратегия безопасности. ЕПБО была преобразована в «Общую политику безопасности и обороны» (ОПБО) [18]. Это произошло после вступления в силу Лиссабонского договора от 1 декабря 2009 года. Испания поддерживает Италию, Германию и Францию в вопросе создания автономного оборонительного потенциала в Европе. 6 марта 2017 года министры иностранных дел этих стран выступили с предложением «инвестировать в автономные возможности обороны Европейского Союза» [19, с. 78]. Было заявлено, что эти страны не выступают за создание армии Европейского Союза, речь идет только об укреплении промышленной и технологической базы стран Союза.

Министр иностранных дел Испании А. Дастис заявил, что его страна «стремится быть в авангарде европейской обороны» [20]. Поэтому Испания выступает за идею Европы «нескольких скоростей», цель которой укрепление сотрудничества членов Союза в области обороны. Убедительной представляется позиция российского политолога П.П. Яковлева, который считает, что «атлантическое измерение внешней политики Испании… сохранит высокую стратегическую значимость, но на ближайшую перспективу по своему удельному весу и месту в повестке дня официальных кругов Мадрида будет явно уступать европейскому вектору испанской дипломатии», а сама роль «атлантизма» «объективно будет иметь тенденцию к снижению» [10, с. 179]. Из этого высказывания можно сделать вывод, что Испания несет военные обязательства перед Европейским Союзом и перед Организацией Североатлантического договора, однако склоняется в сторону первого.

Европейский Союз развивал юридическую основу для «европейской идентичности» в вопросах безопасности, поддерживая проекты Западноевропейского Союза, при активном взаимодействии с Организацией

Североатлантического договора. В 1997 году был подписан Амстердамский договор, который закрепил и развил механизмы «Общей внешней политики и политики в области безопасности» [21]. По этому договору Европейский Союз получал новые функции по урегулированию международных кризисов.

Роль Испании во внешней политике Европейского Союза очень заметна и активна. Иногда она принимает независимые и самостоятельные решения. Такая позиция строится на собственных интересах страны и кардинально не противоречит интересам Европейского Союза в целом. Участвуя в большинстве основных программ по партнерству в военной сфере Евросоюза, Испания, однако, отказалась от участия в Еврокомиссии по созданию единого европейского рынка вооружений. Эту позицию Испания мотивировала нежеланием менять положение о национальном рынке оружия.

Испания стала инициатором в Европейском Союзе по формированию единого юридического пространства для стран союза. Принятие единых юридических актов всеми странами Евросоюза позволит передавать в суд арестованных террористов в любую страну Союза, без выдачи их на родину. Испания выступает за создание совместного полицейского корпуса Европейского Союза. Создание такого корпуса поможет быстрее отразить террористические нападения в случае их осуществления на любую страну объединения.

Вступление Испании в Европейский Союз открыло новые возможности для испанских автономий, что, бесспорно, отразилось на укреплении национальной безопасности страны [22]. Исторически главным вопросом для Испании был вопрос национальных противоречий и автономных устремлений отдельных регионов страны. Для поддержания баланса при распределении полномочий между центральной властью и региональной возникла необходимость придания большей автономии регионам. В Конституции Испании 1978 года четко прописано положение об автономном устройстве страны [23].

Децентрализация власти является важным положением для демократизации Испании, это четко отражено в ее Конституции. В свою очередь, децентрализация и демократизация выступают гарантией единства страны. Для закрепления этих процессов в Испании был принят

закон 14 октября 1983 года, по которому была создана административно-территориальная структура страны. В структуру входят: автономные сообщества, провинции и муниципалитеты. Таким образом, автономия является важнейшим элементом государственно-территориального устройства Испании.

Страна поделена на 17 автономных областей [23, с. 72]. «Статья 2. Конституция основана на нерушимом единстве испанской Нации, единой и неделимой для всех испанцев Родине; она признает и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, ее составляющих, и солидарность между всеми ними» [24]. Важно подчеркнуть, что в статье 143 Конституции предоставляется право провинциям, имеющим территориальную, историческую, культурную и экономическую общность, «получить самоуправление и образовать региональные, автономные объединения (сообщества)» [24].

Являясь страной, построенной на принципах автономий, Испания, после вступления в Европейский Союз, по рекомендации объединения создала «Совет по вопросам автономий». Создание данного органа вызвало недовольство автономий страны. Они рассматривали создание «Совета по вопросам автономий» как объединенный совет всех автономий и видели в нем представительство, не соответствующее их статусу. По мнению, крупнейших автономий Испании, таких как Каталония, Канарские острова, Страна Басков, представительство должно быть в Европейском Союзе не в виде совета, а в виде полномочного представительства.

С учетом пожеланий испанских автономий в Брюсселе были открыты их полномочные представительства в соответствии с их юридическим статусом в Испании. В деятельность постоянных представителей автономий входит: сбор информации по положению в автономиях, тесные постоянные контакты с рабочими органами ЕС по правам автономий [25]. Что касается представительства испанских автономий на международном уровне, они ограничены структурами Европейского Союза.

Процесс интеграции Испании в Европейский Союз проявляется в передаче части суверенитета страны структурным органам Евросоюза. Такая передача ставит вопрос и об активном участии автономий в этом процессе [26]. Это открывает новые возможности для автономий Испании

и отвечает стремлению стать «больше европейцами и меньше испанцами» [27]. Таким образом, испанские автономные области страны стали активными участниками создания «Европы регионов».

Вступление Испании в Европейский Союз создало очень благоприятные условия для укрепления национальной безопасности. Это проявилось, в первую очередь, в возрождении национальной промышленности, находившейся в упадке со времен франкизма. Демократизация испанского общества способствовала созданию рыночных отношений в экономике страны, что, в свою очередь, привело к созданию новых отраслей промышленности и их конкурентоспособности. В результате испанская экономика к началу нового тысячелетия достигла самых высоких темпов экономического развития в Западной Европе.

Участие в Европейском Союзе значительно повысило роль Испании на мировой арене. Однако ведущим внешнеполитическим курсом страны является приверженность европейскому направлению. Европейская политика сказывается и на внутренней политике, что проявляется в распространении и укреплении европейских ценностей. Тем не менее, необходимо отметить сохранение и развитие национально-исторических традиций в жизни страны [28].

Основополагающей целью внешней политики Испании является активное участие в интеграционных процессах. В фундаментальном исследовании «Испания и общая политика безопасности и обороны: национальные перспективы» отмечается: «усиление Европейского Союза в долгосрочной перспективе усиливает саму Испанию» [29]. Это утверждение зафиксировано в официальных испанских документах по национальной обороне. В «Директиве национальной обороны Испании», принятой в 2003 году, утверждается, что страна «более эффективно отстаивает свои интересы в рамках коллективных действий и механизмов с партнерами по ЕС и НАТО» [30].

Испания активно поддерживает программу «Общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза» [31]. Особо следует отметить участие Испании в «Европейском оборонном агентстве» [32], что позволило разместить в Сарагосе штаб Европейского военно-транспортного командования (ЕТАС) [33].

Будучи членом Европейского Союза, Испания стала частью концепции «поясов безопасности» [34]. В соответствии с этой концепцией, безопасность и стабильность в сопредельных Европейскому Союзу зонах – Средиземноморье и Восточной Европе – объявляются жизненно необходимыми. Поэтому, необходимо построение межрегионального пространства, в основе которого лежит европейская модель. Межрегиональное пространство должно стать основой для демократии, общих ценностей свободы, процветания и солидарности. Важной целью является распространение и укрепление демократических режимов мирным путем.

Пример Испании хорошо показывает жизнеспособность и поступательность демократического процесса. Вариант регионального государства в Испании, построенного в форме автономий, получит дальнейшее развитие и будет развиваться в направлении европейского федерализма [35].

Бесспорно, опыт Испании в развитии автономий актуален для многих стран Евросоюза. Используя этот опыт, можно решить несколько задач. Во-первых, через различную степень автономии регионов страны совершенствуется политическая система управления в направлении развития демократии. Во-вторых, такой опыт является активным противодействием сепаратизму и устраняет предпосылки для его возникновения. В-третьих, совершенствуется система государственного устройства. Разрешение этих вопросов, безусловно, актуально для стран ЕС, в которых еще существуют проблемы национальных меньшинств.

Испанское правительство не ставит под сомнение существование Организации Североатлантического договора и видит в ней своеобразную форму взаимодействия между Европой и США. Эта форма должна обеспечивать в целом безопасность и стабильность на континенте. Исходя из этого утверждения, не подвергается сомнению необходимость наличия вооруженных сил США в Европе. По мнению Испании, присутствие американских военных является определяющим условием обеспечения европейской безопасности.

Будучи членом НАТО, Испания принимает самое активное участие в деятельности «Сил быстрого реагирования» альянса. Ее вооруженные силы участвовали в операциях в Афганистане, Боснии, Ираке, Ливии. На

Испанию возложены следующие функции в НАТО: оборона территории своей страны; контроль и оборона воздушного пространства над Пиренеями; осуществление воздушных и морских операций над акваторией Восточной Атлантики; воздушные и морские операции в районе западного Средиземноморья; контроль за Гибралтарским проливом; использование территории страны в качестве транзита для вооруженных сил НАТО [19, с. 76]. Все перечисленные функции, кроме последней, полностью соответствуют задачам национальной обороны Испании.

Важным фактором, обеспечивающим безопасность Испании, является Организация Североатлантического договора [36]. Испания была одной из активных стран альянса, выступающих за углубление отношений со странами Средиземноморья. Состоявшаяся в июне 2004 года в Стамбуле на высшем уровне встреча стран Организации Североатлантического договора подтвердила решение об углублении отношений с Алжиром, Египтом, Израилем, Иорданией, Марокко, Мавританией и Тунисом. По мнению Мадрида, безопасность этого региона является залогом безопасности и самой Испании.

Испания принимает активное участие в процессе реорганизации НАТО [37]. Недалеко от Мадрида в 2014 году был введен в боевую готовность Комбинированный центр воздушных операций. Центр стал ключевым объектом в системе управления НАТО. В его ведение входит контроль над воздушным пространством Южного фланга зоны безопасности от Азорских и Канарских островов до Венгрии и Турции [19, с. 77].

Испания выступает за поддержку партнерских отношений Организации Североатлантического договора с Российской Федерацией и странами Центральной и Восточной Европы, поощряет диалог и сотрудничество со странами Средиземноморского региона. Испанские вооруженные силы принимают активное участие в военных операциях, проводимых Организацией Североатлантического договора в интересах международного мира и общей безопасности.

Проанализировав участие Испании в международных организациях, а также ее национальные интересы и основные угрозы национальной безопасности, можно сделать следующие ***выводы***.

На протяжении последних десятилетий страна проводила последовательные действия по обеспечению коллективной безопасности.

Примером может служить активное участие Испании в деятельности Контртеррористического комитета и поддержка миротворческих акций ООН в Центральной Америке.

Страна выступает с большим количеством инициатив. Иллюстрацией этого факта является выдвинутое главой правительства предложение о создании списка международных организаций, занимающихся террористической деятельностью.

Вышесказанное позволяет с уверенностью предположить, что активная деятельность Испании по укреплению коллективной безопасности будет продолжаться и в будущем в интересах всех народов планеты в деле сохранения мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. About the UN. URL: https://www.un.org/en/about-un/ (дата обращения: 03.08.2020).
2. España en la ONU. URL: https://www.spainun.org/espana-en-la-onu/page/2/ (дата обращения: 03.08.2020).
3. **Аникеева Н.Е.** Особенности внешней политики Испании в период правления Хосе Луиса Родригеса Сапатеро: 2004–2008 гг. // Вестник МГИМО – Университета. 2008. № 2. С. 10–19.
4. **Михайлин И.В.** Борьба Испании и России против терроризма: сравнительный анализ. // Власть. 2016. Т. 24. № 9. С. 215–222.
5. **Аникеева Н.Е.** Испания против терроризма // Современная Европа. 2005. № 3 (23). С. 63–74.
6. **Пинчук А.Ю.** Институализация антитеррористической деятельности в рамках Организации Объединенных Наций // Социально-политические науки. 2018. № 6. С. 54–68.
7. **Андреева А.А.** Миротворческие процессы в Латинской Америке: роль Испании // Латинская Америка. 2019. № 12. С. 49–60.
8. **Яковлев П.П.** Испания в системе глобальных координат // Латинская Америка. 2011. № 5. С. 39–57.
9. **Piris A.** Militar y democracia. Barcelona: Grijalbo, 1993.
10. **Яковлев П.П.** Испания в мировой политике. – М.: ИЛА РАН, 2011. – 384 с.
11. **De Vega L.** Libia y Túnez, una nueva amenaza terrorista para España. URL: http://www.abc.es/internacional/20150406/abci-libia-tunez-marruecos-espana-201504051913.html (дата обращения: 04.08.2020).
12. **Серебрякова С.В.** Научное осмысление понятия «Европейская идентичность» в современном общеевропейском контексте // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 213–218.

13. Кембаев Ж.М. Общая внешняя политика и политика безопасности Европейского Союза: правовые основы становления и перспективы развития // Журнал российского права. 2007. № 6 (126). С.88–96.
14. Barry R. Posen. European Union Security and Defense Policy: Response to Unipolarity? // Security Studies 15. 2006. № 2. P. 149–186. URL: https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/09636410600829356 (дата обращения: 04.08.2020).
15. Клименко С. Состояние и перспективы развития «Еврокорпуса» // Зарубежное военное обозрение. 2001. № 11. С. 17–22.
16. Орлов А.А. Испания в системе военно-политических организаций и союзов Запада: обретение «нового лица». – М.: Оост, 2000. – 316 с.
17. Кочев И.А. Общая политика безопасности и обороны Европейского Союза в современной политической теории // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3 (15). С. 138–144.
18. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the European Union. C83. Vol. 53, 30.03.2010. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:083:FULL:EN:PDF (дата обращения: 04.08.2020).
19. Современная Испания: проблемы и решения / Под ред. А.В. Кузнецова. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 101 с.
20. La UE accelera sus planes para una defensa autónoma de EEUU. URL: http://www.elperiodico.com/es/noticias/internacional/intenta-dar-los-primeros-pasos-hacia-una-defensa-autonoma-eeuu-5627615 (дата обращения: 04.08.2020).
21. The treaty of Amsterdam. Amending the treaty on European Union, the treaties establishing the European communities and certain related acts. Amsterdam. 2 October 1997. URL: https://www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf/amst-en.pdf (дата обращения: 04.08.2020).
22. Аникеева Н.Е. Испания – государство автономий в объединенной Европе // Современная Европа. 2007. № 2 (30). С. 91–102.
23. Испания. Конституция и законодательные акты. Пер. с исп. / [Составление В.А. Савина]; Под ред. Н.Н. Разумовича Вступ. ст. Н.Н. Разумовича, В.А. Савина [с. 10–28]. - М.: Прогресс, 1982. – 352 с.
24. Constitución Española. URL: https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf (дата обращения: 04.08.2020).
25. Солнцев А.С. Компетенция автономных областей Испании в осуществлении внешнеполитической деятельности. // Опыт европейского федерализма. История и современность. / Отв. ред. Е.Ю. Полякова. – М.: Институт всеобщей истории РАН. 2002. С. 219–232.
26. Прохоренко И.Л. Регионы Испании в политическом пространстве Европейского Союза. // Вестник МГУ. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 1. С. 32–48.

27. Прохоренко И.Л. Традиции и внешняя политика: опыт постановки проблемы (на примере современной Испании). // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 4. С. 87–97.
28. Хенкин С.М. Испания и ЕС. // Актуальные проблемы Европы. 2000. № 3. С. 265–276.
29. Fojón E., Mora E., Arteaga F., Muñiz M. Spain and the CSDP. – Madrid: Egmont, 2015. – 129 p.
30. National Defense Directive 1/2004. – Madrid, 2004. – 13 p. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/155782/Spain_English2004.pdf (дата обращения: 05.08.2020).
31. Spain's 2017 National Security Strategy. – Madrid: Presidencia del Gobierno, 2017. – 128 p. URL: https://www.dsn.gob.es/sites/dsn/files/2017_Spanish_National_Security_Strategy_0.pdf (дата обращения: 05.08.2020).
32. European Defence Agency. URL: https://eda.europa.eu/home (дата обращения: 05.08.2020).
33. Андрюшин С.В. Стратегический потенциал Европейского оборонного агентства. // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2015. Вып. 1. С. 97–110. URL: http://vestnik.spbu.ru/html15/s06/s06v1/12.pdf (дата обращения: 05.08.2020).
34. Кутырев Г.И. Стратегия национальной безопасности и военное строительство Испании: в условиях новых вызовов. // Проблемы европейской безопасности. 2018. Вып. 3. С. 87–103.
35. Окунева Л.С., Хенкин С.М., Аникеева Н.Е. Актуальные проблемы современной Иберо-Америки. // Латинская Америка. 2006. № 12. С. 90–94.
36. Черкасова Е.Г. Безопасность Испании в атлантическом формате. // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59. № 12. С. 41–47.
37. Final Communiqué. Ministerial Meeting of the North Atlantic Council Held in Madrid on 3 June 2003. URL: http://www.nato.int/docu/pr/2003/p03-059e.htm (дата обращения: 05.08.2020).

REFERENCES:

1. *About the UN*, available at https://www.un.org/en/about-un/ (accessed 03 august 2020).
2. *España en la ONU*, available at https://www.spainun.org/espana-en-la-onu/page/2/ (accessed 03 august 2020).
3. Anikeeva N.E. *Osobennosti vneshnej politiki Ispanii v period pravlenija Hose Luisa Rodrigesa Sapatero: 2004–2008 gg.*, Vestnik MGIMO – Universiteta. 2008, № 2(2). P. 10–19. ISSN: 2071-8160.
4. Mihajlin I.V. *Bor'ba Ispanii i Rossii protiv terrorizma: sravnitel'nyj analiz*, Vlast', 2016, T. 24, № 9, P. 215–222. ISSN: 2071-5358.
5. Anikeeva N.E. *Ispanija protiv terrorizma*, Sovremennaja Evropa, 2005, № 3 (23), P. 63–74. ISSN: 0201-7083.

6. Pinchuk A.Ju. *Institualizacija antiterroristicheskoj dejatel'nosti v ramkah Organizacii Ob`edinennyh Nacij,* Social'no-politicheskie nauki, 2018, № 6, P. 54–68, P. 70–73. ISSN: 2223-0092.
7. Andreeva A.A. *Mirotvorcheskie processy v Latinskoj Amerike: rol' Ispanii,* Latinskaja Amerika, 2019, № 12, P. 49–60. DOI: 10.31857/S0044748X0007340-3.
8. Jakovlev P.P. *Ispanija v sisteme global'nyh koordinat,* Latinskaja Amerika, 2011, № 5, P. 39–57. ISSN: 0044-748X.
9. Piris A. *Militar y democracia*. Barcelona: Grijalbo, 1993.
10. Jakovlev P.P. *Ispanija v mirovoj politike*: monografija, Moscow, ILA RAN, 2011, 384 p. ISBN: 978-5-201-05464-9.
11. De Vega L. *Libia y Túnez, una nueva amenaza terrorista para España,* available at http://www.abc.es/internacional/20150406/abci-libia-tunez-marruecos-espana-201504051913.html (accessed 04 august 2020).
12. Serebrjakova S.V. *Nauchnoe osmyslenie ponjatija «Evropejskaja identichnost'» v sovremennom obshheevropejskom kontekste,* Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija, 2017, № 1, P. 213–218. ISSN: 2409-1030.
13. Kembaev Zh.M. *Obshhaja vneshnjaja politika i politika bezopasnosti Evropejskogo Sojuza: pravovye osnovy stanovlenija i perspektivy razvitija,* Zhurnal rossijskogo prava, 2007, № 6 (126), P. 88–96. ISSN: 1605-6590.
14. Barry R. Posen. *European Union Security and Defense Policy: Response to Unipolarity*? Security Studies 15, 2006, № 2, P. 149–186. available at https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/09636410600829356 (accessed 04 august 2020).
15. Klimenko S. *Sostojanie i perspektivy razvitija «Evrokorpusa»,* Zarubezhnoe voennoe obozrenie, 2001, № 11, P. 17–22.
16. Orlov A.A. *Ispanija v sisteme voenno-politicheskih organizacij i sojuzov Zapada: obretenie «novogo lica»,* Moscow, Oost, 2000, 316 p.
17. Kochev I.A. *Obshhaja politika bezopasnosti i oborony Evropejskogo Sojuza v sovremennoj politicheskoj teorii,* Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Filosofija, Sociologija, Politologija, 2011, № 3 (15), P. 138–144.
18. *Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union,* Official Journal of the European Union, C. 83. Vol. 53, 30.03.2010, available at https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:083:FULL:EN:PDF (accessed 04 august 2020).
19. *Sovremennaja Ispanija: problemy i reshenija*: kollektivnaja monografija, edited by A.V. Kuznecova, Moscow, IMJeMO RAN, 2018, 101 p. ISBN 978-5-9535-0549-9 DOI:10.20542/978-5-9535-0549-9.
20. *La UE accelera sus planes para una defensa autónoma de EEUU,* available at http://www.elperiodico.com/es/noticias/internacional/intenta-dar-los-primeros-pasos-hacia-una-defensa-autonoma-eeuu-5627615 (accessed 04.08 2020).
21. *The treaty of Amsterdam. Amending the treaty on European Union, the treaties establishing the European communities and certain related acts,* Amsterdam, 2

October 1997, available at https: //www. europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf/amst-en.pdf (accessed 04 august 2020).
22. Anikeeva N.E. *Ispanija – gosudarstvo avtonomij v ob`edinennoj Evrope*, Sovremennaja Evropa, 2007, № 2 (30), P. 91–102. ISSN: 0201-7083.
23. *Ispanija. Konstitucija i zakonodatel'nye akty*, Per. s isp., [sost. V.A. Savina], edited by N.N. Razumovicha, Vstup. st. N.N. Razumovicha, V.A. Savina [pp. 10–28], Moscow, Progress, 1982, 352 p.
24. *Constitución Española*, available at https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf (accessed 04 august 2020).
25. Solncev A.S. *Kompetencija avtonomnyh oblastej Ispanii v osushhestvlenii vneshnepoliticheskoj dejatel'nosti*, Opyt evropejskogo federalizma. Istorija i sovremennost' edited by E.Ju. Poljakova, Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN, 2002, ISBN 5-94067-047-4. P. 219–232.
26. Prohorenko I.L. *Regiony Ispanii v politicheskom prostranstve Evropejskogo Sojuza*, Vestnik Moskovskogo universiteta, Serija 25, Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika, 2011, № 1, P. 32–48. ISSN: 2076-7404.
27. Prohorenko I.L. *Tradicii i vneshnjaja politika: opyt postanovki problemy* (*na primere sovremennoj Ispanii*), Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija, 1993, № 4, P. 87–97. ISSN: 0131-2227.
28. Henkin S.M. *Ispanija i ES*, Aktual'nye problemy Evropy, 2000, № 3, P. 265–276. ISSN: 0235-5620.
29. Fojón E., **Mora E.**, **Arteaga F.**, **Muñiz M.** *Spain and the CSDP*, Madrid, Egmont, 2015, 129 p.
30. *National Defense Directive 1/2004*, Madrid, 2004, 13 p. available at https://www.files.ethz.ch/isn/155782/Spain_English2004.pdf (accessed 05 august 2020).
31. *Spain's 2017 National Security Strategy*, Madrid, Presidencia del Gobierno, 2017, 128 p. available at https://www. dsn.gob.es/ sites/dsn/ files/ 2017_Spanish_National_Security_Strategy_0.pdf (accessed 05 august 2020).
32. *European Defence Agency*, available at https://eda.europa.eu/home (accessed 05 august 2020).
33. Andrjushin S.V. *Strategicheskij potencial Evropejskogo oboronnogo agentstva*, Vestnik SPbGU, Serija 6, Politologija, Mezhdunarodnye otnoshenija, 2015, №1, P. 96–109.
34. Kutyrev G.I. *Strategija nacional'noj bezopasnosti i voennoe stroitel'stvo Ispanii: v uslovijah novyh vyzovov*, Problemy evropejskoj bezopasnosti, 2018, № 3, P. 87–103.
35. Okuneva L.S., **Henkin S.M.**, **Anikeeva N.E.** *Aktual'nye problemy sovremennoj Ibero-Ameriki*, Latinskaja Amerika, 2006, № 12, P. 90–94. ISSN: 0044-748X.
36. Cherkasova E.G. *Bezopasnost' Ispanii v atlanticheskom formate*, Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija, 2015, T. 59, № 12, P. 41–47. ISSN: 0131-2227.
37. *Final Communiqué*. Ministerial Meeting of the North Atlantic Council Held in Madrid on 3 June 2003, available at http://www.nato.int/docu/pr/2003/p03-059e.htm (accessed 05 august 2020).

ZABLOTSKAYA Irina N. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnitcheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: zablotskaya_in@spbstu.ru

SPAIN'S PARTICIPATION IN INTERNATIONAL COLLECTIVE SECURITY STRUCTURES

The problem of ensuring collective security is one of the most pressing problems of the sustainability of the modern world. Spain takes an active part in the activities of international organizations, the purpose of which is to ensure international and national security. Three areas of UN activity are of particular importance for the country: reform of the Security Council; organization of the International Criminal Tribunal; peacekeeping operations under the auspices of the organization. In foreign policy, Spain's role in the European Union is noticeable and active. The Spanish government does not question the existence of NATO and sees it as a form of interaction between Europe and the United States, which should ensure overall security and stability on the continent. Cooperation with the UN for Spain is the guarantor of ensuring the national security of the country, which has always opposed international terrorism and takes an active part in many anti-terrorist activities organized by international organizations.

The proposed research is based on General methods of analysis and comparison of historical facts of modern political history in Europe and the United States. The sources of information used are periodical press data, analytical reviews, and scientific polemics in Russian, English, and Spanish. The study confirms that over the past decades, the country has consistently carried out targeted actions to ensure collective security in Europe and the world, as evidenced by Spain's active participation in the activities of the counter-terrorism Committee and support for UN peacekeeping operations in Central America.

In addition, the country comes up with a large number of initiatives, for example, with a proposal to create a list of international organizations engaged in terrorist activities.

SPAIN; SECURITY; INTERNATIONAL ORGANIZATIONS; UN; NATO; EUROPEAN UNION; COLLECTIVE SECURITY

УДК: 327
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.05

Н.С. Иванников

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ

ИВАННИКОВ Никита Сергеевич – старший преподаватель Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.
E-mail: ivannikov_ns@spbstu.ru

В статье описывается необходимость международного сотрудничества для решения глобальной продовольственной проблемы и подчеркивается его важность на глобальном уровне. Стоит отметить многоаспектность и сложносоставность данной проблемы для мирового сообщества. Она имеет причины и последствия, выходящие за пределы исключительно вопросов, связанных с работой сельскохозяйственного сектора. Более того, она является общей для развитых и развивающихся стран, что обеспечивает ее актуальность для оценки современных мирополитических процессов. В работе рассматривается именно межгосударственное сотрудничество, так как его масштабы позволяют наиболее полным образом реализовывать проекты, нацеленные на улучшение текущей ситуации на региональном и глобальном уровнях, что отражает актуальность данного исследования. Также рассмотрены институциональные механизмы, обеспечивающие реализацию сотрудничества государств мира, отмечена преобладающая роль ООН и ее вспомогательных организаций в вопросах устранения препятствий и содействия обеспечению продовольственной безопасности. Последние в статье представлены на примере роста популярности биотоплива, изменения рациона питания, опустынивания, наличия проблемы перепроизводства продовольствия и недостаточно разработанной логистики продовольствия. Также рассмотрены некоторые особенности межгосударственного сотрудничества в рамках региональных блоков. Отдельно стоит отметить такие специализированные учреждения ООН как Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций и Всемирная Продовольственная программа. Особую важность для решения мировой продовольственной проблемы имеет международная торговля, которая разными методами способствует укреплению продовольственной безопасности как на местном, так и на государственном и даже региональном уровня. Не менее значимым фактором преодоления мирового голода

служит наличие адресных программ помощи развивающимся странам, как, например, Аквильская инициатива. В качестве научного результата обозначена безальтернативность ООН как эффективного и вариативного инструмента для обсуждения и реализации совместных программ и инициатив. Это подтверждается как комплексностью подхода Организации, так и особенностями ее работы, статусу, эффективности в качестве переговорной площадки.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ; МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО; ООН; ФАО

Международное сотрудничество играет основополагающую роль в борьбе с глобальными проблемами современности, и обеспечение продовольственной безопасности не является исключением. Его можно условно разделить на сотрудничество на государственном и негосударственном уровнях. И хотя второе представляет значительный интерес для исследования, в том числе ввиду уникальных ресурсов, которыми обладают Неправительственные организации (НПО) (например, непосредственное взаимодействие с аудиторией и ее вовлеченность, влияние на общественное мнение) [4], рассматриваться будет именно первая. Причиной этому служит, в первую очередь, больший объем вовлекаемых средств и количество разнообразных проектов, реализуемых странами в ходе взаимного сотрудничества. Именно наличие таких ресурсов и масштабы деятельности обуславливают ***актуальность*** рассмотрения данного сегмента международного сотрудничества. Также представляется важным определить площадки для реализации и обсуждения совместных программ. В связи с этим ***целью*** данной статьи является рассмотрение существующих платформ международного сотрудничества, определение наиболее значимой. Для этого необходимо решить следующие ***задачи***: выделить ключевых проблем, с которыми сталкивается международное сообщество при обеспечении продовольственной безопасности, рассмотреть существующие механизмы для реализации межправительственной кооперации, а также формы межгосударственного взаимодействия, определить наиболее функциональную платформу из рассмотренных. Институциональный подход и системный анализ являются ***методологической*** основой исследования.

В первую очередь стоит заметить, что проблема обеспечения продовольственной безопасности является многоаспектным и сложносоставным явлением. Ее решение уже давно находится за рамками исключительно наращивания производства продукции сельскохозяйственного

сектора. Она имеет социальные (связана с обеспечением одного из основных прав человека на полноценную жизнь), экономические, медицинские (распространение некачественной, дешевой пищи приводит к ухудшению здоровья населения) и политические (данная проблема способна приводить к появлению продовольственных бунтов, являющихся непосредственной угрозой безопасности государственного суверенитета и политической стабильности) последствия и причины.

Продовольственная проблема затрагивает не только развивающиеся, но и развитые страны. Именно факт того, что она касается всех государств мира, делает ее крайне актуальной при рассмотрении мирополитической картины. Сегодняшняя ситуация, спровоцированная пандемией коронавируса, представляет собой серьезный вызов для мировой общественности, поэтому текущее наращивание активности международных организаций и усиление межгосударственной кооперации [1] на фоне необходимости дополнительного финансирования и сосредоточения общих усилий в проблемных отраслях является действительно оправданным и необходимым направлением деятельности.

Существенным аспектом обеспечения продовольственной безопасности является борьба с проблемами, препятствующими ее реализации:

- Опустынивание, возникающее как по причине климатических изменений, так и вызванное антропогенными факторами. В настоящее время действует ряд документов, регламентирующих деятельность, направленную на борьбу с этой проблемой. Значительную поддержку в этом отношении оказывает Международный фонд Сельскохозяйственного развития ООН, особенно в странах Африки;
- Распространение биотоплива. Переход на биотопливо как на возобновляемый источник энергии способен существенно повлиять на мировую экологическую ситуацию. Выделение ресурсов на его производство негативно воздействует на производственные возможности сельского хозяйства. Одним из главных акторов по мониторингу и состоянию проблемы является Международное агентство по возобновляемой энергетике [3];
- Изменение рациона питания и ухудшение его качества. Важной составляющей борьбы с этой проблемой является совместная программа ВОЗ и ФАО Кодекс Алиментариус, который представляет собой

дополняющийся и изменяющийся (при его разработке Комиссия принимает во внимание все новейшие разработки и достижения науки [8]) сборник стандартов и методических указаний по производству продовольствия Исследователи признают заслугу этой программы по гармонизации мировых стандартов в области продовольствия и регулирования продовольственных систем [14];

- Проблемы перепроизводства продовольствия в некоторых регионах и нарушение логистики продовольствия, недостатки распределительной системы регулярно приводят к тому, что тонны продовольствия оказываются на свалках. При этом в мире сохраняется проблема голода и недостатка продовольствия в некоторых регионах. Перераспределение уже имеющегося продовольствия может быть серьезным подспорьем в решении мировой продовольственной проблемы [9].

Одним из основных видов межправительственной кооперации можно назвать региональные блоки – такие как АТЭС, БРИКС, СНГ. Каждый из этих блоков имеет свою специфику работы, ее направления.

АТЭС прежде всего сосредоточена на решении вопросов логистики, внедрения технических инноваций в производство, поддержании социальной стабильности на территории стран-членов. БРИКС более заинтересована в вопросах развития, снижения негативных последствий изменения климата, обеспечение продовольствием незащищенных слоев населения, создание эффективных систем обмена информацией. Для СНГ приоритетами являются достижение и сохранение продовольственной безопасности стран-членов, оказание адресной помощи путем осуществления различных программ, создание общих документов и следование им (Концепция и Комплекс совместных мер повышения продовольственной безопасности) [10]. Как можно заметить, приоритеты организаций в некоторой степени разнятся, что продиктовано особенностями состояния государств-членов. Кроме того, на повестку и эффективность деятельности региональных блоков значительное влияние оказывает политическая ситуация в регионе.

Самой масштабной платформой для межгосударственного сотрудничества в современном мире является Организация Объединенных Наций (ООН). Это действительно уникальная возможность для правительств разных стран выстраивать сотрудничество как благодаря мировому охвату ООН по составу членов, так и благодаря наличию специализированных

учреждений, деятельность которых напрямую или опосредованно связана с вопросами обеспечения продовольственной безопасности.

Самым заметным специализированным учреждением ООН в этой области является Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. Сформированная по окончанию Второй мировой войны как идейный продолжатель деятельности Международного сельскохозяйственного института, сегодня ФАО включает в себя 194 члена, ЕС и еще двоих ассоциированных членов. Ее отделения располагаются по всему миру, а руководство осуществляется из штаб-квартиры в Риме.

На текущем этапе работа организации сфокусирована на выполнении Целей устойчивого развития ООН до 2030 года. Вместе с этим ФАО занимается не только реализацией специальных программ по укреплению или созданию продовольственной безопасности, но также занимается учебно-просветительской деятельностью [7, с. 32].

Другим специализированным учреждением ООН является Комитет по Всемирной Продовольственной Безопасности, который считается одной из наиболее открытых международных и межправительственных платформ в современное время. Его деятельность по разработке рекомендаций и указаний является актуальной, в том числе благодаря инклюзивному подходу [6]. Комитет также организует различные мероприятия по сопряженным пунктам повестки своей деятельности – исполнение Целей Устойчивого Развития ООН, вопросы питания, борьбы с затяжными кризисами, ответственное инвестирование в сельскохозяйственное производство, работа с мелкими фермерами, борьба за расширение прав и возможностей женщин [2].

Международная торговля также зарекомендовала себя в качестве важнейшего механизма роста и развития, в том числе рынка продовольствия. Она помогает создавать более прочные производственно-сбытовые цепи, смягчать последствия конфликтов и обеспечивает доступ к более качественным и количественным товарам и услугам. Исторически сложилось так, что международная торговля способствовала укреплению продовольственной безопасности, связывая регионы с ограниченным сельскохозяйственным потенциалом и большой численностью населения с регионами, обладающими сравнительными преимуществами в сельскохозяйственных ресурсах. Она также обеспечила потребителям

доступ к более диверсифицированной и питательной продовольственной корзине. Однако для того, чтобы торговля способствовала повышению продовольственной безопасности для наибольшего числа людей, необходимо более широкое международное сотрудничество. Существует необходимость в новом подходе к интеграции глобальной торговли, который позволил бы избежать привычных проблем и решить долгосрочные проблемы торговли и отсутствия продовольственной безопасности [11]. Надлежащие многосторонние торговые переговоры привели бы к существенным достижениям как для развивающихся, так и для развитых стран, включая увеличение глобального производства продовольствия и промышленных товаров, улучшение торговой инфраструктуры, более эффективные таможенные процедуры, более низкую тарифную защиту и ослабление протекционистской политики [13]. Таким образом, торговые войны, актуальные для современности, являются значительным препятствием для обеспечения продовольственной безопасности. Их прекращение невозможно без активизации конструктивного сотрудничества между государствами.

Другим немаловажным направлением деятельности по укреплению продовольственной безопасности в межгосударственном сотрудничестве являются адресные программы помощи развивающимся государствам. Коллективный вклад развитых государств в решение продовольственной проблемы для многих государств является определяющим при обеспечении продовольственной безопасности. Показательным примером этого может служить реализация Аквильской инициативы по продовольственной безопасности, принятой в 2009–2012 годах. Ее задачей был сбор средств на помощь развивающимся государствам, и в ходе ее реализации была оказана финансовая поддержка в размере 22,2 млрд. долларов [12].

Одним из наиболее существенных преимуществ использования ООН как платформы для сотрудничества является синергетический характер ее деятельности. Решение проблемы с помощью комплексного подхода нескольких специализированных учреждений ООН (таких как ФАО, ВОЗ, ЮНИСЕФ, ЮНЕП) позволяет добиваться наиболее полного решения имеющихся проблем [5].

Таким образом, в качестве ***вывода*** можно заключить следующее: обозначение роли ООН в осуществлении международного сотрудничества в рамках деятельности по обеспечению продовольственной безопасности на

глобальном уровне как основополагающей и ключевой является справедливым. Действительно, формат работы в ООН и комплексный подход в результате задействования ее специализированных учреждений является уникальной возможностью для мировых держав решать актуальные проблемы современности. Однако решение проблемы обеспечения продовольственной безопасности может быть возможным только в условиях активного международного сотрудничества различных государств мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. 60 international agencies urge rapid coordinated response as pandemic threatens to destabilize poor countries' finances // UNSCAP. URL: https://www.unescap.org/news/60-international-agencies-urge-rapid-coordinated-response-pandemic-threatens-destabilize-poor (дата обращения: 20.07.2020).

2. Деятельность. Посвященные текущей работе и мероприятиям // КВПБ. URL: http://www.fao.org/cfs/cfs-home/activities/ru/ (дата обращения: 20.07.2020).

3. Иванников Н.С. Об институциональных решениях в рамках ликвидации препятствий по обеспечению продовольственной безопасности человечества // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. №2(188). С. 94–101. ISSN: 2227-2291.

4. Иванников Н.С. Особенности деятельности ФАО в геополитических условиях современности // Управленческое консультирование. 2019. №2(122).С. 89–95. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-2-89-95.

5. Коваленко В.А. Партнерство как важное направление деятельности ФАО по решению продовольственной проблемы // Управленческое консультирование. 2016. №3(87).С. 195–201. ISSN: 1726-1139eISSN: 1816-8590.

6. КВПБ. Комитет по Всемирной продовольственной безопасности // КВПБ. URL: http://www.fao.org/cfs/cfs-home/ru/ (Дата обращения: 20.07.2020).

7. Лупашко-Стальский И.П. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО): основные сведения. – М. 2006. ISBN 5-7367-0564-8. –125 с.

8. Международный орган по стандартам на пищевые продукты – механизм защиты потребителей . URL: http: //www.who.int/ mediacentre/news/ releases/2013/codex_alimentarius_20130702/ru/ (дата обращения: 20.07.2020).

9. ФАО: сократив потери продовольствия, можно накормить миллионы / Новости ООН. URL: https://news.un.org/ru/story/2018/11/1342311 (дата обр.: 20.07.2020).

10. Щетинина И.В. Продовольственная безопасность и международное сотрудничество // Вестник НГИЭИ. 2018.№ 10(89). С. 135–152. ISSN: 2227-9407.

11. Building food security through international trade agreements // International food policy research institute. URL: https://www.ifpri.org/blog/building-food-security-through-international-trade-agreements (дата обращения: 20.07.2020).

12. L'Aquila Food Security Initiative / Integrated implementation framework. URL: https://iif.un.org/content/laquila-food-security-initiative (Дата обращения: 20.07.2020).
13. Trade wars are huge threats to food security // UN conference on Trade and Development. Prosperity for all. URL: https: //unctad.org/en/pages/ newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2276 (дата обр.: 20.07.2020).
14. Van der Meulen B. Codex Alimentarius: The impact of the Joint FAO/WHO food standards Programme on EU Food Law / European Institute for Food Law Working Paper Series. 2018/04. URL: https:// papers.ssrn.com/sol3/ papers. cfm? abstract_id=3192451 (дата обращения: 20.07.2020).

REFERENCES:

1. *60 international agencies urge rapid coordinated response as pandemic threatens to destabilize poor countries' finances*, UNSCAP, available at https://www.unescap.org/news/60-international-agencies-urge-rapid-coordinated-response-pandemic-threatens-destabilize-poor (accessed 20 july 2020).
2. *Dejatel'nost'. Posvjashhennye tekushhej rabote i meroprijatijam*, KVPB, available at http://www.fao.org/cfs/cfs-home/activities/ru/ (accessed 20 july 2020).
3. Ivannikov N.S. *Ob institucional'nyh reshenijah v ramkah likvidacii prepjatstvij po obespecheniju prodovol'stvennoj bezopasnosti chelovechestva*, Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta, Serija 3, Obshhestvennye nauki, 2019, №2 (188), P. 94–101. ISSN: 2227-2291.
4. Ivannikov N.S. *Osobennosti dejatel'nosti FAO v geopoliticheskih uslovijah sovremennosti*, Upravlencheskoe konsul'tirovanie, 2019, №2 (122), P. 89–95. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-2-89-95.
5. Kovalenko V.A. *Partnerstvo kak vazhnoe napravlenie dejatel'nosti FAO po resheniju prodovol'stvennoj problem*, Upravlencheskoe konsul'tirovanie, 2016, №3 (87), P. 195–201. ISSN: 1726-1139eISSN: 1816-8590.
6. *KVPB. Komitet po Vsemirnoj prodovol'stvennoj bezopasnosti*, KVPB, available at http://www.fao.org/cfs/cfs-home/ru/ (accessed: 20 july 2020).
7. Lupashko-Stal'skij I.P. *Prodovol'stvennaja i sel'skohozjajstvennaja organizacija Ob`edinennyh Nacij (FAO)*: osnovnye svedenija, M., 2006, ISBN 5-7367-0564-8. 125 p.
8. *Mezhdunarodnyj organ po standartam na pishhevye produkty – mehanizm zashhity potrebitelej*, available at http://www.who.int/mediacentre/news/releases/ 2013/codex_alimentarius_20130702/ru/ (accessed 20 july 2020).
9. *FAO*: *sokrativ poteri prodovol'stvija, mozhno nakormit' milliony*, Novosti OON, available at https://news.un.org/ru/story/2018/11/1342311 (accessed 20 july 2020).
10. Shhetinina I.V. *Prodovol'stvennaja bezopasnost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo*, Vestnik NGIJeI, 2018, № 10 (89), P. 135–152. ISSN: 2227-9407.
11. *Building food security through international trade agreements*, International food policy research institute, available at https://www.ifpri.org/blog/building-food-security-through-international-trade-agreements (accessed 20 july 2020).
12. *L'Aquila Food Security Initiative*, Integrated implementation framework, available at https://iif.un.org/content/laquila-food-security-initiative (accessed 20 july 2020).

13. *Trade wars are huge threats to food security*, UN conference on Trade and Development. Prosperity for all, available at https: //unctad.org/en /pages/ newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2276 (accessed 20 july 2020).
14. Van der Meulen B. *Codex Alimentarius: The impact of the Joint FAO/WHO food standards Programme on EU Food Law*, European Institute for Food Law Working Paper Series, 2018/04, available at https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3192451 (accessed 20 july 2020).

IVANNIKOV Nikita S. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnitcheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: ivannikov_ns@spbstu.ru

THE ROLE OF INTERNATIONAL COOPERATION IN ENSURING FOOD SECURITY AT THE STATE LEVEL

The article describes the need for international cooperation to address the global food problem and emphasizes its importance on the global level. It is worth noting the multidimensionality and complexity of this problem for the global community. It has causes and consequences that go beyond purely issues related to the agricultural sector. Moreover, it is common for both to developed and developing countries, which ensures its relevance for the assessment of modern world political processes. The work deals specifically with interstate cooperation, as its scale allows the most complete implementation of projects aimed at improving the current situation at the regional and global levels, which reflects the relevance of this study. It also examines institutional mechanisms that ensure the implementation of cooperation between the states of the world, notes the predominant role of the UN and its subsidiary organizations in promoting food security and dealing with obstacles in this process. The latter are presented in the article by the example of growing popularity of biofuels, changing diet, desertification, the problem of food overproduction and insufficiently developed food logistics. Some of the peculiarities of interstate cooperation in the framework of regional blocks are also considered. The role of UN specialized agencies as the Food and Agriculture Organization of the United Nations and the World Food Programme should also be noted. International trade, which in different ways contributes to the strengthening of food security both locally and at the state and even regional level, is of partcular importance for solving the world food problem. An equally important factor in overcoming world hunger is the availability of targeted assistance programs to developing countries, such as the L'Aquila Initiative. As a scientific result, the UN has been identified as a non-alternative and effective tool for discussing and implementing joint programs and initiatives. This is confirmed both by the comprehensiveness of the Organization's approach and peculiarities of its work, status and effectiveness as a negotiating platform.

FOOD SECURITY; INTERNATIONAL COOPERATION; UN; FAO

УДК: 327;325.14
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.06

Е.В. Коновалова, А.С. Матвеевская

ВЛИЯНИЕ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА ЧЕХИИ НА ПРОВОДИМУЮ В ОТНОШЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПОЛИТИКУ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

КОНОВАЛОВА Екатерина Вадимовна – студентка 4 курса, факультета Международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7/9.
E-mail: kat25031999@gmail.com

МАТВЕЕВСКАЯ Анна Сергеевна – кандидат географических наук, доцент кафедры «Мировая политика» факультета Международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7/9.
E-mail:annamatveevskaya@mail.ru

В статье рассматривается явление евро скептицизма Чешской Республики и его влияние на политику Чехии по отношению к ЕС и отдельным странам-членам данного политического и экономического объединения во время кризиса COVID-19. Актуальность исследования заключается в том, что кризис в связи с пандемией показал, насколько хрупкими на самом деле являются идеи о построении единой Европы. Вирус стал угрозой для основ европейской экономической и финансовой систем. А быстрое и нескоординированное закрытие границ в наибольшей степени оказало влияние на страны так называемой географической периферии.

Авторы статьи представляют данные докладов Министерства финансов Чешской Республики за 2018–2019 гг., которые демонстрируют, что Чешская Республика не относится к странам – «донорам» и имеет ярко выраженную прибыль

от участия в рассматриваемом объединении. Однако, несмотря на все существующие преимущества для развития экономики, Чехия сохраняет свои лидирующие позиции по уровню евро скептицизма. Статья представляет результаты опросов общественного мнения Eurobarometer за 2017 г. относительно одобрения членства страны в ЕС, поддержки проводимой миграционной политики, введения евро. Также для написания работы используется «Внешнеполитическая программа Чехии в период коронавируса» на 7 мая 2020 года. Согласно проведенным опросам населения Чехии, вектору европейской политики данного государства и политическим процессам внутри страны можно сделать вывод о преобладании евро скептических взглядов внутри Чешской Республики. Данная тенденция сохранилась и в период кризиса COVID-19.

Чешская Республика всегда являлась страной-членом ЕС с одним из самых высоких уровней евро скептицизма, что, безусловно, оказывало значительное влияние на ее внешнюю политику, но до марта 2020 года сказывалось исключительно на проведении общей европейской внешней политики, и политики интеграции. Однако после начала пандемии под воздействием евро скептических настроений оказались европейские принципы, которые провозглашали сплоченность стран и создание открытого европейского рынка.

ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ; ЧЕШСКАЯ РЕСПУБЛИКА; ПАНДЕМИЯ; ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Актуальность. Европейский Союз (ЕС) в настоящее время является одним из сильнейших экономических и политических лидеров, что подразумевает влиятельность данного объединения. До начала кризиса в связи с COVID-19 ЕС сталкивался с трудностями разного типа, например, с миграционным кризисом 2014 года. К данным трудностям, в том числе, можно отнести рост евроскептицизма, особенно в Чешской Республике в период начала пандемии, что может повлечь за собой ряд последствий как для Евросоюза, так и для всего мира.

Актуальность поставленной в работе проблемы позволяет определить цели и задачи исследования.

Цель работы – определение специфики влияния евроскептицизма Чешской Республики на проводимую политическую линию по отношению к ЕС во время кризиса COVID-19.

***Задачи работы*:**

- провести анализ и сравнить политику Чехии в отношении ЕС до и во время пандемии;
- выявить особенности положения Чехии в ЕС;
- исследовать разногласия, возникшие между членами Европейского Союза в период пандемии.

Методологическая основа работы включает анализ, синтез, индукцию, классификацию, что помогло в раскрытие темы. Так в работе представлены опросы общественного мнения граждан Чехии и других стран ЕС за разные годы, проведен их анализ, были проанализированы политические и экономические решения и, в итоге, построены выводы на базе обобщения отдельных фактов.

Евроскептицизм означает скептическое и / или негативное отношение к интеграционным процессам в рамках Европейского Союза. Евроскептиков можно условно разделить на две группы: 1) тех, кто полностью отвергает интеграцию вплоть до полного выхода из Союза, и 2) тех, кто выступает против отдельных векторов политики ЕС, а не самого факта существования Европейского Союза [5].

Евроскептицизм в экономике, в политике и культуре среди стран ЕС наблюдается, прежде всего, в странах Вышеградской группы. Среди них Чешская Республика остается самым большим противником евро. Кроме того, 73% опрошенных чехов не считают, что «их голос имеет вес в Европе». В других странах этот взгляд разделяет примерно половина населения [2; 17].

Стоит отметить, что, согласно докладу Министерства финансов Чешской Республики, в 2019 году из бюджета Европейского Союза Чехией было получено 119,9 млрд. крон, в то время как отправлено в него 51,4 млрд. крон. Исходя из этого, разница составила 68,5 млрд. крон. В сумме с момента вступления в Евросоюз Чехия внесла в бюджет данного экономического и политического объединения 616,8 млрд. крон, а получила из него более 1430 млрд. крон. То есть выгода для республики составила почти 810 млрд. крон. При этом за все историю членства Чешской Республики (с 2004 года) страна ни разу не перечисляла ЕС больше, чем получала от него [4; 13] (табл. 1).

Таким образом, у Чехии (5 млрд. евро), вместе с такими странами, как Польша (9 млрд. евро), Румыния (5 млрд. евро) и Греция (4,8 млрд. евро), самая большая разница между взносами и полученными средствами [19].

Таблица 1

Разница между полученными и внесенными в бюджет ЕС средствами

Год	Кроны
2004	7,3
2005	2,0
2006	6,9
2007	15,2
2008	23,8
2009	42,3
2010	47,9
2011	30,8
2012	73,8
2013	84,8
2014	75,3
2015	150,0
2016	80,6
2017	56
2018	44,7
2019	68,5

Опираясь на приведенные данные, можно сделать вывод, что в отличие от таких стран, как, например, Германия и Франция, Чешская Республика не относится к странам–«донорам» и имеет ярко выраженную прибыль от участия в рассматриваемом объединении.

Еще одним аргументом, подтверждающим экономическую выгоду для Чешской Республики от членства в ЕС, является то, что экономика данной страны экспортоориентированна. Основной экспортный рынок Чехии, а значит и крупнейший торговый партнер – Евросоюз. По данным на 2018 год на страны Европейского Союза приходится 80% чешского экспорта. В то время как показатель импорта составляет 60%. Половина всего товарооборота приходится на страны, граничащие с Чехией, а именно Германией, Австрией, Польшей и Словакией. Также важную роль для экономики представляют приходящие в страну инвестиционные потоки. Крупнейшими партнерами в данной сфере продолжают оставаться страны ЕС – Голландия, Австрия и Германия [14].

Согласно существующим официальным данным в Чехии наблюдается постоянное снижение поддержки ЕС. Так, например, по результатам опроса

Eurobarometer, в 2017 году доля респондентов, положительно относящих к ЕС, в Чехии снизилась до 25% (–3% относительного предыдущего) [18].

Можно выделить несколько аспектов проведения интеграционной и совместной политики в рамках Союза, которые влияют как на отношения ЕС и Чехии, так и на политическую линию Чешского правительства.

Первой причиной является антимиграционная позиция Чешской Республики. Около двух третей граждан Чехии выступают против приема беженцев. В то время как опрос 2015 г. показал, что 94% всех респондентов отдают предпочтение полному закрытию границ [22], спустя уже два года, весной 2017 года, согласно результатам общественного мнения, Чешская Республика – единственная страна ЕС, где большинство респондентов выступает против проведения общей Европейской миграционной политики (56% vs. 39%) [18]. Такое отношение к мигрантам порождает враждебность не только к тем государствам Союза, которые поддерживают открытую миграционную политику, особенно к Германии, но также к ЕС в целом [2].

Еще один факт, который может приводить к разногласиям между членами ЕС, заключается в том, что Чехия входит в число стран, выступающих против единой валюты – евро. Согласно опросу 2017 года Чешская Республика является европейской страной с самым высоким процентов жителей, не поддерживающих введение евро (77%). Тогда как, например, в Швеции этот процент составляет 72%, а в Дании – 66% [18].

Данные противоречия препятствуют углублению интеграции и подчеркивают желание народа Чехии сохранить свое национальное самосознание, что идет в разрез, например, с идеей создания единой Европы.

Доказательством существования данных процессов может служить последующий за решением о Brexit призыв Президента Чехии Милоша Земана в 2016 году о проведении референдума о членстве страны в Европейском союзе и НАТО, с целью узнать волю граждан. При этом президент отметил, что он поддерживает сохранение присутствия Чехии в данных объединениях. Правительством инициатива президента была отклонена [3; 12].

Затем в 2017 году в Чехии прошли общенациональные выборы. Их результатом можно назвать сохранение правящей элиты у власти, но усиление роли националистических, антиглобалистских и евроскептических партий [1].

Некоторые ученые и политики говорят, что проводимая политика государств-членов ЕС в период пандемии является предвестником конца для Евросоюза, но необходимо отметить, что в тоже время существуют оптимистические взгляды на данную ситуацию, заключающиеся в том, что те трудности, с которыми сталкиваются сейчас страны Европы, в последующем лишь сделают ее более сплоченной.

Однако результаты опроса, проведенного в период пандемии в странах Европейского Союза, отражают обеспокоенность граждан данных стран состоянием национальной экономики, страны их проживания, а не экономики ЕС в целом [15]. Это говорит о приоритете для людей их собственного национального благосостояния. Данные процессы, ставшие ярко выраженными особенно в период кризиса COVID-19, характерны для всех стран Европы.

Как сообщает агентство Eurostat, в апреле средняя инфляция в странах Европейского союза составила 0,7% в годовом выражении против 1,2% в марте 2020 года. При этом в Чехии рост цен достиг 3,3%. Инфляция в Чешской Республике оказалась самой высокой во всем Евросоюзе. На втором месте идет Польша с 2,9%, на третьем – Венгрия с 2,5% [11]. Так как размер данной инфляции является умеренным, это означает, что данные темпы прироста благотворно сказываются на экономике: растет оборот денежной массы, дешевеют кредиты, инвесторы вкладывают в новые производства.

В то же время в 13 государствах Европейского союза отмечена отрицательная инфляция, то есть дефляция. Сильнее всего цены снизились в Словении (на 1,3%) и на Кипре (1,2%) [11], что означает, что в данных странах экономика находится в процессе спада. Данный процесс приводит к снижению потребительского спроса, падению производства и доходов населения.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что в самом начале кризиса экономики стран абсолютно по-разному стали реагировать

на те обстоятельства, в которых оказались страны в период начинающейся пандемии. Данный факт доказывает сильное различие в уровнях экономического развития стран ЕС, что может приводить к росту напряженности и недопонимания между странами-членами.

Одновременно ведущие политические деятели открыто осуждают ЕС и бездействие Европейской комиссии. Так, население Чехии ожидало от ЕС более решительных мер по урегулированию существующего кризиса в отличие от времени миграционного и финансового кризисов [16]. На рост недовольства среди политиков и населения влияет тот факт, что третьи страны (Россия, Китай) оказали больше поддержки, чем страны-члены ЕС.

Стоит отметить, что Европейской комиссией были предприняты попытки координирования усилий по производству, закупке и распространению жизненно важного медицинского оборудования, но ее инициатива претерпела неудачу [16]. К тому же результату свелись попытки Комиссии по созданию «дорожной карты» для снятия ограничений. Прежде чем её удалось утвердить, Австрия, Дания и Чешская Республика объявили о проведении своего собственного курса по ослаблению ограничений [10].

Также разногласия возникли в связи с предложениями Еврокомиссии по долгосрочному бюджету и фонду реконструкции экономики. Премьер-министр Чехии Андрей Бабиш присоединяется к ряду стран, критически относящихся к совместному предложению Франции и Германии о создании европейской программы спасения на сумму 500 миллиардов евро для борьбы с последствиями пандемии коронавируса. Он не согласен с тем фактом, что огромные суммы грантов должны поступить в наиболее пострадавшие страны, такие как Испания и Италия. По его словам, Чешская Республика не должна быть наказана за успешное управление эпидемией коронавируса [8].

Еще одним проявлением евроскептицизма со стороны Чехии является введение Министерством здравоохранения Чешской Республики 6 апреля 2020 года запрета на экспорт респираторных масок класса защиты FFP3 за пределы Чешской Республики, то есть именно в тот момент, когда многие европейские страны нуждались в этом средстве защиты дыхания [6].

По мнению Европейской комиссии, данное решение чешских властей противоречит принципу открытого европейского рынка и может нанести ущерб международной торговле респираторами и другим защитным оборудованием [7].

Таким образом, можно говорить о том, что реализуемая Чешским правительством политическая линия по отношению к членам Европейского Союза не соответствует ряду принципов и целей, провозглашенных в Амстердамском договоре в 1997 году [20]. Такими принципами являются принцип сплоченности, согласно которому страны должны способствовать сплочённости стран и народов, проявлять солидарность друг к другу и оказывать помощь, и вышеупомянутый принцип открытого рынка.

Однако в официальных документах Чешской Республики провозглашается иной курс внешней политики страны. В одном из них, «Внешнеполитическая повестка дня вовремя коронавируса», говорится о том, что кризис, спровоцированный вспышкой и распространением болезни COVID-19, не только привел к большому числу жертв и радикальному изменению жизни людей по всей планете, но и вызвал дух солидарности, взаимной поддержки и сотрудничества.

В данном документе рассматриваются два аспекта внешней политики Чехии: оказание Чешской Республикой помощи другим государствам для осуществления борьбы с коронавирусом; мартовская встреча высших государственных деятелей Чешской Республики для рассмотрения основных вопросов внешней политики согласно последней повестке дня.

При рассмотрении вопроса об оказании помощи в документе говорится о том, что перед лицом нынешнего кризиса и огромных проблем, которые предстоит решить, Чешская Республика оказывает помощь наиболее пострадавшим странам. В феврале и марте Чешское государство, регионы, муниципалитеты, предприятия, а также отдельные лица оказывали поддержку Китаю, отправляя ему запасы масок, защитного снаряжения. Позже, несмотря на то, что экономическая и социальная жизнь в стране была практически прервана, чешская сторона предложила помощь европейским партнерам.

Так, например, 29 марта гуманитарная помощь была отправлена Италии и Испании, в размере 20 тысяч единиц защитной медицинской одежды. Так же, в Италию была доставлена партия масок и образцов респираторов, произведенных Чешским университетом. Позднее помощь была оказана Словении.

В это же время началось сотрудничество между Чехией и Люксембургом в сфере производства медицинских средств индивидуальной защиты. Чешские власти также начали переговоры о предоставлении Люксембургу бесплатной лицензии на производство респираторов, разработанных Чешским техническим университетом. Но, как уже отмечалось ранее, меньше, чем через месяц, Чехия не стала продолжать данный внешнеполитический курс.

Вторым вопросом, рассмотренным в данном документе, является совместная встреча высших политических представителей Чешской Республики, проходившая 11 марта, для обсуждения актуальных вопросов внешней политики. Высокопоставленные представители обсуждали текущую динамику развития эпидемиологического кризиса, оценивали его влияние в мировом масштабе и выражали солидарность и сочувствие наиболее пострадавшим странам. Они подчеркнули необходимость проведения ответственного и рационального политического курса по отношению к странам Союза вместе с осознанием обязательства правительством гарантировать защиту и безопасность населения. Не было никаких явных противоречий между участниками встречи с точки зрения того, как бороться с вирусом, основываясь на ограничениях и на приоритете безопасности над личными свободами. В то время как эта позиция доминировала в начале, в Чехии постепенно стали преобладать все более евроскептические пути [9].

Вывод. Несмотря на то, что в официальных документах Чешской Республики, принятых во время кризиса COVID-19 до апреля 2020 года, прослеживаются евроинтеграционные идеи, что сопоставимо с официальной идеологией ЕС, евроскептические настроения, которые превалировали в обществе до начала пандемии, оказали влияние на последующее формирование и проведение внешнеполитического курса, за что Чехия неоднократно подвергалась критике со стороны Европейской

Комиссии. То есть основной тенденцией в данный момент является проведение Чехией внешней политики, основывающейся на национальных интересах и рациональном расчете. При этом перспектива выхода Чехии из Европейского Союза является нереалистичной, за счет существующих для нее экономических выгод и привилегий, гарантированных членством в данном политическом объединении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Воронов К.** Лабиринты европейского популизма: клише и сущность // Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/labirinty-evropeyskogo-populizma-klishe-i-sushchnost/ (дата обращения: 08.06.2020).
2. **Георгиев Г.** Европеизм vs евроскептицизм в странах центральной и восточной Европы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т.10. №1. С.158–175. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-158-175.
3. **Гулевич В.** Евроскептицизм и Восточная Европа // Международная жизнь. URL: https://interaffairs.ru/news/show/15601 (дата обращения: 08.06.2020).
4. **Каймаков А.**, **Янцер Т.** Чехия и ЕС – высшая степень интеграции // Radio Prague International. URL: https://ruski.radio.cz/chehiya-i-es-vysshaya-stepen-integracii-8167078 (дата обращения: 19.06.2020).
5. **Корсакова А.А.** Евроскептицизм как сдерживающий фактор интеграции в ЕС // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. №10. С. 62–67. ISSN: 2311-8113.
6. **Туречкова Э.** Чехия вводит запрет на экспорт медицинских масок и дезинфекции // Radio Prague International. URL: https://ruski.radio.cz/chehiya-vvodit-zapret-na-eksport-medicinskih-masok-i-dezinfekcii-8106468 (дата обращения: 15.06.2020).
7. ECHO24, JHR. Coronavirus: EU disapproves of Czech export ban on protective equipment, Remix. Available at: https://rmx.news/article/article/coronavirus-eu-disapproves-of-czech-export-ban-on-protective-equipment (accessed: 15.06.2020).
8. IDNES.CZ, CZECH NEWS AGENCY. Czech PM: Poorly – run EU countries should not get billions in grant money during the coronavirus crisis, Remix. Available at: https://rmx.news/article/article/czech-pm-poorly-run-eu-countries-should-not-get-billions-in-grant-money-during-the-coronavirus-crisis (accessed: 15.06.2020).
9. **Zemanek L.** Czech Republic external relations briefing: Foreign Policy Agenda in the Time of the Coronavirus, China-CEE Institution. Weekly Briefing. 2020. №28(4). 5 p.
10. **Herszenhorn D.**, **Wheaton S.** How Europe failed the coronavirus test, Politico. Available at: https://www.politico.eu/article/coronavirus-europe-failed-the-test/ (accessed: 15.06.2020).

11. Statistics explained. Inflation in the euro area, Eurostat. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Inflation_in_the_euro_area (accessed: 11.06.2020).
12. Chamonikolas K., **Mortkowitz L.** Czech President Calls for Referendum on EU, NATO Membership, Bloomberg. Available at: https: //www. bloomberg. com/ news/ articles/2016-07-01/czech-president-calls-for-referendum-on-eu-nato-membership (accessed: 08.06.2020).
13. Statistics, Ministry of Finance of the Czech Republic. Available at: https: //www. mfcr.cz/en/statistics (accessed: 05.06.2020).
14. Schulmeister M. Philipp. Public opinion monitoring at a glance in the time of COVID-19, European Parliament. 2020. 51 p.
15. EU crisis response in tackling Covid-19. Views from the member states, European Policy Institutes Network. 2020. 18 p.
16. First results. Public opinion in the European Union, European Commission. 2016. 43 p.
17. Standard Eurobarometer. Spring 2017. Public Opinion in the European Union, European Commission. Available at: https: //ec.europa.eu/ commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2142 (accessed: 07.06.2020).
18. Budget EU, Startfor. Available at: https://www.stratfor.com/sample/analysis/bitter-budget-battle-looms-eu (accessed: 07.06.2020).
19. Treaty of Amsterdam amending the treaty on European Union, the treaties establishing the European Communities and certain related acts, European Communities. 1997. 148 p.
20. Wirtz B. Forget Frexit, the EU's next threat comes from the East, Newsweek. Available at: http://www.newsweek.com/eu-european-union-brussels-czech-republic-591079 (accessed: 08.06.2020).

REFERENCES:

1. Voronov K. *The labyrinth of European populism: cliché and core*. available at https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/labirinty-evropeyskogo-populizma-klishe-i-sushchnost/ (accessed: 08.06.2020).
2. Georgiev G. *Europeanism vs Euroscepticism in the Countries of Central and Eastern Europe*. Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2017. № 10(1). 158–175.DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-158-175.
3. Gulevich V. *Euroscepticism and Eastern Europe. The international affairs*, available at https://interaffairs.ru/news/show/15601 (accessed: 08.06.2020).
4. Kaimakov A., **Yanzer T.** *The Czech Republic and the EU – the highest level of integration. Radio Prague International*, available at https://ruski.radio.cz/chehiya-vvodit-zapret-na-eksport-medicinskih-masok-i-dezinfekcii-8106468 (accessed: 15.06.2020).
5. Korsakova A.A. *Euroscepticism as a deterrent of integration in the EU*. Topical issues of contemporary international relations. 2017. №10. p. 62–67. ISSN: 2311-8113.

6. Turechkova E. *The Czech Republic imposes a ban on the export of medical masks and disinfection.* Radio Prague International, available at https://ruski.radio.cz/chehiya-vvodit-zapret-na-eksport-medicinskih-masok-i-dezinfekcii-8106468 (accessed: 15.06.2020).
7. ECHO24, JHR. *Coronavirus: EU disapproves of Czech export ban on protective equipment*, Remix, available at https://rmx.news/article/article/coronavirus-eu-disapproves-of-czech-export-ban-on-protective-equipment (accessed: 15.06.2020).
8. IDNES.CZ, CZECH NEWS AGENCY. Czech PM: *Poorly – run EU countries should not get billions in grant money during the coronavirus crisis*, Remix, available at https://rmx.news/article/article/czech-pm-poorly-run-eu-countries-should-not-get-billions-in-grant-money-during-the-coronavirus-crisis (accessed: 15.06.2020).
9. Zemanek L. *Czech Republic external relations briefing: Foreign Policy Agenda in the Time of the Coronavirus*, China-CEE Institution. Weekly Briefing. 2020. №28(4). 5 p.
10. Herszenhorn D., **Wheaton S.** *How Europe failed the coronavirus test, Politico*, available at https://www.politico.eu/article/coronavirus-europe-failed-the-test/ (accessed: 15.06.2020).
11. Statistics explained. *Inflation in the euro area*, Eurostat, available at https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Inflation_in_the_euro_area (accessed: 11.06.2020).
12. Chamonikolas K., **Mortkowitz L.** *Czech President Calls for Referendum on EU*, NATO Membership, Bloomberg, available at https://www.bloomberg.Com/news/articles/2016-07-01/czech-president-calls-for-referendum-on-eu-nato-membership (accessed: 08.06.2020).
13. Statistics, Ministry of Finance of the Czech Republic, available at https://www.mfcr.cz/en/statistics (accessed: 05.06.2020).
14. Schulmeister M. Philipp. *Public opinion monitoring at a glance in the time of COVID-19*, European Parliament. 2020. 51 p.
15. *EU crisis response in tackling Covid-19*. Views from the member states, European Policy Institutes Network. 2020. 18 p.
16. First results. *Public opinion in the European Union*, European Commission. 2016. 43 p.
17. Standard Eurobarometer. Spring 2017. *Public Opinion in the European Union*, European Commission, available at https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2142 (accessed: 07.06.2020).
18. Budget EU, Startfor, available at https://www.stratfor.com/sample/analysis/bitter-budget-battle-looms-eu (accessed: 07.06.2020).
19. *Treaty of Amsterdam amending the treaty on European Union, the treaties establishing the European Communities and certain related acts*, European Communities. 1997. 148 p.
20. Wirtz B. *Forget Frexit, the EU's next threat comes from the East*, Newsweek. Available at: http://www.newsweek.com/eu-european-union-brussels-czech-republic-591079 (accessed: 08.06.2020).

KONOVALOVA Ekaterina V. – Saint-Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034. E-mail: kat25031999@gmail.com

MATVEEVSKAYA Anna S. – Saint-Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034. E-mail: annamatveevskaya@mail.ru

THE IMPACT OF EUROSCEPTICISM IN THE CZECH REPUBLIC CARRIED OUT IN RELATION TO EUROPEAN UNION POLICIES DURING A PANDEMIC

The article examines the phenomenon of Euroscepticism in the Czech Republic and its impact on Czech policy towards the EU and individual member states of this political and economic association during the COVID-19 crisis. The relevance of the study lies in the fact that the pandemic crisis has revealed how fragile the ideas of building a United Europe really are. The virus has become a threat to the foundations of the European economic and financial systems. The rapid and uncoordinated closure of borders has had the greatest impact on the countries of the so-called geographic periphery.

The authors of the article present the data from the reports of the Ministry of Finance of the Czech Republic for 2018-2019. The data show that the Czech Republic does not belong to the "donor" countries and has a pronounced profit from participation in the considered association. However, the Czech Republic retains its leading position in terms of Euroscepticism, despite all the existing advantages for economic development. The article presents the results of the 2017 Eurobarometer public opinion polls regarding the approval of the country's membership in the EU, support for the ongoing migration policy, and the introduction of the euro. For writing, the work "Foreign policy program of the Czech Republic during the coronavirus" on May 7, 2020 is used. The authors conclude about the prevalence of Eurosceptic views within the Czech Republic, according to the surveys of the population of the Czech Republic, vector of the European policy of this state and political processes within the country. This trend continues during the COVID-19 crisis.

The Czech Republic has always been an EU member state with one of the highest levels of Euroscepticism. This, of course, had a significant impact on it foreign policy. This only affected the conduct of a common European foreign and integration policy until March 2020. European principles, which proclaimed cohesion of countries and creation of an open European market, were influenced by Eurosceptic sentiments after the outbreak of the pandemic.

EUROSCEPTICISM; THE CZECH REPUBLIC; PANDEMIC; EUROPEAN UNION

УДК: 314.74
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.07

Е.И. Кравчик

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ФИНЛЯНДИИ

КРАВЧИК Елена Ильинична – студентка Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.
E-mail: kravchik.ei@edu.spbstu.ru

Актуальность темы данной работы обусловлена растущим вниманием финского правительства к вопросам миграции. В настоящее время Финским парламентом (Эдускунта) разрабатывается стратегия развития миграционной политики страны, её финансирования, а также принимаются попытки учесть неудачи в реализации предыдущих решений миграционных проблем. Также создаются многочисленные интеграционные программы для прибывающих в страну мигрантов. Их целью является облегчение процесса интеграции людей в новую для них культуру, вовлечение их в трудовую жизнь страны.

Поскольку финский парламент образуется десятью партиями, которые формируют политику государства (в том числе и по упомянутым выше вопросам), целесообразно рассмотреть политические программы наиболее крупных партий, так как они имеют наибольший вклад в формирование финской миграционной политики и занимают большее количество мест в парламенте. В статье проводится анализ миграционных программ партий «Социал-демократическая партия», «Финляндский Центр», «Истинные Финны», «Национальная Коалиция». Исследуется политика партий в отношении иммигрантов, установленной квоты беженцев, программ интеграции, финансовой поддержки иммигрантов.

Таким образом, целью данной работы является выявление стратегии миграционной политики Финляндии и анализ модели интеграции мигрантов в общество. Для достижения поставленной цели были выполнены следующие задачи: изучены миграционные программы наиболее крупных финских политических партий; проанализирована динамика развития миграционной политики Финляндии.

Подведя итоги исследования можно сделать вывод о том, что финская миграционная политика занимает значительное место в политической программе страны, а также имеет тенденцию к упрощению процедур въезда для мигрантов.

Особый акцент правительство Финляндии делает на трудовой миграции, соответственно, подобный тип миграции получает наибольшую государственную финансовую поддержку. В свою очередь, большинство крупных политических партий страны выступает за активное привлечение именно трудовых мигрантов, так как финское население стареет и нуждается в дополнительной рабочей силе. Внимание также уделяется развитию программ интеграции для уже находящихся в стране иммигрантов, так как среди иммигрантов зафиксирован высокий уровень безработицы и низкий уровень знания финского и/или шведского языков. Большая часть политических партий придерживается иммиграционных показателей ЕС, стремясь поддерживать уровень миграции наравне с другими странами-участницами ЕС, но ставит целью проводить свою миграционную политику качественно, не допуская ошибок, сделанных во время иммиграционного кризиса 2015 года.

ИММИГРАЦИЯ; ФИНЛЯНДИЯ; МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА; ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ; ИНТЕГРАЦИЯ; ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ

В настоящее время во многих европейских странах проблема миграции становится всё более напряжённой, требующей от правительств новых решений и пересмотра своей прошлой политики. Северные страны, в частности Финляндия, являются наиболее успешными в вопросах приёма иммигрантов, их дальнейшей интеграции и трудоустройства. Активная миграционная политика Финляндии имеет довольно короткую историю, так как до 1990 годов, в стране преимущественно наблюдалась эмиграция населения. Только в последние годы правительство смогло коренным образом изменить миграционную ситуацию в стране.

Актуальность темы работы обоснована необходимостью рассмотрения особенностей финской модели миграционной политики, позволяющей иммигрантам успешно интегрироваться в современное общество. Возрастающее количество иммигрантов ставит финское правительство перед задачей формирования современной и гибкой миграционной политики, в основе которой находятся нормативные акты, касающиеся вопросов и проблем иммигрантов. Политика государства по важнейшим вопросам (в том числе миграционным) формируется Эдускунтой (Финляндским парламентом), состоящим из десяти партий, крупнейшими из которых являются Социал-Демократическая партия, Финляндский Центр, Зелёный Союз, Левый Союз, Шведская народная партия, Истинные Финны, Национальная Коалиция, Христианские демократы.

Целью работы является выявление и рассмотрение модели миграционной политики Финляндии.

Для достижения поставленной цели необходимо изучить направления миграционной политики крупнейших политических партий Финляндии (Социал-Демократическая партия, Финляндский Центр, Истинные Финны, Национальная Коалиция); проанализировать динамику развития миграционной политики Финляндии.

Следует также дать определения основным понятиям, приведённым в данной работе.

Миграционная политика – программа государства, регулирующая въезд и проживание иммигрантов в стране.

Интеграция – процесс адаптации человека к обществу, проходящий на разных уровнях и в разных сферах общественной жизни.

Трудовые иммигранты – лица, имеющие право на проживание в стране на основании своей занятости.

Принимаемые по квоте беженцы – лица, имеющие статус беженца даный им Верховным комиссариатом ООН, т.е. лица, допущенные к квоте беженцев установленной принимающей стороной.

В основе миграционной политики Финляндии лежит политика Европейского союза, международные соглашения, а также собственное законодательство, разработанное финским правительством.

Наиболее важными документами, на которые опирается правительство Финляндии для формирования модели миграционной политики являются:

1. Европейская конвенция о правах человека;
2. Женевская конвенция о беженцах;
3. Конвенции ООН против пыток;
4. Конвенция о правах ребёнка [1].

Помимо упомянутых выше международных договоров, миграционные законы и документы регулируются министерством внутренних дел Финляндии. Основные права иммигрантов закреплены в главном законе страны – Конституции 1999 года. В Конституции обозначаются права на жизнь, свободу, образование как для граждан

страны, так и для иммигрантов. Статьёй 19 также устанавливается право человека на получение социальной и материальной государственной помощи [6]. Вопросы въезда, выезда, проживания и трудоустройства иностранных граждан регулируется «Законом об иностранцах». Основными целями данного документа является осуществление контролируемой миграции, соблюдение прав человека и обеспечение защиты въезжающего в соответствии с международным правом. Условия работы и получения гражданства дополнительно регулируются следующими законами: Закон об условиях въезда и проживания граждан третьих стран с целью сезонной работы, Закон об условиях въезда и проживания граждан третьих стран на основе исследований, учебы, стажировки и волонтерской деятельности, Закон о гражданстве [4].

Для адаптации иммигрантов к жизни в новом для них обществе необходимы интеграционные программы. Финская интеграционная политика основывается на законе «Об интеграции иммигрантов и приёме лиц, ищущих убежище» от 1999 года [7]. Целью закона стало развитие мер по поддержке иммигрантов, усиление их интеграции в финское общество. Согласно данному документу, интеграцией можно считать процесс получения мигрантом знаний и навыков необходимых ему для жизни в обществе. Предполагается активное саморазвитие мигранта, поиск им работы.

Существенную роль в правовом укреплении статуса иммигрантов играют также закон о борьбе с дискриминацией (2004 г.) и закон об иностранных гражданах (2004 г.) [10].

В настоящий момент самым крупными группами иммигрантов являются выходцы из Эстонии (50 860 тыс. чел.), России (28 528 чел.) [2]. Большая часть иммигрантов была зафиксирована в регионах Уусимаа, Варсинайс-Суоми, Остерботния, Южная Карелия [3]. В этих муниципалитетах доля лиц иностранного происхождения колеблется от 10 до 22 процентов. Основные причины миграции в Финляндию – это трудовая миграция, учёба, воссоединение семьи и просьба о предоставлении убежища [5].

Министерством внутренних дел Финляндии разработана стратегия дальнейшей миграционной политики государства. (2020 г.) [8]. В её основе лежат три принципа. Первый принцип – Финляндия является открытой и безопасной страной. Государство обязуется проводить международную защиту для нуждающихся, руководствоваться чётким и прозрачным законодательством, утверждающим права иммигрантов. Для наиболее эффективного и быстрого развития страны необходимо способствовать трудовой иммиграции.

Второй принцип – каждый человек может найти своё место в финском обществе. В контексте данного принципа интеграция иммигрантов происходит через трудоустройство, получение образования или повышение квалификации, организацию досуга. Процесс поиска работы для иммигрантов происходит через сотрудничество государства с предпринимателями, фирмами. Уделяется внимание конкурентоспособности иммигрантов на рынке труда Финляндии. Конкурентоспособность необходимо улучшить посредством подтверждения образования иммигранта, его аккредитации. Для облегчения процесса необходимо рассмотреть возможность упрощения процедуры воссоединения семьи, что существенным образом скажется на успехе интеграции людей. Для наилучшей адаптации иммигранта в обществе необходимо его знание финского или шведского языков, для чего должен быть организован свободный доступ к их изучению.

Третий принцип – многообразие как часть повседневной жизни. Члены финского общества должны нести ответственность за искоренение предрассудков и стереотипов в отношении иммигрантов, государство же в свою очередь на уровне закона защищает права человека, его достоинство и личную неприкосновенность, а также подтверждает его равенство в обществе.

Таким образом, разработанная стратегия направлена на улучшение программы миграции, что потенциально влияет на экономическое развитие страны, уровень занятости населения и конкурентоспособность. Одной из главных целей миграционной политики стало увеличение уровня занятости, упрощение бюрократических процессов.

На финской политической арене ведутся постоянные дебаты относительно вопроса иммиграции. Финский парламент на данный момент представлен пятью партиями правительства (117 мест) и оппозицией (83 места). В ходе постоянных дебатов вырабатывается определённая политика государства, затрагивающая также проблемы иммиграции. В этой связи необходимо рассмотреть политические программы наиболее сильных в парламенте партий и, как следствие, выявить тенденции развития финского общества, его отношение к иммиграции. Партии, занимающие наибольшее количество мест в парламенте, и, соответственно имеющие большую поддержку среди населения: Социал-демократическая партия (40 мест), Финляндский Центр (31 место), Истинные финны (39 мест), Национальная коалиция (38 мест).

Наиболее сильной партией, занявшей наибольшее количество мест в парламенте, стала Социал-демократическая партия (далее СДП). Главным принципом данной партии являются свобода, равенство и солидарность людей. Каждый человек имеет право на государственную поддержку и защиту, а также имеет собственные обязанности. Политика партии также ставит акцент на поддержку рабочего движения, решение иммиграционных проблем совместно с Европейским Союзом (далее ЕС) [9]. Общеевропейская политика должна быть нацелена на усиление контроля на границах, а также на создание единой миграционной политики для государств ЕС, предоставляющая равные возможности для всех иммигрантов. СДП также рассчитывает, что со стороны ЕС будет распределяться не только квота на беженцев, но и помощь в разрешении конфликтов и проблем. Долгосрочной целью иммиграции должно стать трудоустройство приезжающих в страну людей, так как собственное финское население стремительно стареет, а многие из живущих в стране иммигрантов имеют статус безработных.

Партия активно выступает за обязательную интеграцию, для всех иммигрантов, за профессионально-ориентированное языковое обучение, прозрачную и последовательную систему оплаты труда иммигрантов, равную оплате труда коренного населения государства. Также СДП видит необходимость в создании универсальных центров компетенции, действие

которых должно распространяться на всю страну, создание различных подходов к группам иммигрантов, учёт их прошлого образования и личных потребностей [11].

Вторая наиболее крупная партия, входящая также в состав правительства, носит название «Финляндский Центр» (далее ФЦ). ФЦ – центристская партия, стремящаяся найти альтернативу подходам открытых и закрытых границ. Партия в своих программах и заявлениях придерживается мнения о том, что право принятия окончательных решений по вопросам миграции должно оставаться за национальным парламентом, и не может в полной мере подчиняться политике ЕС [12, с. 112]. Партия поддерживает развитие рабочей миграции, видит в ней возможность для развития финской экономики, предпринимательства. Разрешение на пребывание трудовым иммигрантам возможно при получении ими работы, но прекратится в случае, если работы больше не будет [13]. ФЦ также требует от прибывающих на территорию страны иммигрантов уважения к финской культуре и соблюдения финских традиций и ценностей. ФЦ критикует политику как СДП, так и «Истинных Финнов», считая, что невозможно принимать безграничное число мигрантов без потери для экономики и ущербу благосостоянию страны, как и невозможно закрыть границы полностью для всех иммигрантов.

Партия «Истинные Финны» (далее ИФ) является оппозиционной в Финском Парламенте и предоставляет альтернативное мнение по поводу миграционной политики. Главной задачей партии является сохранение финской культуры и языка, их превалирование в Финляндии. Любая миграционная политика не должна ущемлять прав финнов, не может посягать на культуру страны. ИФ отрицательно относится к членству Финляндии в ЕС, поскольку считает, что страна способна самостоятельно обеспечить своё будущее и не получает от участия в деятельности ЕС выгоды соизмеримой со своим вкладом в работу объединения. Представители данной партии в своей программе в основном указывают негативные последствия иммиграции. По мнению представителей партии, уменьшение количества иммигрантов в стране снизит социальные и экономические проблемы населения, риски террористических атак, а также

уровень безработицы. Партия выступает за сокращение потока беженцев из Африки и мусульманских стран, а также за сокращение иммигрантов прибывшим по семейным связям [12]. Другие партии парламента не выделяют происхождение иммигрантов, тогда как ИФ ставят на этом акцент. Партия занимает протекционистскую политику по отношению к трудовой миграции: она должна поощряться, но не может ухудшать условия труда местного населения. Финансирование программ иммиграции должно быть сокращено.

Вторая крупнейшая партия финского парламента, входящая в оппозицию – партия «Национальная Коалиция» (далее НК). Крупнейшая правая партия Финляндии. НК поддерживает общеевропейский рынок труда, трудовую иммиграцию, партия также направлена на развитие свободного перемещения рабочей силы. В программе также указано негативное отношение к постепенному увеличению квот беженцев в Финляндии. НК, так же, как и ИФ предлагает снизить расходы на развитие миграционной политики и усложнить процесс воссоединения семьи. Ещё одно сходство с ИФ заключается в том, что миграционную активность часто связывают с возросшим уровнем террористических атак. Партия поддерживает трудовую миграцию, выступает за упрощение и ускорение процесса приёма на работу иностранных граждан.

Рассмотренные модели миграционной политики Финляндии дают возможность сделать вывод, что большинство лидирующих партий финского парламента поддерживают политику иммиграции и стремятся соответствовать остальным странам-участницам ЕС по иммиграционным показателям. Правительство Финляндии поддерживает трудовую иммиграцию, понимая необходимость в дополнительной рабочей силе. Иммиграционный кризис-2015 послужил причиной для усиления споров о возможности ужесточения миграционной политики. Рассмотрев основные ошибки и последствия неудачной миграционной политики 2015 года, правительством был взят курс на создание условий для быстрейшей адаптации иммигрантов, совершенствование интеграционной модели, и увеличение финансирования государственных программ поддержки иммигрантов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Maahanmuutto – Turvapaikkapolitiikka // Sisäministeriö [Эл. ресурс] URL: https://intermin.fi/maahanmuutto/maahanmuuttopolitiikka (дата обращения: 24.09.2020).
2. Väestö kansalaisuuden mukaan // Tilastokeskus [Эл. ресурс] [25.03.2020]. URL: http://tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto.html#Väestö%20kansalaisuudek%20mukaan (дата обращения: 24.09.2020).
3. Ulkomaan kansalaisia // Tilastokeskus [Эл. ресурс] URL: http: //pxnet2.stat.fi/explorer/Maahanmuuttajat_2020/maakuntakartta.html (дата обращения: 24.09.2020).
4. Maahanmuuttoon liittyviä lakeja ja asetuksia // Sisäministeriö [Эл.ресурс] URL: https://intermin.fi/maahanmuutto/lainsaadanto (дата обращения: 24.09.2020).
5. Maahanmuuton yleiskuva tilastojen valossa // Työ- ja elinkeinoministeriö [Эл. ресурс] [29.01.2019]. URL: https://tem.fi/documents/1410877/11992263/Faktatietoa+maahanmuutosta+ja+kotouttamisesta+25012019/faa5862e-9f95-d674-199e-f8cf9b4ba2c4/Faktatietoa+maahanmuutosta+ja+kotouttamisesta+25012019.pdf (дата обращения: 24.09.2020).
6. Конституция Финляндии от 11 июня 1999 г. № 731/1999: принят по решению Парламента 11 июня 1999 г.: (ред. от 01.03.2012) // Справочно-правовая система FINLEX: [офиц. сайт компании «FINLEX»]. – [М., 2017]. – Режим доступа: http://www.finlex.fi/sv/laki/kaannokset/1999/ru19990731.pdf (дата обращения: 25.09.2020).
7. Act on Integration of Immigrants and Reception of Asylum Seekers (1999) [Эл. ресурс] URL: https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1999/en19990493.pdf (дата обращения: 24.09.2020).
8. Government resolution on the future of migration 2020 strategy // Ministry of the interior. [Эл. ресурс] URL: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CERD/Shared%20Documents/FIN/INT_CERD_ADR_FIN_22740_E.pdf (дата обращения: 24.09.2020).
9. Principles // Sosialidemokraatit [Эл. ресурс] URL: https://sdp.fi/en/learn/principles/ (дата обращения: 24.09.2020).
10. Андрейцо С.Ю. Миграционные процессы в области адаптации и интеграции: опыт России и Финляндии // Миграционные процессы в современном мире. Петрозаводск, 2016 [Эл. ресурс] URL: http://www.nko-karelia.info/sites/default/files/Двуязычная%20брошюра%20МиМиграционн%20процессы%20в%20современном%20мире.pdf (дата обращения: 25.09.2020).
11. Ongelmista ratkaisuihin – SDP:n juurevan kotoutumisen ohjelma // Pohtiva – Poliittisten ohjelmien tietovaranto [Эл. ресурс] URL: https://www.fsd.tuni.fi/pohtiva/ohjelmalistat/SDP/1004 (дата обращения: 25.09.2020).
12. Välimäki M. Politiikkaa kansallisten, kansainvälisten ja ideologisten reunaehtojen puitteissa // Turun yliopisto. Turku, 2019. [Эл. ресурс] URL: https://www.utupub.fi/bitstream/handle/10024/148466/AnnalesC481Välimäki.ppd?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 25.09.2020).
13. Kurvinen A. Lukijoilta: Mikä on keskustan linja maahanmuuttoon? // Ilkka Pohjalainen [Эл. ресурс] URL: https://ilkkapohjalainen.fi/mielipide/yleisolta/lukijoilta-mika-on-keskustan-linja-maahanmuuttoon-1.3157121 (дата обращения: 25.09.2020).

REFERENCES:

1. *Maahanmuutto – Turvapaikkapolitiikka*, Sisäministeriö [el. resource] available at https://intermin.fi/maahanmuutto/maahanmuuttopolitiikka (accessed 24.09. 2020).
2. *Väestö kansalaisuuden mukaan*, Tilastokeskus [el. resource] [25.03.2020], available at http: //tilastokeskus.fi/ tup/suoluk/ suoluk_vaesto.html# Väestö% 20 kansalaisuudek%20mukaan (accessed 24 september 2020).
3. *Ulkomaan kansalaisia*, Tilastokeskus [el. resource], available at http:// pxnet2. stat.fi/ explorer/Maahanmuuttajat_2020/maakuntakartta.html (accessed 24 september 2020).
4. *Maahanmuuttoon liittyviä lakeja ja asetuksia*, Sisäministeriö [el. resource] available at https://intermin.fi/maahanmuutto/lainsaadanto (accessed 24 september 2020).
5. *Maahanmuuton yleiskuva tilastojen valossa*, Työ- ja elinkeinoministeriö [el. resource] [29.01.2019], available at https://tem.fi/documents/1410877/11992263/ Faktatietoa+maahanmuutosta+ja+kotouttamisesta+25012019/faa5862e-9f95-d674-199e-f8cf9b4ba2c4/Faktatietoa+maahanmuutosta+ja+kotouttamisesta+25012019.pdf (accessed 24 september 2020).
6. *Konstitucija Finljandii ot 11 ijunja 1999 g. No 731/1999*: *prinjat po resheniju Parlamenta 11 ijunja 1999 g.: (red. ot 01.03.2012)*, Spravochno-pravovaja sistema FINLEX: [ofic. saĭt kompanii «FINLEX»], [Moscow, 2017], available at http:// www.finlex.fi/sv/laki/kaannokset/1999/ru19990731.pdf (accessed 25 september 2020).
7. *Act on Integration of Immigrants and Reception of Asylum Seekers* (*1999*) [el. resource], available at https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1999/en19990493.pdf (accessed 24 september 2020).
8. *Government resolution on the future of migration 2020 strategy*, Ministry of the interior. [el. resource], available at https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CERD/ Shared%20Documents/FIN/INT_CERD_ADR_FIN_22740_E.pdf (accessed 24 september 2020).
9. Principles, Sosialidemokraatit [el. resource], available at https://sdp.fi/en/learn/ principles/ (accessed 24 september 2020).
10. Andrejco S.Ju. *Migracionnye processy v oblasti adaptacii i integracii: opyt Rossii i Finljandii*, Migracionnye processy v sovremennom mire. Petrozavodsk, 2016 [el. resource], available at http://www.nko-karelia.info/sites/default/files/ Dvujazychnaja%20broshjura%20MiMigracionn%20processy%20v%20sovremennom %20mire.pdf (accessed 25 september 2020).
11. *Ongelmista ratkaisuihin – SDP:n juurevan kotoutumisen ohjelma*, Pohtiva – Poliittisten ohjelmien tietovaranto [el. resource], available at https://www.fsd.tuni.fi/pohtiva/ohjelmalistat/SDP/1004 (accessed 25 september 2020).
12. Välimäki M. *Politiikkaa kansallisten, kansainvälisten ja ideologisten reunaehtojen puitteissa*, Turun yliopisto, Turku, 2019, [el. resource], available at https://www.utupub.fi/bitstream/handle/10024/148466/AnnalesC481Välimäki.ppd?sequence=1&isAllowed=y (accessed 25 september 2020).
13. Kurvinen A. *Lukijoilta*: *Mikä on keskustan linja maahanmuuttoon*? Ilkka Pohjalainen, [el. resource], available at https: //ilkkapohjalainen.fi/ mielipide/ yleisolta/ lukijoilta-mika-on-keskustan-linja-maahanmuuttoon-1.3157121 (accessed 25.09. 2020).

KRAVCHIK Elena I. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnitcheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: kravchik.ei@edu.spbstu.ru

SPECIAL FEATURES OF THE FINNISH MIGRATION POLICY

The relevance of this work is based on the constant growing attention of the Finnish government towards the migration problems. Nowadays the work of the Finnish Parliament (Eduskunta) is aimed at the migration policy development, its budget, and financial procedures upgrading. Moreover, the government tries to take into consideration its previous unsuccessful migration experience. Furthermore, numerous integration programs are developed to facilitate the process of the migrants' adaptation to a new society and to get them involved in the Finnish labor market.

As the Finnish Parliament consists of ten political parties, which form the government's policy (including mentioned earlier migration questions), it is reasonable to analyze political programs of the most popular Finnish political parties as they have the majority places in the parliament and do have the biggest impact on the course of the policy of Finland. The paper examines the migration policies of "Social Democratic Party", "Centre Party", "Finns Party", "National Coalition" parties. The parties' programs that consider the questions of immigrants, refugee quotas, integration programs, and the financial support for immigrants are explored.

Thereby the goal of the article is to consider the model of the Finnish migration policy. To achieve the goal the following tasks were set: to examine migration programs of the most popular Finnish political parties; to analyze the dynamic of the Finnish migration policy development.

As the result, the following features of the Finnish migration policy were found. Thus, the immigration policy is an important part of the whole Finnish government's policy and tends to simplify the migration process. The particular emphasis is placed on labor migration; this type of migration has the highest governmental financial support. Moreover, the majority of the most popular Finnish parties endorse active labor migration as Finnish population is getting older and requires additional manpower. The attention is also drawn to the integration programs' development as the level of unemployment among the already living in Finland migrants is high, and the majority of migrants do not speak either Finnish or Swedish well enough. Nevertheless, most of the Finnish political parties support the EU migration level and aim to improve their migration policy in order not to make the mistakes of the immigration crisis of 2015.

IMMIGRATION; FINLAND; MIGRATION POLICY; INTEGRATION; LABOR MIGRATION

УДК: 327.3; 321.8
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.08

Д.И. Попов, И.Н. Новикова

«ЛЮБЛИНСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК»: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОГО ФОРМАТА СОТРУДНИЧЕСТВА

ПОПОВ Дмитрий Игоревич – студент кафедры европейских исследований Факультета международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7/9.
E-mail: dp04@mail.ru

НОВИКОВА Ирина Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры европейских исследований Факультета международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7/9.
E-mail: i.novikova@spbu.ru

Настоящая статья посвящена рассмотрению нового формата сотрудничества в Европе – «Люблинскому треугольнику» Польши, Литвы и Украины, негативно и эмоционально описанного в российских СМИ, но беспристрастно и детально ещё не исследованного. Особую актуальность изучению данного объединения придают стремления Польши, видящей себя одним из новых лидеров Европейского Союза на фоне кризисных явлений в его «старых членах», активизировать свою деятельность в Центрально-Восточной Европе. Со стороны России, интересы которой могут столкнуться с интересами Польши, настроенной в настоящий момент относительно враждебно Москве, необходимо понимать истинные намерения Варшавы во всех её шагах в регионе. С целью выявления реальных возможностей и перспектив платформы «Люблинского треугольника» авторы анализируют задачи, означенные в совместной декларации министров иностранных дел, а затем показывают её политические, экономические и культурно-исторические основы, сравнивая по данным показателям все три государства. В результате исследования выявлен декларативный характер

нового объединения, участники которого не имеют перед друг другом конкретных обязательств, но на данном этапе, при сохранении некоторых противоречий и разного положения стран, он оказывается для них наиболее удобным. Хотя при анализе политического и экономического положения трёх стран можно предположить образование подчинённости и зависимости ещё развивающейся и только стремящейся к интеграции в ЕС и НАТО Украины от добившихся успеха в подобном процессе Польши и Литвы, всё-таки «люблинский», формат без конкретных обязательств и с определённой выгодой для всех участников в сфере безопасности может оказаться самым реальным и перспективным вариантом сотрудничества трёх восточноевропейских стран, а также важным фактором в развитии международных отношений в регионе. К тому же «Люблинский треугольник» может стать шагом к дальнейшей консолидации региона ЦВЕ с опорой на евроатлантические структуры, что необходимо учитывать при выработке внешней политики России.

ЛЮБЛИНСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК; ПОЛЬША; УКРАИНА; ЛИТВА; РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

28 июля 2020 года на прошедшей в польском Люблине встрече глав МИД Польши, Литвы и Украины было объявлено о создании новой платформы для сотрудничества в Европе, получившей название «Люблинский треугольник». В российских средствах массовой информации его уже успели объявить «треугольником ненависти к России» и геополитическими планами Варшавы по воссозданию Речи Посполитой [10], неформальной платформой без «практического содержания» [6]. Подобные эмоциональные высказывания могут способствовать поверхностному рассмотрению этой инициативы, почему крайне важен её подробный и объективный анализ.

Актуальность рассматриваемого вопроса заключается и в том, что на фоне кризисных явлений в «старых членах» Европейского Союза (ЕС), такой крупный игрок как Польша, пытается начать более активную деятельность в регионе Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), которая видится ей своей исконной сферой интересов [1, с. 101]. Следовательно, каждый шаг Варшавы по выстраиванию тесных отношений со своими восточными соседями из постсоветского пространства необходимо детально разбирать.

Хотя для России отношения со странами ЦВЕ не считаются приоритетными – о них отдельно не упоминается в последней редакции Концепции внешней политики [4] – рассматриваемый формат сотрудничества затрагивает уже, помимо вышеозначенного региона, и

постсоветское пространство, страны, расположенные вблизи российских границ и настроенные сейчас относительно враждебно к современному курсу Москвы. Таким образом, работа с анализом реальных возможностей и перспектив «Люблинского треугольника» может стать полезной и практически значимой для выстраивания российской внешней политики на европейском направлении и в регионе ближнего зарубежья.

Итак, ***целью*** настоящей работы ставится выявление возможностей и грядущих перспектив нового формата сотрудничества в данных условиях системы международных отношений. Для этого необходимо, во-первых, кратко охарактеризовать принятую в Люблине декларацию, определить её главные цели и сущность. Во-вторых, сопоставить политическое, экономическое и историко-культурное положение трёх «люблинских» государств, понять, что их связывает друг с другом и что может разъединять, после перейти к ответу на главный вопрос исследования. Для решения поставленных задач использовался сравнительно-аналитический и историко-описательный метод, контент-анализ документов и публикаций СМИ, а также системный подход и методика дедукции.

В декларации о «Люблинском треугольнике» необходимость нового формата сотрудничества объясняется не только уже установленными партнёрскими отношениями между Польшей, Литвой и Украиной, но и общим пониманием угроз, исходящих со стороны Российской Федерации. К этому дополняется выбор Украиной евроатлантического политического курса – активного сотрудничества по линиям НАТО и ЕС [12], членами которых являются Польша и Литва.

Чтобы три страны смогли сплотиться перед вызовами, использовать преимущества более тесного сотрудничества и заметно усилить свои позиции в ЦВЕ – таковы и есть цели новоявленного формата, – в декларации перечислены уже конкретные шаги. Прежде всего, это рывок в деле включения Киева в структуры евроатлантической интеграции: развитие Восточного партнёрства, предоставление Украине Плана действий относительно членства в НАТО, её сотрудничество с инициативой «Триморье» и другими форматами кооперации в ЦВЕ. Также предлагается активизировать трёхстороннее взаимодействие в военной

сфере, использовать польский и литовский опыт в проведении реформ на Украине, укрепить контакты между гражданскими обществами [12].

Для выполнения этих задач и организуется «Люблинский треугольник» – «трёхсторонняя платформа для политического, экономического и социального сотрудничества», которая, однако, носит неформальный характер: стороны лишь обещают проводить регулярные встречи и консультации на уровне МИД и учредить в правительствах специальных представителей по вопросам нового сотрудничества [12].

Таким образом, цели нового формата кооперации лежат, прежде всего, в области военно-политической, а именно, включение Украины в евроатлантические институты, что уже затем подкрепляется культурными аспектами и экономической целесообразностью. При этом все пункты декларации лишь рекомендует тройке, и прежде всего – Украине, особый план действий. При этом в зарождающейся кооперации участвует страны с разным положением, т.е. она может носить неоднородный и неравнозначный характер.

Если политические системы стран «Люблинского треугольника» – все они смешанные республики с сильной президентской властью – и историческое наследие недавнего коммунистического режима ещё можно сопоставить, то текущий расклад на политической арене трёх государств представляется совершенно различным.

В Польше уже пять лет и правительство, и президентский пост контролируется правой национал-консервативной партией «Право и справедливость» (ПиС), силой с конкретной идеологией и программой, проводящей курс укрепления центральной власти и «морального оздоровления» польского общества с опорой на историческую политику [15, p. 160].

На последних литовских парламентских выборах победу одерживает центристский «Союз крестьян и зелёных Литвы» [19, p. 23], сформировавший коалицию с явно левой Социал-демократической трудовой партией, хотя их правительство скорее технократическое (аналогично можно характеризовать и президента Литвы – экономиста Г. Науседу). При этом правящая партия не чужда и традиционалистской риторики, социальному консерватизму и защите национальных интересов

[19, p. 25], что соотноситься с программой польской ПиС, да и польское меньшинство в Литве поддержало правящую коалицию.

Наконец, на Украине в 2019 году к власти пришёл В. Зеленский со своей партией «Слуга народа» с популистской, «всеохватывающей» идеологией. Однако в отличие от правящей литовской партии, являющейся старожилом в политике, движение нового украинского президента поднялось стихийно на волне протестного голосования и неясно, насколько долго оно будет сохранять поддержку своего электората [7, с. 23].

При всех вышеперечисленных различиях, мешающих дружественному взаимодействию правительств, у всех этих сил есть и общие черты – безусловный евроатлантизм во внешней политике и скептическое отношение к политике России из-за конфликта на Донбассе и присоединения Крыма. Это и определило тесные контакты руководства стран друг с другом, подкреплённые и заключёнными ранее договорами. Так, Литва за последние годы заключила до 40 разнообразных соглашений с Польшей и до 30 – с Украиной по вопросам всех сфер взаимодействия [14]. А между Польшей и Украиной была создана действительно значительная нормативная база, составляющая 144 международных договоров и более 500 соглашений на региональном и местном уровнях [2]. К этому добавляется активное участие Варшавы в поддержке развития Украины с 2014 года и развитый польско-украинский институциональный механизм, начиная от межпарламентской ассамблеи, ряда комиссий и до совета МИД, консультационного комитета президентов республик.

Таким образом, в политическом плане контакты трёх стран по двусторонним форматам действительно тесные, хотя некоторые конфликты между ними существуют [8, с. 61]. Особенно это касается взаимодействия Варшавы и Киева, которые совсем недавно описывали как находящиеся в глубоком кризисе – камнем преткновения стали разногласия на историческую тему [11, с. 113], что в политике польской ПиС является важнейшим вопросом. Однако Украина для Польши всё равно продолжала оставаться стратегическим партнёром, а как раз с

началом президентства В. Зеленского во взаимоотношениях государств наметилось некоторое потепление [11, с. 121].

К трёхсторонним же форматам сотрудничества, к которым также апеллируют авторы декларации «Люблинского треугольника» [12], можно отнести Литовско-польско-украинскую бригаду («LitPolUkrBrig»), созданную в контексте сотрудничества Украины с НАТО в 2014 году и теперь ставшую одной из основ «Люблинского треугольника». Опять же представляла собой она не равноправную платформу для налаживания военного сотрудничества, а поддержку Польшей модернизации украинской армии [9]. Другим столпом кооперации можно назвать Межпарламентскую ассамблею законодательных органов трёх стран, активно действующей ещё с 2008 года [2]. С экономической точки зрения страны «Люблинского треугольника» также крайне разнородны (см. табл. 1). Если по численности населения Польша сопоставима с Украиной, то маленькая Литва среди них резко выделяется. При этом по показателям экономической мощи – реальному ВВП по ППС – разделение тоже явно, но не коррелирует с народонаселением: польская экономика в разы превосходит и литовскую, и украинскую, хотя экономический рост в последние годы отмечается во всех странах на довольно высоком для Европы уровне в 3–4% [16].

Таблица 1.

«Основные макроэкономические показатели и индекс человеческого развития стран «Люблинского треугольника» в 2019 г.»

Показатели	***Польша***	***Литва***	***Украина***
Население (млн чел.)	37,97	2,79	41,98
Реальный ВВП по ППС (млрд долл.)	1287,3	103,0	409,8
ВВП на душу населения по ППС (тыс. долл.)	33,9	36,7	9,8
Экономический рост	4,1%	3,9%	3,2%
Инфляция	2,3%	2,2%	7,9%
Безработица	3,3%	6,3%	8,5%
Индекс человеческого развития (ИЧР)	0,872	0,869	0,75

Составлено авторами по данным МВФ [16] и Human Development Reports [13]

Если же мы посмотрим на уровень жизни в «люблинских» странах, то чётко видно различие между Польшей и Литвой с одной стороны и

Украиной с другой. Польский и литовский ВВП на душу населения более чем в три раза превосходит украинский. С инфляцией и безработицей у поляков и литовцев нет проблем, волнующих украинцев [16]. По индексу человеческого развития Польша и Литва относятся к странам с очень высоким показателем, а Украина остаётся в конце списка только с высоким Индексом человеческого развития (ИЧР), причём с одним из самых худших среди стран Европы [13]. Следовательно, в экономическом плане «Люблинский треугольник» не может называться объединением игроков с равными возможностями, а вполне способен вылиться в создание зависимости развивающейся Украины от своих более развитых партнёров.

Подтверждает тезис о неравном положении «люблинских» стран и анализ их торговли друг с другом (см. табл. 2–4). Торговые связи между ними совершенно разнородны: если и для Литвы, и для Украины Польша является одним из основных торговых партнёров, то, наоборот, Варшава не может считать ни Вильнюс, ни Киев своими важнейшими экспортёрами или импортёрами. К примеру, для Литвы Польша собирает порядка 11% всего товарооборота и является третьим торговым партнёром, а для Польши Литва – лишь 1% и не входит даже в первую двадцатку в аналогичном польском списке. С другой стороны, если потоки товаров между Польшей и Украиной и между Польшей и Литвой действительно достигают высоких значений, то связи Литвы и Украины не так значительны и важны для обеих стран и их товарооборот заметно уступает польско-литовскому и польско-украинскому [18].

Таблица 2.

«Внешняя торговля Польши с Литвой и Украиной за 2018 г. (млрд долл.)»

	Общий	**Литва**	**Доля Литвы**	**Место Литвы**
Экспорт	261,8	3,9	1,5%	18
Импорт	267,7	2,2	0,8%	26
Товарооборот	529,5	6,0	1,1%	21
	Общий	**Украина**	**Доля Украины**	**Место Украины**
Экспорт	261,8	5,3	2,0%	16
Импорт	267,7	3,0	1,1%	19
Товарооборот	529,5	8,3	1,6%	16

Составлено авторами по данным International Trade Centre [18]

Таблица 3.

«Внешняя торговля Литвы с Польшей и Украиной за 2018 г. (млрд долл.)»

	Общий	**Польша**	**Доля Польши**	**Место Польши**
Экспорт	33,3	3,3	9,8%	3
Импорт	36,5	4,2	11,5%	2
Товарооборот	69,8	7,5	10,7%	2
	Общий	**Украина**	**Доля Украины**	**Место Украины**
Экспорт	33,3	1,0	3,1%	11
Импорт	36,5	0,3	0,8%	22
Товарооборот	69,8	1,3	1,9%	18

Составлено авторами по данным International Trade Centre [18]

Таблица 4.

«Внешняя торговля Украины с Польшей и Литвой за 2018 г. (млрд долл.)»

	Общий	**Польша**	**Доля Польши**	**Место Польши**
Экспорт	47,3	3,3	6,9%	2
Импорт	57,2	3,6	6,4%	5
Товарооборот	104,5	6,9	6,6%	4
	Общий	**Литва**	**Доля Литвы**	**Место Литвы**
Экспорт	47,3	0,3	0,7%	36
Импорт	57,2	0,9	1,5%	14
Товарооборот	104,5	1,2	1,2%	20

Составлено авторами по данным International Trade Centre [18]

Когда же мы обратимся к культурно-цивилизационным основам нового формата отношений, то выяснится, что несмотря на заявленные в декларации «многовековые исторические и культурные связи» [12], история и культура может эти государства разъединять. Различны языки славянских Польши и Украины, и балтийской Литвы и, конечно, православная и частично униатская Украина несопоставима с католическими Польшей и Литвой.

С исторической точки зрения также трудно говорить об общности трёх народов. Конечно, они находились в составе Речи Посполитой, к которой символически обращаются создатели «Люблинского треугольника» – ведь в том же Люблине в 1569 году и была подписана уния, положившая начало этому объединению. Хотя в декларации о ней ни слова не сказано, но министры иностранных дел во время своей встречи

торжественно возложили цветы к монументу Люблинской унии. При этом сама апелляция к этому документу и всей истории Речи Посполитой противоречива: если братство в ней польского и литовского народов не вызывает значительных разногласий, то положение в нём народа современной Украины можно описывать по-разному. Принято говорить о том, что Речь Посполитая задумывалась многонациональным и многоконфессиональным государством, действительно «общим делом» всех народов [3, с. 209]. Но на практике этот замысел триединой общности поляков, литовцев и предков современных белорусов и украинцев, так и не осуществился. На Украине русинское дворянство скорее переняло польскую культуру [3, с. 282], эти территории так и остались или в более зависимом положении, или «казачьей вольницей» со своей собственной идентичностью.

В дальнейшем пути трёх народов расходятся – хотя в различное время они полностью или частично оказываются в составе Российской империи, но их отношения с имперской центральной властью развиваются совершенно по-разному. А, например, в межвоенный период польско-литовские и польское-украинские отношения вообще следует назвать конфликтным [3, с. 538].

При всём этом пространство ЦВЕ, в которое включают все «люблинские» страны, имеет и определённую цивилизационную общность. Это «междуморье», отделяющее Россию от Западной Европы, где польская нация стремилась сплотить вокруг себя остальные народы для совместного противостояния внешних угрозам [1, с. 101]. Именно поэтому современное руководство Польши с особым вниманием следит за ситуацией в соседних с ней странах (Украина, Беларусь), пытаясь привлечь их к своему проекту. В современном виде к нему наиболее близко подходит инициатива «Триморье», к взаимодействию с которой на основании целей «Люблинского треугольника» и следует привлекать Украину для её собственной и общерегиональной выгоды [12].

Итак, подводя итоги нашему исследованию, отметим, во-первых, что декларативный «люблинский» формат не несёт ничего принципиально нового. Его нельзя считать никакой реальной угрозой российской внешней

политики и тем более раскола западного мира через усиление его восточного фланга. Вместе с тем «Люблинский треугольник» уже не только прорабатывает возможность своего расширения – на встречу глав МИД этого формата приглашали представителей белорусских властей [5], но и выступили совместно в отношении к событиям в Беларуси после президентских выборов [17].

Во-вторых, явно видно неравноправие сложившейся системы взаимодействия развитых и интегрированных в западные структуры Польши и Литвы и ещё слабой экономически и политически Украины. И при рассмотрении «Люблинского треугольника» с концепций классических реалистов видно, что выгоду от такого сотрудничества получает в первую очередь самая сильная сторона – Польша, а Литва и Украина выходят скорее подчинёнными партнёрами, но и для них новый «треугольник» оправдан с точки зрения безопасности. Похожая картина вырисовывается и при анализе кооперации с помощью теории «центра – периферии», особенно ясно отражающей экономические связи и развитие трёх государств.

Несмотря на различия в политическом, экономическом и культурно-историческом планах всё-таки «люблинскую» тройку можно представить, как некую общность с точки зрения общих геостратегических вызовов. Рассмотрение современной России как угрозы своей безопасности и минимизация этой угрозы с помощью сотрудничества по линии НАТО и ЕС, даже в ущерб собственной выгоде, характерны для курса и Литвы, и Польши [8, с. 74]. К этому с 2014 года активно стремится и Украина [7, с. 24], но всё-таки её позиция вне перечисленных организаций заметно отличается от литовской и польской. В связи с этим понятно, почему Варшава и Вильнюс всячески поддерживают евроатлантическую политику Киева: это не только увеличивает их собственные возможности в данных организациях после привлечения в них страны со сходной позицией, но и подчёркивает их политическую значимость и влияние. Так устанавливаются связи не равноправного характера, а вида «опытный работник» и «нуждающийся в поддержке стажёр».

Наконец, если учесть, что форматы сотрудничества с ярко выраженным центром и зависимой от него, но получающей свою

определённую выгоду периферией, причём с общим пониманием угроз и без каких-либо конкретных обязательств, могут существовать довольно длительное время, то идея «Люблинского треугольника» может оказаться для его членов вполне обоснованной и перспективной. Имея в виду сомнительные возможности близкого вступления Украины в ЕС и НАТО [1, с. 102], мы понимаем, что подобный формат для Киева с его евроатлантическим курсом оказывается наиболее перспективным, хотя и несёт за собой потерю собственного политического влияния, экономическую зависимость, но при этом даёт ощущение безопасности.

В любом случае создание «Люблинского треугольника» может стать пусть и маленьким, но уверенным шагом к дальнейшей консолидации региона ЦВЕ перед стоящими перед ним различными вызовами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гольцов А.Г. Региональный геополитический проект «Междуморье»: перспективы реализации // Сравнительная политика. 2016. №4. С. 95–107. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-95-107.

2. Двостороннє співробітництво. URL: https://mfa.gov.ua/dvostoronnye-spivrobitnictvo (дата обращения: 16.08.2020).

3. История Центрально-Восточной Европы – СПб.: Евразия, 2009. – 1120 с.

4. Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 16.08.2020).

5. Кулеба запросив главу МЗС Білорусі на зустріч міністрів Люблінського трикутника // Укрінформ. 1.08.2020. URL: https://www.ukrinform.ua/rubric-polytics/3074064-kuleba-zaprosiv-glavu-mzs-bilorusi-na-zustric-ministriv-lublinskogo-trikutnika.html (дата обращения: 16.08.2020).

6. «Люблинский треугольник» оказался всего лишь «неформальной платформой» // Regnum. 28.07.2020. URL: https://regnum.ru/news/polit/ 3021972.html (дата обращения: 16.08.2020).

7. Мироненко В.И. «Украинский транзит» 2 // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. №4(10). С. 21–26. DOI: 10.15211/vestnikieran420192126.

8. Неменский О.Б. Приоритеты внешней политики Польши при правительстве М. Моравецкого // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 1(52). С. 58–77. ISSN: 2079-3359.

9. Підписано Угоду щодо створення спільної литовсько-польсько-української бригади // Міністерство оборони України. 19.09.2014. URL:

https://www.mil.gov.ua/news/2014/09/19/pidpisano-ugodu-shhodo-stvorennya-spilnoi-litovsko-polsko-ukrainskoi-brigadi/ (дата обращения: 16.08.2020).

10. Польша и Прибалтика объединились с Украиной в треугольник ненависти к России // RuBaltic.ru. 30.07.2020. URL: https://rubaltic-ru.turbopages.org/s/rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20200730 (дата обращения: 16.08.2020).

11. Смирнов А.Н. Украина и Польша на фронтах исторической памяти: примирение или перемирие? // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 4(45). С. 111–124. DOI: 10.20542/2073-4786-2019-4-111-124.

12. Спільна декларація міністрів закордонних справ України, Республіки Польща та Литовської Республіки щодо заснування «Люблінського трикутника». URL: https://www.kmu.gov.ua/news/spilna-deklaraciya-ministriv-zakordonnih-sprav-ukrayini-respubliki-polshcha-ta-litovskoyi-respubliki-shchodo-zasnuvannya-lyublinskogo-trikutnika (дата обращения: 16.08.2020).

13. 2019 Human Development Index Ranking. URL: http://hdr.undp.org/en/content/2019-human-development-index-ranking (дата обращения: 16.08.2020).

14. Dvišalės sutartys. URL: https://www.urm.lt/default/lt/uzsienio-politika/tarptautines-sutartys/dvisales-sutartys (дата обращения: 16.08.2020).

15. Folvarčny A., Kopeček L. Which conservatism? The identity of the Polish Law and Justice party // Politics in Central Europe. 2020. No. 1. pp. 159–188.

16. International Financial Statistics – IMF Data. URL: https://data.imf.org (дата обращения: 16.08.2020).

17. Statement by Ministers of Foreign Affairs of Lithuania, Poland and Ukraine – Lublin Triangle. URL: https://www.gov.pl/web/ diplomacy/statement-by-ministers-of-foreign-affairs-of-lithuania-poland-and-ukraine--lublin-triangle (дата обращения: 16.08.2020).

18. Trade Statistics for International Business Development. URL: https://www.trademap.org/Index.aspx (дата обращения: 16.08.2020).

19. Valentinavicius V. Lithuanian Election 2016: the Mainstream Left and Right Rejected by Voters Angry with the Establishment // Political Preferences. 2017. Vol. 14. pp. 19–34.

REFERENCES:

1. Gol'cov A.G. *Regional'nyj geopoliticheskij proekt* «*Mezhdumor'e*»: *perspektivy realizacii*, Sravnitel'naja politika, 2016, №4, P. 95–107. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-95-107.

2. *Dvostoronnє spivrobitnictvo*, available at https://mfa.gov.ua/dvostoronnye-spivrobitnictvo (accessed 16 august 2020).

3. *Istorija Central'no-Vostochnoj Evropy*, Saint Petersburg, Evrazija, 2009, 1120 p.

4. *Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii*, available at https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (accessed 16 august 2020).

5. *Kuleba zaprosiv glavu MZS Bilorusi na zustrich ministriv Ljublins'kogo trikutnika*, Ukrinform, 1.08.2020, available at https://www.ukrinform.ua/rubric-polytics/3074064-kuleba-zaprosiv-glavu-mzs-bilorusi-na-zustric-ministriv-lublinskogo-trikutnika.html (accessed 16 august 2020).
6. «*Ljublinskij treugol'nik*» *okazalsja vsego lish'* «*neformal'noj platformoj*», Regnum, 28.07.2020, available at https://regnum.ru/news/polit/3021972.html (accessed 16.08. 2020).
7. **Mironenko V.I.** «*Ukrainskij tranzit*» *2*, Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN, 2019, №4 (10), P. 21–26. DOI: 10.15211/vestnikieran420192126.
8. **Nemenskij O.B.** *Prioritety vneshnej politiki Pol'shi pri pravitel'stve M. Moraveckogo*, Problemy nacional'noj strategii, 2019, № 1 (52), P. 58–77. ISSN: 2079-3359.
9. *Pidpisano Ugodu shhodo stvorennja spil'noï litovs'ko-pol's'ko-ukraïns'koï brigade*, Ministerstvo oboroni Ukraïni, 19.09.2014, available at https:// www.mil.gov.ua/ news/ 2014/09/19/pidpisano-ugodu-shhodo-stvorennya-spilnoi-litovsko-polsko-ukrainskoi-brigadi/ (accessed 16 august 2020).
10. *Pol'sha i Pribaltika ob#edinilis' s Ukrainoj v treugol'nik nenavisti k Rossii*, RuBaltic.ru. 30.07.2020, available at https://rubaltic-ru.turbopages.org/ s/rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20200730 (accessed 16 august 2020).
11. **Smirnov A.N.** *Ukraina i Pol'sha na frontah istoricheskoj pamjati: primirenie ili peremirie*? Rossija i novye gosudarstva Evrazii, 2019, № 4 (45), P. 111–124. DOI: 10.20542/2073-4786-2019-4-111-124.
12. *Spil'na deklaracija ministriv zakordonnih sprav Ukraïni, Respubliki Pol'shha ta Litovs'koï Respubliki shhodo zasnuvannja* «*Ljublins'kogo trikutnika*», available at https://www.kmu.gov.ua/news/spilna-deklaraciya-ministriv-zakordonnih-sprav-ukrayini-respubliki-polshcha-ta-litovskoyi-respubliki-shchodo-zasnuvannya-lyublinskogo-trikutnika (accessed 16 august 2020).
13. *2019 Human Development Index Ranking*, available at http://hdr. undp.org/en/content/2019-human-development-index-ranking (accessed 16.08.2020).
14. *Dvišalės sutartys*, available at https://www.urm.lt/default/lt/uzsienio-politika/ tarptautines-sutartys/dvisales-sutartys (accessed 16 august 2020).
15. **Folvarčny A.**, **Kopeček L.** *Which conservatism*? *The identity of the Polish Law and Justice party*, Politics in Central Europe, 2020, No. 1. pp. 159–188.
16. *International Financial Statistics – IMF Data*, available at https://data.imf.org (accessed 16 august 2020).
17. *Statement by Ministers of Foreign Affairs of Lithuania, Poland and Ukraine – Lublin Triangle*, available at https://www.gov.pl/web/ diplomacy/statement-by-ministers-of-foreign-affairs-of-lithuania-poland-and-ukraine--lublin-triangle (accessed 16.08.2020).
18. *Trade Statistics for International Business Development*, available at https://www.trademap.org/Index.aspx (accessed 16 august 2020).

19. Valentinavicius V. *Lithuanian Election 2016: the Mainstream Left and Right Rejected by Voters Angry with the Establishment*, Political Preferences, 2017, Vol. 14, pp. 19–34.

POPOV Dmitry I. – Saint-Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034. E-mail: dp04@mail.ru

NOVIKOVA Irina N. – Saint-Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034. E-mail: i.novikova@spbu.ru

LUBLIN TRIANGLE: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS FOR THE NEW FORMAT OF COOPERATION

This article deals with the new format of cooperation in Europe – the "Lublin triangle" of Poland, Lithuania and Ukraine, which is negatively and emotionally described in the Russian media, but has not been studied in detail and impartially. The study of this Association is particularly relevant to the aspirations of Poland, which sees itself as one of the new leaders of the European Union against the background of crisis phenomena in its "old members", to intensify its activities in Central and Eastern Europe. . On the part of Russia, whose interests may clash with those of Poland, which is currently relatively hostile to Moscow, it is necessary to understand the true intentions of Warsaw in all its steps in the region. In order to identify the real opportunities and prospects of the "Lublin triangle platform", the authors analyze the tasks outlined in the joint Declaration of the Foreign Ministers, and then show its political, economic, cultural and historical foundations, comparing all three States according to these indicators. The study revealed the declarative nature of the new cooperation, whose members do not have specific obligations to each other, but at this stage, while maintaining some contradictions and different positions of countries, it is most convenient for them. Although the analysis of the political and economic situation of the three countries suggests the formation of dependence of Ukraine, which is still developing and only aspiring to integrate into the EU and NATO, on Poland and Lithuania, which have achieved success in such a process, the "Lublin" format, without specific obligations and with certain benefits for all participants in the security sphere, may turn out to be the most realistic and promising option for cooperation between the three Eastern European countries, as well as an important factor in the development of international relations in the region. In addition, the Lublin triangle can be a step towards further consolidation of the CEE region based on Euro-Atlantic structures, which should be taken into account when developing Russia's foreign policy.

LUBLIN TRIANGLE; POLAND; UKRAINE; LITHUANIA; REGIONAL COOPERATION

УДК: 327-7
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.09

А.В. Сбойчакова

УЧАСТИЕ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ В РАБОТЕ АРКТИЧЕСКОГО СОВЕТА: ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

СБОЙЧАКОВА Анастасия Вячеславовна – кандидат политических наук, специалист по учебно-методической работе. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7/9.
E-mail: Sboichakova@mail.ru

В статье исследуется взаимосвязь деятельности межправительственного дискуссионного форума «Арктический совет» и интереса к Арктическому региону со стороны внерегиональных участников. С помощью исторической ретроспективы изучено зарождение межгосударственного сотрудничества в регионе Арктики, формирование и эволюция процесса двустороннего и многостороннего взаимодействия наблюдателей с государствами-членами Арктического совета. Выявлены причины интереса внерегиональных участников к региону Арктики, изучены мотивы основных внешних по отношению к изучаемому форуму участников к Арктике, причины, по которым взаимодействие неарктических государств с арктическими осуществлялось именно под эгидой Арктического совета, исследовано влияние международного контекста на процесс взаимодействия наблюдателей и государств-членов АС. Обозначен механизм влияния возрастания количества кандидатов в наблюдатели на интенсификацию сотрудничества в рамках Арктического совета и институциональное развитие форума. Раскрывается степень участия наблюдателей в работе форума, причины заинтересованности внерегиональных участников в Арктике, преследуемые ими цели, способы и инструменты их воздействия на политику государств-членов Арктического совета. Проведена периодизация этапов активизации внешних по отношению к Арктическому региону государств и международных правительственных и неправительственных организаций в сотрудничестве с Арктическим советом в исторической ретроспективе, выявлены ключевые факторы, способствующие трансформации отношений государств-членов с наблюдателями в Арктическом совете. Систематизированы как аргументы в пользу дальнейшего расширения количества наблюдателей Арктического совета, так и причины, по которым принятие новых наблюдателей не входит в интересы форума. Результаты

исследования показывают, что в ближайшие годы (председательство России в АС) расширение количества наблюдателей в АС не представляется реальным.

АРКТИЧЕСКИЙ СОВЕТ; АРКТИКА; НАБЛЮДАТЕЛИ; ГОСУДАРСТВА; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Зарождение межгосударственного сотрудничества в Арктике

Актуальность темы данного исследования обусловлена рядом факторов. С одной стороны, богатые природные ресурсы Арктики, пролегание через арктическую акваторию кратчайших потенциальных путей для перевозки грузов на рубеже привлекают к региону экономическое и политическое внимание как со стороны государств Арктики, так и внерегиональных участников международных отношений. Поскольку на настоящий момент определился круг государств, имеющих территории за пределами полярного круга, выход к арктической акватории, и все эти государства являются членами влиятельного дискуссионного форума – Арктический совет, данный форум становится площадкой для диалога между арктическими игроками и возможностью достичь с ними договоренностей для дальнейшего сотрудничества и закрепить присутствие в регионе для новых участников.

До 80-х и 90-х годов XX века государства Арктического региона не сотрудничали по арктическим вопросам на международном уровне, и после Холодной войны (в ходе которой многие из них находились в противоборствующих блоках) настороженно относились к идее кооперации по любым вопросам, особенно военным или в области безопасности. Однако постепенно восемью арктическими и приарктическими странами была осознана необходимость переговоров по ряду проблем, и пришло понимание, что закрепить свои интересы в регионе удобнее, собравшись в коалицию.

Под влиянием всеобщей обеспокоенности глобальными проблемами того времени появилась и была принята идея создания международной площадки для диалога по вопросам социально-экологического сотрудничества, тем более, что активное освоение акватории региона, прибрежных территорий усиливали и так существовавшие в Арктике экологические риски и проблемы. В Арктике был создан форум высокого уровня для содействия сотрудничеству государств Арктики, коренных народов и населения Арктики по вопросам устойчивого развития,

получивший название Арктический совет (АС). В состав организации вошли восемь государств, имеющих отношение к Арктике: Россия, Норвегия, Канада, США, Финляндия, Дания, Исландия и Швеция. Важно подчеркнуть, что если Россия, Норвегия, Канада и Дания (через Гренландию) имели выход к арктической акватории, то Финляндия, Исландия и Швеция обосновывали свое участие в АС прежде всего проживанием на их территориях коренного населения Арктики.

Устройство АС подразумевало консенсуальный способ принятия решений и следующие категории участия: государства-члены (см. выше), постоянные участники (ассоциации коренных народов Арктики – Арктический совет атабасков, Международная ассоциация алеутов, Международный совет гвичинов, Циркумполярный совет инуитов, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, Союз саамов), и наблюдатели. При этом если первые две категории фактически закрыты для расширения, за счет отсутствия оснований считать какие-либо, кроме перечисленных выше государств, (при)арктическими и отсутствия новых ассоциаций коренных народов, желающих занять место в совете, то категория наблюдателей является единственной возможностью для неарктических государств или международных организаций быть причастными к делам Арктики.

Формирование и эволюция взаимодействия наблюдателей с Арктическим советом

Со стороны нерегиональных государств и специализированных международных организаций интерес к Арктике существовал еще до создания Арктического совета. Экономическая, стратегическая важность региона была очевидна, а ресурсный потенциал привлекал богатством. Нерегиональные государства проявляли желание участвовать в арктическом взаимодействии еще во время процесса Рованиеми (ряда подготовительных заседаний арктической восьмерки) [1, p. 1]. Германия, Великобритания, Польша, Международный Арктический комитет (МАНК), Европейская экономическая Комиссия ООН и Программа ООН по окружающей среде принимали участие в первой встрече АС на уровне министров иностранных дел [2, p. 90]. Нидерланды оказывали консультативное содействие по

разработке Стратегии охраны окружающей среды в Арктике и плана по устранению атмосферных загрязнителей.

Когда в 1996 г. вновь созданный Арктический совет сменил Стратегию охраны окружающей среды в Арктике, система отбора наблюдателей претерпела изменения. Постоянно аккредитованные при стратегии наблюдатели (ассоциации коренного населения) получили статус постоянных участников АС, а возможность стать наблюдателем ad hoc сохранялась только для государств и международных организаций, которые, по мнению государств-членов АС, вносят вклад в развитие или исследование региона.

С 1996 по 2004 гг. Германия, Великобритания и Нидерланды оказывали экономическую поддержку некоторым проектам АС [3]. Участвовавшие в министерских заседаниях наблюдатели, пользуясь возможностью выступления, использовали форум для выражения своих интересов в Арктике [4, pp. 175–176]. В качестве наблюдателя ad hoc в некоторых встречах АС участвовали Япония и Франция.

Интерес специализированных (в основном, природоохранных) международных организаций к Арктике возрос после крупной аварии танкера Эксон Вальдес в Мексиканском заливе, вызвавшей крупные экологические негативные последствия. Гринпис, являвшаяся на тот момент, одной из влиятельнейших природоохранных НПО, выражала желание стать наблюдателем при АС, однако не получила данного статуса ввиду возражения двух скандинавских государств и Исландии (Гринпис выступала против китобойного промысла – основного занятия коренных народов Арктики, проживающих на территории) [5, p. 137]. Зато данный статус получили более умеренные Всемирный фонд дикой природы и Красный крест [4, pp. 174–176].

Заинтересованность в сотрудничестве с Арктическим советом в качестве наблюдателя выражал и ЕС, активно поддержанный Финляндией и Данией. Консенсуса внутри АС по данному вопросу не удалось достичь, однако трения указывали на необходимость разработки более четких критериев отбора наблюдателей. Впоследствии принятие ЕС наблюдателем бойкотировал Международный совет инуитов (постоянный участник АС),

который дважды (2013 г., 2015 г.) [6] блокировал принятие ЕС из-за существующего внутри организации запрета на китобойный промысел.

Изменения во взаимодействии с наблюдателями в Арктическом совете

В начале 2000-х годов прослеживались две тенденции: увеличение роли наблюдателей внутри АС и новый виток роста интереса к АС со стороны неарктических участников [7]. Последнее связано с выходом в свет доклада АС про изменение климата (2004 г.), где было доказано, что неизбежно дальнейшее таяние ледяного шельфа [8]. Основные интересы государств, стремящихся стать наблюдателями, были связаны с морскими перевозками на новых маршрутах расширяющейся арктической акватории, желанием иметь доступ к разработке месторождений. Среди средств, с помощью которых наблюдатели добивались целей было и двустороннее сотрудничество с членами АС, финансирование проектов рабочих групп, лоббирование интересов с помощью арктических государств [9, с. 8–73] (например, Исландия помогала Китаю добиться статуса наблюдателя), научное сотрудничество также использовалось как средство лоббировать интересы в АС. В 1998–2006 гг. наблюдателями в АС стали 15 МНПО [4, p. 178], Франция, Испания и Польша. В этот период наблюдатели впервые участвовали в разработке реформы АС – Великобритания предложила создать финансовый орган для поддержки работы АС [10]. Отдельные проекты по устранению загрязнений в Арктике финансировал Китай. Интересы Индии и Сингапура также носили прагматический характер, хотя они и аргументировали потребность участия в заседаниях АС опасениями (и потому – необходимостью отслеживания) последствий для них в результате изменения климата в Арктике.

После заключения Соглашения по морскому поиску и спасанию в Арктике (2011 г.) и Соглашения о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике (2013 г.) наблюдатели стали оказывать больше финансовой поддержки АС [11, p. 36].

Предполагалась следующая волна подачи заявок в наблюдатели, поэтому на министерской встрече в Нууке в 2011 г. были приняты новые критерии отбора наблюдателей и расширен пакет документов для подачи заявки [12]. Кандидат должен поддерживать цели АС, признавать суверенитет и уважать юрисдикцию арктических государств в регионе,

соблюдать нормы арктического морского права, уважать ценности и культуру коренного населения, быть полезным АС, иметь возможность содействовать АС и представлять его интересы в других природоохранных организациях [13].

Воспользовавшись противоречиями между Данией и Исландией по вопросу невключения последней в Северное изменение ЕС, а также инвестировав в российские и канадские проекты по Арктике, Китай, нацеленный на сотрудничество по освоению акватории и ресурсов Арктики [14, с. 44], добился поддержки трех влиятельных участников АС и был включен в состав наблюдателей в период расширения 2013–2015 гг., вместе с Индией, РК, Японией и Сингапуром.

Во время председательства США в наблюдатели Арктического совета были приняты Швейцария [15] и шесть международных организаций: ВМО [16], Комиссия ОСПАР [17], Национальное географическое общество [18], Международный совет по исследованию моря [19], Oceana [20], Совет западных стран Северной Европы [21].

Выводы

Таким образом, позитивными сторонами института наблюдателей для государств-участников АС является реализация при их финансово-экономической помощи значительного количества проектов по ликвидации загрязнений в Арктике, интенсификация научных исследований региона. Государства-члены Арктического совета со своей стороны также заинтересованы в экономической поддержке, техническом сотрудничестве по ряду вопросов с наблюдателями. Во многом принятие в ряды наблюдателей зависит от отношений кандидата с государством-председателем АС.

Количество наблюдателей (38) в Арктическом совете на современном этапе превышает суммарное количество членов и участников форума. Постоянное расширение их числа, а также неугасающий интерес со стороны желающих приобрести указанный статус являются показателями продолжающего расти интереса к Арктике со стороны внерегиональных участников и профильных (занимающихся вопросами охраны природы, обеспечения благосостояния коренных народов) международных организаций. Наблюдается прямая корреляция между знаковыми событиями в Арктическом совете и скачками интереса со

стороны потенциальных партнеров. Однако постоянные трудности в поиске консенсуса относительно кандидатур наблюдателей и долгий процесс принятия свидетельствует об опасениях государств-членов АС возможных притязаний, конкуренции, навязывании им интересов. При всех существующих правилах приема наблюдателей, принятых в Нууке, и ограничении данного статуса, сохраняется возможность объединенного давления наблюдателей на государства АС.

На современном этапе развития АС число наблюдателей достигло пика, перечисленные выше причины делают значительное расширение наблюдателей в ближайшей перспективе маловероятным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Graczyc P.**, **Koivurova T.** A new era in the Arctic Council's external relations? Broader consequences of the Nuuk observer rules for Arctic governance. Polar Record. Cambridge University Press, 2013.
2. **Young O.R.** Creating regimes: Arctic accords and international governance. Ithaca and London: Cornell University Press. 1998.
3. Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers. Barrow, Alaska, United States of America (2000) / Official site of Arctic Council. URL: http://hdl.handle.net/11374/1551 (accessed: 21.08.2020).
4. **Chater A.** Explaining Non-Arctic States in the Arctic Council // Strategic Analysis, 2016. Vol. 40. No. 3.
5. **Scrivener D.** From Ottawa to Iqaluit: Towards Sustainable Arctic Co-Operation? // Environmental Politics, 1998. Vol.7 No 4.
6. Арктический совет сказал ЕС «нет». URL: http://newhorizons.fi/?p=672 (дата обращения: 22.08.2020).
7. **Pedersen T.** Arktisk råds rolle i polarpolitikken. URL: http://septentrio.uit.no/index.php/nordlit/article/view/2314/2144 (дата обращения:25.09.2017).
8. ACIA, Impacts of a Warming Arctic: Arctic Climate Impact Assessment. ACIA Overview report. Cambridge University Press. 2004.
9. **Гриняев С.Н.**, **Шевченко А.В.**, **Медведев Д.А.**, **Волков А.Г.**, **Аньшина Е.В.**, **Онищук С.М.** Страны-наблюдатели в Арктическом Совете: позиция и мотивы деятельности / доклад Центра стратегических оценок и прогнозов. Сер. Проблемы безопасности в Арктике Т.1 М.: 2014.
10. Minutes, SAO, Senior Arctic Officials, Arctic Council, Yakutsk (2005). URL: http://hdl.handle.net/11374/350 (accessed: 22.08.2020).
11. **Tennberg M.** Indigenous peoples' involvement in the Arctic Council URL: http://arcticcircle.uconn.edu/NatResources/Policy/tennberg.html (accessed: 23.08.2020).

12. The Arctic Council Rules of Procedure (adopted in 1998 and revised in 2013) URL: http://hdl.handle.net/11374/940 (accessed: 25.08.2020).
13. Наблюдатели в Арктическом Совете URL: http://www.arctic-council.org/index.php/ru/about-us/arctic-council/observers (дата обращения: 25.08.2020).
14. Ягья В.С., Харлампьева Н.К., Лагутина М.Л. Арктика – новый регион внешней политики Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. №1. С.43-52 ISSN: 2313-0660
15. Новый наблюдатель: Швейцария. URL: https://www.arctic-council.org/index.php/ru/our-work/news-and-events-ru/471-observer-switzerland (дата обращения: 22.08.2020).
16. Новый наблюдатель: Всемирная метеорологическая организация. URL: https://www.arctic-council.org/index.php/ru/our-work/news-and-events-ru/461-observer-wmo (дата обращения: 22.08.2020).
17. Новый наблюдатель: Комиссия ОСПАР URL: https://www.arctic-council.org/index.php/ru/our-work/news-and-events-ru/463-observer-ospar (дата обращения: 22.08.2020).
18. Новый наблюдатель: Национальное географическое общество организация. URL: https://www.arctic-council.org/index.php/ru/our-work/news-and-events-ru/459-observer-national-geographic (дата обращения: 22.12.2017).
19. Новый наблюдатель: МСИМ организация. URL: https://www.arctic-council.org/index.php/ru/our-work/news-and-events-ru/460-observer-ices (дата обращения: 22.08.2020).
20. Новый наблюдатель: организация Oceana. URL: https://www.arctic-council.org/index.php/ru/our-work/news-and-events-ru/462-observer-oceana (дата обращения: 22.08.2020).
21. Новый наблюдатель: Совет западных стран Северной Европы. URL: https://www.arctic-council.org/index.php/ru/our-work/news-and-events-ru/470-observer-west-nordic-council (дата обращения: 22.12.2017).

REFERENCES:

1. Graczyc P. Koivurova T. *A new era in the Arctic Council's external relations*? Broader consequences of the Nuuk observer rules for Arctic governance. Polar Record. Cambridge University Press, 2013.
2. Young O.R. *Creating regimes: Arctic accords and international governance*. Ithaca and London: Cornell University Press. 1998.
3. *Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers*. Barrow, Alaska, United States of America (2000) / Official site of Arctic Council, available at http://hdl.handle.net/11374/1551 (accessed 21 august 2020).
4. Chater A. *Explaining Non-Arctic States in the Arctic Council* // Strategic Analysis, 2016. Vol. 40. No. 3.

5. Scrivener D. *From Ottawa to Iqaluit*: *Towards Sustainable Arctic Co-Operation*? Environmental Politics, 1998. Vol.7 No 4.
6. *Arkticheskij sovet skazal ES «net»*, available at http://newhorizons.fi/?p=672 (accessed 22 august 2020).
7. Pedersen T. *Arktisk råds rolle i polarpolitikken*, available at http://septentrio.uit.no/index.php/nordlit/article/view/2314/2144 (accessed 25 september 2017).
8. ACIA, *Impacts of a Warming Arctic: Arctic Climate Impact Assessment*. ACIA Overview report. Cambridge University Press. 2004.
9. Grinjaev S.N., Shevchenko A.V., Medvedev D.A., Volkov A.G., An'shina E.V., Onishhuk S.M. *Strany-nabljudateli v Arkticheskom Sovete: pozicija i motivy dejatel'nosti* / doklad Centra strategicheskih ocenok i prognozov. Ser. Problemy bezopasnosti v Arktike T.1 M.: 2014.
10. Minutes, SAO, Senior Arctic Officials, Arctic Council, Yakutsk (2005), available at http://hdl.handle.net/11374/350 (accessed 22 august 2020).
11. Tennberg M. *Indigenous peoples' involvement in the Arctic Council*, available at http://arcticcircle.uconn.edu/NatResources/Policy/tennberg.html (accessed 23 august 2020).
12. *The Arctic Council Rules of Procedure* (adopted in 1998 and revised in 2013), available at http://hdl.handle.net/11374/940 (accessed 25 august 2020).
13. *Nabljudateli v Arkticheskom Sovete*, available at http://www.arctic-council.org/index.php/ru/about-us/arctic-council/observers (accessed 25 august 2020).
14. Yagiya V.S., Kharlampieva N.K., Lagutina M.L. *Arktika – novyi region vneshnei politiki Kitaia* // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Mezhdunarodnye otnosheniia. 2015. T.15, No1. pp.43-52 ISSN: 2313-0660.
15. *Novyj nabljudatel'*: *Shvejcarija*, available at https://www.arctic-council.org/index.php/ru/our-work/news-and-events-ru/471-observer-switzerland (accessed 22 august 2020).
16. *Novyj nabljudatel'*: *Vsemirnaja meteorologicheskaja organizacija*, available at https://www.arctic-council.org/index.php/ru/our-work/news-and-events-ru/461-observer-wmo (accessed 22 august 2020).
17. *Novyj nabljudatel'*: *Komissija OSPAR*, available at https://www.arctic-council.org/index.php/ru/our-work/news-and-events-ru/463-observer-ospar (accessed 22 august 2020).
18. *Novyj nabljudatel'*: *Nacional'noe geograficheskoe obshhestvo organizacija*, available at https://www.arctic-council.org/index.php/ru/our-work/news-and-events-ru/459-observer-national-geographic (accessed 22 december 2017).
19. *Novyj nabljudatel'*: *MSIM organizacija*, available at https://www.arctic-council.org/index.php/ru/our-work/news-and-events-ru/460-observer-ices (accessed 22 august 2020).
20. *Novyj nabljudatel'*: *organizacija Oceana*, available at https://www.arctic-council.org/index.php/ru/our-work/news-and-events-ru/462-observer-oceana (accessed 22 august 2020).
21. *Novyj nabljudatel'*: *Sovet zapadnyh stran Severnoj Evropy*, available at https://www.arctic-council.org/index.php/ru/our-work/news-and-events-ru/470-observer-west-nordic-council (accessed 22 december 2017).

SBOYCHAKOVA Anastasiia V. – Saint-Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034. E-mail: Sboichakova@mail.ru

THE PARTICIPATION OF OBSERVERS IN THE ARCTIC COUNCIL - EVOLUTION AND PROSPECTS

The article examines the relationship between the activities of the intergovernmental discussion forum 'The Arctic Council' and the interest in the Arctic region on the part of non-regional participants. A historical retrospective is used to study the origin of interstate cooperation in the Arctic region, the formation and evolution of the process of bilateral and multilateral interaction of observers with the member States of the Arctic Council. The reasons for the interest of non-regional participants in the Arctic region were revealed, the motives of the main participants external to the studied forum to the Arctic were studied, the reasons why the interaction of non-Arctic states with the Arctic was carried out precisely under the auspices of the Arctic Council, the influence of the international context on the process of interaction between observers and member states was studied AC. The mechanism of the influence of an increase in the number of candidates for observers on the intensification of cooperation within the framework of the Arctic Council and the institutional development of the forum is outlined. The degree of participation of observers in the work of the forum, the reasons for the interest of non-regional participants in the Arctic, their goals, methods and tools of their influence on the policies of the member states of the Arctic Council are revealed. Periodization of the stages of activation of states external to the Arctic region and international governmental and non-governmental organizations in cooperation with the Arctic Council in historical retrospect identified the key factors contributing to the transformation of relations between member states and observers in the Arctic Council. Both the arguments in favor of further expanding the number of observers to the Arctic Council and the reasons why the adoption of new observers is not in the interests of the forum are systematized. The results of the study show that in the coming years (Russia's chairmanship in the AU) the expansion of the number of observers in the AU does not seem realistic.

ARCTIC COUNCIL; ARCTIC; OBSERVERS; STATES; INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

УДК: 339
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.10

Н.В. Богданова

СОТРУДНИЧЕСТВО ГЕРМАНИИ И СССР В ПЕРИОД С 1945 ПО 1990 ГГ. В ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ

БОГДАНОВА Надежда Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.
E-mail: nvbogdanova@spbstu.ru

В данной статье проведен анализ сотрудничества Германии и СССР в период с 1945 по 1990 гг. в топливно-энергетическом секторе экономики. Выбранная тема исследования является актуальной и перспективной, так как сотрудничество России и Германии – одно из важнейших направлений международных отношений, так как сотрудничество России и Германии в области энергетики – одно из важнейших направлений международных отношений. Целью работы является определение роли российской энергии на немецком рынке в период после Второй мировой войны до распада СССР и оценить роль политических событий на перспективы развития отношений в области энергетики на современном этапе. В основе методологической базы был использован метод контент анализа как отечественных, так как и зарубежных источников по данной теме. В центре внимания разработка единой энергетической стратегии европейских государств, позволяющей избежать негативных последствий энергетических кризисов, ценовых колебаний и обеспечение национальной безопасности. В статье многопланово рассматриваются вопросы сотрудничества России и Германии в области энергетики, изучаются исторические корни и традиции сложившихся отношений. В середине XX века Россия становится значимым поставщиком энергии на немецкий рынок. Однако забота об окружающей среде стала играть огромную роль во внутренней политике Германии. Появившись в начале 80-х годов, партия «Зеленых» является сегодня довольно значимым игроком на политической арене, да и все остальные политические партии на сегодняшний момент осознают всю важность состояния экологии, поэтому информацию, относящуюся к этой теме, можно найти как в программах немецких социал-демократов, так и

консерваторов. Результатом научного исследования можно считать выводы, сделанные на основе анализа ряда исторических документов и статистического анализа роста потребления российского газа и нефти в советский период несмотря на политические разногласия двух систем. Заинтересованность Германии в российской энергии и готовность России ее поставлять, явилась важным аспектом отношений двух стран. Энергетические отношения оказали влияние на политические отношения двух стран, способствуя принятию двухсторонних политических договоров.

СССР; ФРГ; ГДР; БИПОЛЯРНАЯ СИСТЕМА; ХОЛОДНАЯ ВОЙНА; ЭНЕРГЕТИКА; ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ; ТОРГОВЛЯ; ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕКТОР; ИМПОРТОЗАВИСИМОСТЬ; ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Введение.

Выбранная тема исследования является чрезвычайно актуальной и перспективной: в 2010 году была закончена укладка «Северного потока» – газового трубопровода, который призван обеспечить доставку газа из России в Германию и другие страны Западной Европы по дну Балтийского моря, а чуть позже было подписано соглашение о строительстве еще одного трубопровода «Северный поток – 2». Таким образом, на сегодняшний день в отношениях России и Германии складывается интересная ситуация: с одной стороны Германия принимает так называемую концепцию «Энергетического поворота» и всеми силами старается повысить эффективность использования источников альтернативной энергии, а с другой – решается на строительство двух трубопроводов для импорта газа в страну. Для понимания происходящих в настоящем процессов и определения будущего курса отношений, необходимо понять предпосылки сотрудничества России и Германии в области энергетики, а также проанализировать прошлый опыт этого сотрудничества.

Целью работы является определение роли российской энергетики на немецком рынке в период после Второй мировой войны до распада Советского Союза и оценка роли политических событий на перспективы развития отношений в области энергетики на современном этапе. В основе методологической базы был использован метод контент анализа отечественной и зарубежной литературы по данной теме. Для изучения опыта российско-немецких энергетических отношений важной работой является статья В.А. Беспалова «Договор о внутри германской торговле 1951 г. и западноберлинский транзит // Ретроспектива» [1] и работа

немецкого ученого-историка, специализирующегося на истории Восточной Европы Дирка Хоффмана «Erdöl, Mais und Devisen: Die ostdeutsch-sowjetischen Wirtschaftsbeziehungen» [2].

После Второй мировой войны Германия оказалась разделена на четыре оккупационные зоны, контролируемые Англией, Францией, США и Советским Союзом. Так как Англия, Франция и Соединенные Штаты были сторонниками «капиталистического блока», их подконтрольные части были объединены в одну, которая получила название Федеративной Республики Германии (ФРГ). Советская подконтрольная зона носила название ГДР – Германская Демократическая Республика. Вследствие формования биполярной системы мирового порядка, Германия оказалась пограничной территорией между двумя блоками, к которой относились с особым вниманием. Возведение Берлинской стены в 1961 году символизировало то, что две части одной страны отныне имеют абсолютно разный путь развития, разную идеологию и будут отрезаны друг от друга. Таким образом, страны, «корродирующие» ГДР и ФРГ, брали на себя ответственность за их развитие, в том числе и экономическое.

После Второй мировой войны состояние Германии было катастрофическим: каждый второй не имел работы, была введена карточная система, росла инфляция и государственный долг. Восточная часть страны, которая впоследствии стала ГДР, была разрушена больше, ведь боевые действия велись в основном в восточной части, Берлин и Дрезден были практически полностью разбомблены. Для восстановления требовались немалые ресурсы.

В 1947 г. был подготовлен план по восстановлению экономики ГДР, который включал в себя усиленную подготовку кадров и восстановление народного хозяйства. Для осуществления плана Советский Союз начинает усиленные поставки нефти и нефтепродуктов на территорию государства. Ситуация была настолько удручающей, что импортировать пришлось не только нефть, но и медь, руду и даже уголь, которого в достатке было в Германии, но который невозможно было добывать, потому что производство остановилось из-за войны. Таким образом, Советский Союз, сам в значительной мере пострадавший от разрушительной войны, обеспечивал весь восточный блок энергией. ГДР начала строительство

собственных металлургических предприятий, потому что средств на восстановление не хватало – по своему экономическому развитию ГДР значительно отставала от ФРГ. Советский Союз способствовал строительству в ГДР атомных электростанций. Описывая сложившуюся экономическую ситуацию в ГДР, Н.Н. Платошкин утверждает, что «ГДР сначала получала из-за границы сырье, производила из этого сырья на продажу машиностроительную продукцию и после её продажи закупала продукты питания» [3]. Нетрудно понять, что благосостояние и экономика ГДР на тот момент целиком и полностью зависели от энергетических поставок из Советского Союза. СССР в этой ситуации преследовал совершенно понятную цель: так как ГДР и ФРГ являлись в буквальном смысле границей двух систем, то по состоянию той или иной можно было судить и о состоянии и положении системы в целом. Для того чтобы продемонстрировать успешность коммунистической системы, Советский Союз экспортировал нефть и нефтепродукты, которые были нужны для восстановления, в больших объемах и на весьма выгодных условиях. Наряду с этим Советский Союз занимается активной разработкой нефтяных месторождений – в 1950 гг. был открыт Волго-Уральский нефтегазоносный бассейн, который насчитывал около 212 нефтяных месторождений, таким образом, объемы добываемой нефти в СССР увеличиваются. Нужно отметить, что вплоть до этого времени для транспортировки энергии использовались танкеры, что делало доставку нефти весьма дорогим предприятием, поэтому велись переговоры об альтернативном способе доставки. Так в период с 1959 по 1964 гг. был построен нефтепровод «Дружба», по которому осуществлялась доставка нефти из ранее открытого Волго-Уральского бассейна в страны-члены Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) – Венгрию, Чехословакию, Польшу и ГДР. Позже, для увеличения объема поставок, было решено построить еще один нефтепровод «Дружба II», который был готов в 1970 году. После этого объем поставляемой нефти увеличился в два раза [4].

На 60–70 гг. XX столетия пришелся пик открытия и разработки газовых месторождений, и СССР стал весомым игроком на сырьевом рынке.

Что касается состояния ФРГ, то ее восстановление происходит довольно быстро и гладко – в период с 1945 по 1952 гг. США вкладывают в развитие экономики ФРГ 3,3 млрд. долларов, что помогает ликвидировать продовольственный кризис [1].

1 февраля 1970 года Германия заключает с Советским Союзом сделку на поставки советского газа в ФРГ, согласно которой поставки газа на ее территорию должны начаться с 1973 года. Строительством газового трубопровода занимались немецкие компании, обеспечивая все техническое обеспечение. Договор был трехсторонним: СССР обязывался поставлять в ФРГ 3 млрд. кубометров газа каждый год, немецкая фирма «Mannesmann» поставляла трубы большого диаметра для прокладки трубопровода, а другая немецкая фирма «Ruhrgas» закупала газ и занималась его распределением на немецком рынке. Немецкий банк, Deutsche Bank, выдал на обеспечение сделки кредит в размере 1,2 млрд. марок. Таким образом, даже состояние «Холодной войны» не помешало СССР и ФРГ заключить подобного рода договор. Безусловно, это торговое соглашение имело не только экономическое, но и политическое значение: в условиях железного занавеса и жесткой пропаганды заключение подобного договора значило многое. Оказалось, что возможно идти на компромиссы и осуществлять торговлю со странами «западного блока». Поставки газа оказались своеобразным «мостиком», который помог постепенно наладить отношения и в политической сфере, настолько, насколько это было на тот момент возможно. Вслед за газовой сделкой, через полгода, 12 августа 1970 года между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германия заключается политический договор – Московский договор. Обе страны брали на себя обязательства поддерживать мирное состояние международных отношений и способствовать процессу разрядки для нормализации ситуации в Европе [5]. При подписании Московского договора в Кремле присутствовал канцлер ФРГ Вилли Брандт. Так, налаживание поставок газа и экономическое соглашение оказало влияние на международные отношения двух стран, принадлежащих к разным политическим, идеологическим блокам и даже способствовало их улучшению.

В период с 1970–1980 гг. XX века во всем мире, в том числе и в Германии, набирает популярность движение «зеленых», которые выступают за бережное отношение к экологии и охрану окружающей среды. Также в середине 70-х гг. становится популярным движение против использования атомной энергетики (Anti-Atomkraft-Bewegung). Начинает обсуждаться вопрос о целесообразности и безопасности использования атомной энергии. Именно с этого момента берет начало так называемый «Энергетический поворот» / Energiewende.

Десятилетие оказалось богато событиями в энергетическом мире в целом – так, в 1973 году вследствие арабо-израильского конфликта разгорелся энергетический кризис. Такие арабские страны как Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия отказываются поставлять нефть странам Западной Европы, поддержавшим Израиль, в частности Великобритании, США, Канаде, Нидерландам и Японии. Такой неожиданный поворот событий вызвал большой скачек цен на нефть – цена за баррель выросла в четыре раза, с 3 долларов до 12 долларов [6]. Несмотря на это, ФРГ непосредственно не значилась в списке стран, с которыми ОПЕК разорвал энергетические отношения, этот кризис, так или иначе, привел «западный мир» к переосмыслению своей энергетической политики. Спустя год после начала мирового нефтяного кризиса, в 1974 году, Бундестаг корректирует свою энергетическую программу и выпускает обновленную версию. Программа стала первой общей энергетической концепцией страны. В программе отмечалось, что Германия вследствие своей зависимости от импорта нефти все-таки понесла некоторые убытки из-за мирового кризиса, поэтому было важно выработать определенную стратегию. Речь велась о том, что нужно диверсифицировать, разнообразить поставщиков энергии. Главным поставщиком газа ФРГ на тот момент отмечала Нидерланды, СССР стал осуществлять поставки газа с 1973 года, планировалось также, что Норвегия начнет поставлять газ в 1976 году, после завершения строительства трубопровода, в качестве поставщика газа отмечался также Алжир [7]. Кроме того, для получения природного газа начались бурения на территории Баварии и Нижней Саксонии. Для сокращения последствий кризиса планировалось увеличить объемы

получаемой атомной энергии и угля на территории ФРГ. Таким образом, мировой нефтяной кризис способствовал тому, что государство стало координировать энергетическую политику, ставить определенные цели и задачи, разрабатывать единую энергетическую стратегию для того, чтобы избежать негативных последствий подобных кризисов, ценовых колебаний в будущем и обеспечить национальную энергетическую безопасность.

В целом, ФРГ не сильно зависела от поставок советской нефти, в 1979 году, например, Западная Германия импортировала 6,2% нефти. Совершенно иначе складывалась ситуация с импортом газа. Уже через 9 лет после подписания договора о поставках, доля импортируемого советского газа в ФРГ составляла 23,9% [8]. Мировой нефтяной кризис способствовал тому, что Советский Союз стал значимым поставщиком энергии на немецкий рынок.

Советско-немецкие энергетические отношения продолжали развиваться, налаживались поставки советской энергии в Германию, продолжалось строительство новых газовых трубопроводов. В частности, в 1983 году началось строительство газового трубопровода «Уренгой – Помары – Ужгород», по которому уже в 1984 году начала осуществляться доставка газа из Сибири в страны Центральной и Западной Европы, а именно ФРГ, Францию и Италию. Европа, в отличие от Соединенных Штатов Америки, не рассматривала эти торговые отношения с Советским Союзом и поставки энергии в качестве некоего инструмента влияния со стороны стран социалистического блока. Совершенно иная позиция была у Соединенных Штатов Америки. Европа отказывалась от применения торговых ограничений, наложенных США после вторжения Советского Союза в Афганистан в 1979 году и после введения военного положения в Польше в период с 1980 по 1983 год, с целью подавления оппозиционных движений. Соединенные Штаты в 1980–1982 гг. накладывают эмбарго на поставку оборудования для строительства газового трубопровода Уренгой – Ужгород, но страны Западной Европы проигнорировали призывы США сделать то же самое.

И действительно, в период формирования и установления прочного энергетического сотрудничества Советского Союза и стран Западной

Европы происходит улучшение двухсторонних отношений, несмотря на сохранения режима противостояния двух сверхдержав. 25 июня 1988 года Совет Экономической Взаимопомощи и Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС) подписывают Совместную декларацию, признают взаимное юридическое существование и налаживают формальные взаимоотношения. Уже годом позже СЭВ заключает с ЕЭС «Соглашение о торговле и сотрудничестве с Европейскими Сообществами». Главной задачей договора провозглашалось установление благоприятного режима для установления международных торговых отношений, отказ от всякого рода дискриминационных режимов в отношении двухстороннего товарооборота, а также отказ от любых количественных ограничений импорта и экспорта [9]. Из этого следует, что к началу 1990-х гг. между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии устанавливается прочное экономическое сотрудничество, налаживаются политические отношения. Большую роль в этом процессе сыграло то, что Советский Союз мог предложить Европе весьма выгодное энергетическое сотрудничества и поставки энергоносителей. Географическое положение России в этом плане весьма выгодно. Относительная близость делает прокладку трубопроводов весьма выгодным, энергия транспортируется не на такие большие расстояния как, например, из африканских стран, что непосредственно влияет на стоимость доставки и обуславливает заинтересованность Европы в целом и Германии в частности в российской энергии.

Знаменательным моментом, оказавшим влияние на энергетическую политику страны, стало основание партии «Зеленых» 13 января 1980 года. Основу политической программы партии составляет борьба за сохранение окружающей среды и недопущение ее загрязнения. Закрепившись в Бундестаге с 1987 года, они имели достаточно сил, чтобы выносить данную проблему на повестку дня. Большое влияние на проводимую ими политику оказала авария на Чернобыльской атомной электростанции, произошедшая в 1986 году. И без того довольно сильное и многочисленное движение, выступающее за прекращение использования атомных электростанций, еще больше активизировалось, произошла перемена общественных настроений и вопрос о закрытии АЭС на территории ФРГ

стал еще более обсуждаем. К требованиям «зеленых» присоединились и социал-демократы. В 1986 году они инициируют создание «Министерства окружающей среды, охраны природы и безопасности ядерных реакторов» и начинают активно продвигать в правительстве идею об отказе от использования атомной энергетики. В 1990 году Бундестагом принимается закон, обязующий фирмы, занимающиеся поставками электроэнергии, использовать энергию из возобновляемых источников, таких как, например, солнечная энергия или энергия ветра. Так начались активные действия правительства в области «энергетического поворота». Становилось ясно, что Германию ждет формирование новой энергетической программы и страна стоит на пороге чего-то нового в энергетической сфере.

Таким образом, к 1990 году в Германии складывается особая энергетическая ситуация. Наличие угольных бассейнов на территории страны в значительной степени удовлетворяет потребности Германии в этом виде топлива и не ведет за собой чрезмерной зависимости от импорта угля. По-другому складывается ситуация с газом и нефтью. Уже спустя короткий срок после заключения торговых соглашений на поставки природного газа Россия становится для Германии значительным поставщиком энергии. В 1991 году Россия является лидером по поставкам газа в Германию – она импортирует 44% газа, то есть практически половину, Нидерланды – 38%, а Норвегия – 17%. Кроме того, к 1991 году Россия выходит на первое место и по поставкам нефти в Германию, импортируя в ФРГ 19% потребляемой в стране нефти [10]. К этому времени значительным поставщиком энергии Россия также становится и для Европейского Союза в целом. В 1990 году Россия импортирует в страны ЕС 55,3% природного газа, за ней следует Норвегия (13,3%) и Алжир (14,3%). Также и по поставкам нефти Россия находится на пятом месте, импортируя 6,3% потребляемой Европейским Союзом нефти и уступая Ирану, Саудовской Аравии, Ливии и Норвегии [11].

1990 год стал знаковым годом для истории Германии – 3 октября 1990 г. происходит объединение ГДР и ФРГ. Сложилось так, что западная и восточные части одной страны пошли разным путями развития. Объединение означало начало новой главы в истории Германии. Отныне

ФРГ и ГДР имели единый политический и экономический курс. Безусловно, это касается и энергетической политики страны. Экономический упадок в восточной части Германии потребовал от ФРГ больших инвестиций в развитие бывшей ГДР. После объединения оказалось, что все построенные на территории ГДР атомные электростанции не соответствуют нормам безопасности, поэтому правительство Германии принимает решение об остановке их эксплуатации – часть страны остается без важного источника энергии, что требует пересмотра энергетической политики страны в целом.

Что касается Советского Союза, то здесь также начинается новый этап истории: в 1991 году Советский Союз распадается и образуется новая страна – Россия. Энергетические отношения России и Германии переходят с тех пор на новый уровень.

28 мая 2014 года Европейский Союз принимает «Стратегию Энергетической Безопасности», в которой речь идет в основном о зависимости от топливных поставок из России. Среди важных вопросов энергетической безопасности выделяются: зависимость от импорта газа и нефти из России и значительное присутствие российских энергетических компаний на европейском рынке. Именно зависимость от России отмечается как угроза безопасности, несмотря на то, что в 2013 году доля поставок газа из России в страны Евросоюза составила 39%, из Норвегии на 6% меньше – 33%, а из стран Северной Африки, Алжира и Ливии – 22% [12].

Россия оставалась и остается на сегодняшний день основным поставщиком энергии, как нефти, так и природного газа, для Евросоюза. Вторым по объемам поставщиком нефти и газа является Норвегия. В период с 2004 по 2014 гг. объем поставок газа из Норвегии в ЕС вырос на 7,3%, в то же время объем поставок газа из России за тот же период снизился на 6,1%, несмотря на строительство «Северного потока». Явно прослеживается тенденция стран Евросоюза к переходу на поставки газа из Норвегии. Еще одним важным поставщиком энергии в ЕС являются такие африканские страны как Алжир, Саудовская Аравия и Нигерия. Но нестабильная политическая ситуация в Африке не дает Европейскому Союзу делать ставки на поставки энергии из этих стран.

Таблица 1.

Основные поставщики нефти в ЕС (%)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Россия	32,5	32,9	33,8	33,7	31,8	33,6	34,7	34,8	33,7	33,7	30,4
Норвегия	18,7	16,8	15,4	15,0	15,0	15,1	13,7	12,5	11,8	11,8	13,1
Нигерия	2,6	3,2	3,6	2,7	4,0	4,5	4,5	4,1	6,1	8,1	9,1
Сауд. Аравия	11,3	10,5	9,0	7,2	6,8	5,7	5,9	8,0	8,7	8,7	8,9

**По данным Евростата* [12].

Таблица 2.

Основные поставщики газа в ЕС (%)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Россия	43,6	40,7	39,3	38,7	37,6	33,1	32,1	34,9	34,9	41,2	37,5
Норвегия	24,3	23,8	25,9	28,1	28,4	29,4	27,5	27,3	31,2	30,0	31,6
Алжир	17,9	17,6	16,3	15,3	14,3	14,3	14,6	13,2	13,6	12,8	12,3

**По данным Евростата* [12].

Таким образом, наряду с нацеленностью Европейского Союза на охрану окружающей среды, существует задача снизить объем импортируемой из России энергии, эта задача декларируется практически в каждом документе, выпускающимся Европейской Комиссией на тему энергетики. Кроме того, высокая импортозависимость от российской энергии была провозглашена в 2014 году угрозой энергетической безопасности Европы.

Выводы. Из вышеупомянутых документов видно, что восполнять постепенный отказ от энергетических поставок из России Европейский Союз собирается путем увеличения объемов использования источников возобновляемой энергии, стимулированием разработки месторождений на территории ЕС и использованием атомной энергетики. Более того, перспективным направлением Европа считает развитие использования сниженного природного газа, транспортировка которого не требует прокладки трубопроводов и может осуществляться из дальних стран. Но все это требует значительных инвестиций и времени на развитие. Нестабильная политическая ситуация в некоторых африканских странах также не дает ЕС радикально снизить поставки энергии из России. Из всего этого следует, что, несмотря на то, что курс на снижение

импортозависимости от российской энергии был провозглашен, выполнение задач потребует еще значительного периода времени.

Материалы статьи могут использоваться в преподавании истории советской внешней политики и международных отношений периода Холодной войны и разработке новых исследований, имеющих целью изучение исторического и политико-правового опыта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Беспалов В.А. Договор о внутри германской торговле 1951 г. и западноберлинский транзит // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. 2008. №3.С. 118–130.

2. Hoffman D. Erdöl, Mais und Devisen: Die ostdeutsch-sowjetischen Wirtschaftsbeziehungen. De Gruyter Oldenbourg, 2016. S. 255.

3. Платошкин Н.Н. Попытка нового взгляда на экономическое соревнование ГДР и ФРГ // Федерализм. 2009. №1(53).С.119–134. ISSN: 2073-1051.

4. Нефтепровод "Дружба". Справочная информация. // rbc.ru. дата обновления 07.06.2008. URL: https://ria.ru/spravka/20070109/58705713.html (дата обращения: 01.08.2020).

5. Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken (12.08.1970), in: documentArchiv.de [Hrsg.], URL: http://www.documentArchiv.de/1970/moskauer-vertrag.html (дата обращения: 02.08.2020).

6. Oil Embargo, 1973–1974. The Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/milestones/1969-1976/oil-embargo (дата обращения: 03.08.2020).

7. Bericht und Antrag des Ausschusses für Wirtschaft (9. Ausschuß) 21.04.75. // Bundestag. URL: http://dipbt.bundestag.de/doc/btd/07/035/0703539.pdf (дата обращения: 04.08.2020).

8. International Energy Agency. 2012. P. 20 // iea.org URL: https: //www.iea.org/ publications/freepublications/publication/GermanyOSS.pdf (дата обращения: 05.08.2020).

9. Соглашение между СССР и Европейским экономическим сообществом и Европейским сообществом по атомной энергии о торговле и коммерческом и экономическом сотрудничестве. Из информац.банка «Международное право» URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=16948#0 (дата обращения: 06.08.2020).

10. Energie in Deutschland. Statistisches Bundesamt. 2006. URL: https://www.destatis.de/DE/PresseService/Presse/Pressekonferenzen/2006/Statistisches_Jahrbuch/Pressebroschuere_Energie.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 07.08.2020).

11. Energieimporte der EU-27. Bundeszentrale für Politische Bildung. URL: http://www.bpb.de/nachschlagen/zahlen-und-fakten/europa/135830/themengrafik-energieimporte-der-eu-27 (дата обращения: 08.08.2020).

12. European Energy Security Strategy. European Commission. Brussels, 28.05.2014. (дата обращения: 09.08.2020).

REFERENCES:

1. Bespalov V.A. *Dogovor o vnutri germanskoj torgovle 1951 g. i zapadnoberlinskij tranzit* // Retrospektiva: Vsemirnaya istoriya glazami molody`x issledovatelej. 2008. №3. S. 118–130.

2. Hoffman D. *Erdöl, Mais und Devisen*: *Die ostdeutsch-sowjetischen Wirtschaftsbeziehungen*. De Gruyter Oldenbourg, 2016. S. 255.

3. Platoshkin N.N. *Popy`tka novogo vzglyada na e`konomicheskoe sorevnovanie GDR i FRG* // Federalizm. 2009. №1(53).S.119–134 ISSN: 2073-1051.

4. *Nefteprovod "Druzhba"*. Spravochnaya informaciya. // rbc.ru. Data obnovleniya 07.06.2008, available at https://ria.ru/spravka/20070109/58705713.html (accessed 01 august 2020).

5. *Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken* (12.08.1970), in: documentArchiv.de [Hrsg.], available at http://www.documentArchiv.de/1970/moskauer-vertrag.html (accessed 02 august 2020).

6. *Oil Embargo, 1973–1974*. The Office of the Historian, available at https://history.state.gov/milestones/1969-1976/oil-embargo (accessed 03 august 2020).

7. *Bericht und Antrag des Ausschusses für Wirtschaft* (9. Ausschuß) 21.04.75. // Bundestag, available at http://dipbt.bundestag.de/doc/btd/07/035/0703539.pdf (accessed 04 august 2020).

8. International Energy Agency. 2012. P. 20 // iea.org available at https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/GermanyOSS.pdf (accessed 05 august 2020).

9. Soglashenie mezhdu SSSR i Evropejskim e`konomicheskim soobshhestvom i Evropejskim soobshhestvom po atomnoj e`nergii o torgovle i kommercheskom i e`konomicheskom sotrudnichestve. Iz informacionnogo banka "Mezhdunarodnoe pravo" available at http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=16948#0 (accessed: 06 august 2020).

10. *Energie in Deutschland*. Statistisches Bundesamt. 2006, available at https://www.destatis.de/DE/PresseService/Presse/Pressekonferenzen/2006/Statistisches_Jahrbuch/Pressebroschuere_Energie.pdf?_blob=publicationFile (accessed 07 august 2020).

11. *Energieimporte der EU-27*. Bundeszentrale für Politische Bildung, available at http://www.bpb.de/nachschlagen/zahlen-und-fakten/europa/135830/themengrafik-energieimporte-der-eu-27 (accessed 08 august 2020).

12. *European Energy Security Strategy*. European Commission. Brussels, 28.5.2014. (accessed 09 august 2020).

BOGDANOVA Nadezhda V. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnitcheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: nvbogdanova@spbstu.ru.

THE COOPERATION OF GERMANY AND THE USSR IN THE FUEL AND ENERGY SECTOR OF ECONOMY FROM 1945 TO 1990

This article analyzes the cooperation between Germany and the USSR in the period from 1945 to 1990. In the fuel and energy sector of the economy. The chosen research topic is relevant and promising, since cooperation between Russia and Germany is one of the most important areas of international relations, since cooperation between Russia and Germany in the field of energy is one of the most important areas of international relations. The purpose of the work is to determine the role of Russian energy in the German market in the period after World War II to the collapse of the USSR and to assess the role of political events on the prospects for the development of relations in the field of energy at the present stage. The article discusses the issues of cooperation between Russia and Germany in the field of energy on a multifaceted basis, examines the historical roots and traditions of the existing relations. In the middle of the 20th century, Russia became an important energy supplier to the German market. However, the concern for the environment began to play a huge role in German domestic politics. Having appeared in the early 80s, the Green Party is today a rather significant player in the political arena, and all other political parties at the moment are aware of the importance of the state of ecology, therefore, information related to this topic can be found both in the programs of German social democrats and conservatives alike. The result of the scientific study can be considered the conclusions drawn from the analysis of a number of historical documents and statistical analysis of the growth in consumption of Russian gas and oil during the Soviet period, despite the political differences between the two systems. Germany's interest in Russian energy and Russia's willingness to supply it was an important aspect of relations between the two countries. Energy relations have influenced the political relations of the two countries, contributing to the adoption of bilateral political agreements.

USSR; FRG; GDR; BIPOLAR SYSTEM; COLD WAR; ENERGY; TRADE AND ECONOMIC RELATIONS; TRADE; FUEL AND ENERGY SECTOR; IMPORT DEPENDENCE; ENERGY TURN

УДК: 94(510).07
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.11

Ли Цзинчэн

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ С 1860 ПО 1917 ГГ.

ЛИ Цзинчэн – ассистент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. E-mail: li_ts@spbstu.ru

Создание Русской духовной миссии в Пекине отвечало внешнеполитическим интересам Российской империи. Русская духовная миссия сыграла заметную роль в историческом развитии китайско-российских отношений. В течение многих лет она служила неофициальным представительством России в Китае, а также заложила основы для комплексного научного изучения Китая и подготовки российских китаеведов. Историю Русской духовной миссии можно условно разделить на первый этап (1715-1860 гг.) и второй этап (1860-1917 гг.). На протяжении 1715-1860 гг. деятельность Русской духовной миссии, помимо традиционной миссионерской и научно-образовательной деятельности, касалась дипломатических и торговых отношений между Россией и Китаем; а в период 1860-1917 гг. Русская духовная миссия была сосредоточена на сборе информации, распространении православия в Китае и научной деятельности. Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью детального исследования хронологического развития Русской духовной миссии в Пекине с 1860 по 1917 гг. в рамках китайско-русского культурного обмена, как на государственном, так и на народном уровне. Целью исследования является определение деятельности Русской духовной миссии в Пекине в указанный период. Методологической основой исследования является применение метода исторического анализа, который позволил проанализировать состав каждой миссии в соответствии с историческими документами и научной литературой России и Китая, а также выявить специфику ее деятельности. В статье в основном используются такие источники, как научные труды, монографии, печатные издания по истории Русской духовной миссии в Пекине, а также биографии членов миссии на русском и китайском языках. В результате проведенного исследования охарактеризован состав четырнадцатой (1858-1864 гг.), пятнадцатой (1864-1878 гг.),

шестнадцатой (1879-1883 гг.), семнадцатой (1883-1896 гг.) и восемнадцатой (1896-1931 гг.) Русской духовной миссии в Пекине, проанализировано разнообразие миссионерской и научной деятельности миссии, а также выявлены наиболее значимые события в жизни миссии и вклад ее членов (например, П.И. Кафарова, П.С. Адоратского и др.) в развитие китаеведения в России. В заключении отмечается, что до 1917 г. Русская духовная миссия в Пекине создала региональную епархию, имела приходские церкви во многих регионах Китая и другие имения в Пекине и провинциях. После 1917 г. церковь была отделена от государства и начался новый этап в развитии Русской духовной миссии в Пекине.

ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ; РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ПЕКИНЕ; КИТАЙСКО-РОССИЙСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН; ИСТОРИЯ КИТАЯ; КИТАЕВЕДЕНИЕ

Введение. 1860 г. был одним из самых сложных в новой истории Китая. В этом году закончилась Вторая Опиумная война между Китаем, Великобританией и Францией. По ее итогам был подписан неравноправный Пекинский договор – ряд двусторонних договоров между Китаем и Великобританией, Францией и Россией. В конце XIX века началось массовое народное восстание ихэтуаней или боксерское восстание против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религию Китая. Во время восстания многие церкви иностранных конфессий были разрушены или повреждены. В итоге восстание закончилось иностранной вооруженной интервенцией в Китай и подписанием новых неравноправных договоров между Китаем и западными державами [1, с. 13].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что историю Русской духовной миссии можно условно разделить на два этапа: первый этап (1715–1860 гг.) и второй этап (1860–1917 гг.). На протяжении 1715–1860 гг. деятельность Русской духовной миссии, помимо традиционной миссионерской и научно-образовательной деятельности, касалась дипломатических и торговых отношений между Россией и Китаем; а в период 1860–1917 гг. Русская духовная миссия была сосредоточена на сборе информации, распространении православия в Китае и научной деятельности [2; 3, с. 66; 4].

Целью исследования является определение деятельности Русской духовной миссии в Пекине в период 1860–1917 гг. Для достижения этой цели были поставлены следующие ***задачи***:

1) охарактеризовать состав четырнадцатой, пятнадцатой, шестнадцатой, семнадцатой и восемнадцатой Русской духовной миссии в Пекине;

2) проанализировать разнообразие миссионерской и научной деятельности миссии;

3) выявить наиболее значимые события в жизни миссии и вклад членов миссии в развитие китаеведения в России.

В ***методологической основе*** исследования лежит применение исторического анализа, позволившего по историческим документам и научной литературе России и Китая проанализировать состав каждой миссии, а также выявить особенности ее деятельности.

Результаты и обсуждения

Четырнадцатая Миссия (1858–1864 гг.). Иеромонах Гурий [5, с. 475–477] (в миру Григорий Платонович Карпов, 1814–1882 гг.) был членом 12-й Миссии с 1840 по 1850 гг. После 12-й Миссии Гурий вернулся в Россию, служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел России. 21 февраля 1851 г. иеромонах был рукоположен в сан архимандрита и определен смотрителем Александро-Невского духовного училища. В 1855 г. архимандрит Гурий был удостоен степени магистра богословия за работу «О богоучрежденности епископского сана».

25 августа 1856 г. Гурий был утвержден начальником 14-й Миссии в Пекине. В эту Миссию вошли: иеромонахи – Исаия (в миру Иван Федорович Поликин, 1830/31–1871 гг.) выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, Антоний (Люцернов), эконом Александро-Невского духовного училища, Александр (в миру Андрей Иванович Кульчицкий, 1823-1888 гг.); магистр Афанасий Попов (1828–1870 гг.); студенты Константин Павлинов и Николай Мраморнов; учитель Санкт-Петербургской третьей гимназии Дмитрий Пещуров; врач Петр Корниевский [6]; художник Лев Игорев [7, с. 96].

28 сентября 1858 г. 14-я Миссия прибыла в Пекин вместе с приставом П.Н. Перовским. Главным достижением Миссии стало признание китайской стороной Айгунского договора, подписанного в 1858 г. между Россией и Китаем, и заключение Пекинского договора в 1860 г. Архимандрит Гурий сыграл важную роль в этом достижении. Его глубокое знание китайского и

маньчжурского языков, истории и традиций Китая оказало значительную помощь Полномочному представителю России генерал-майору Николаю Павловичу Игнатьеву (1832–1908 гг.) в переговорах с китайской стороной [2]. Посредником в конфликте между Китаем, Великобританией и Францией выступал архимандрит Гурий [3, с. 75].

Архимандрит Гурий провел большую научную работу, впервые перевел Новый Завет на китайский язык, сделал переводы православной литературы [8; 9, с. 198; 10, с. 21]. Другие члены Миссии также плодотворно работали над китайскими исследованиями. В частности, иеромонах Исаия изучал конфуцианство, составил русско-китайский словарь для албазинцев. Иеромонах Антоний изучал китайское сельское хозяйство и литературу на эту тему. Он описал сельскохозяйственные орудия в Китае, которые не были известны для русских. Ученики Миссии занимались китайской экономикой, статистикой, правом, астрономией и др.

Миссия покинула Пекин в 1864 г. По возвращении все участники Миссии были награждены. Архимандрит Гурий участвовал в распространении православия в Симферопольской епархии, куда был переведен и рукоположен в епископский сан.

Пятнадцатая Миссия (1864–1878 гг.). 29 июля 1864 г. решением Святейшего Синода, бывший начальник 13-й Миссии архимандрит Палладий (в миру Кафаров Петр Иванович, 1817–1878 гг.) был назначен начальником 15-й Миссии. До этого назначения в течение четырех лет он служил настоятелем в церкви при Российском посольстве в Риме. В эти годы он изучал итальянский язык и древнюю христианскую историю. Архимандрит Палладий прибыл с Миссией в Пекин 25 марта 1865 г. [7, с. 110].

В 15-ю Миссию вошли иеромонахи Исаия, член предыдущей 14-й Миссии, Сергей (Артамонов) – экономом Санкт-Петербургской духовной академии, и Геронтий (Левицкий) – послушник Александро-Невской лавры. После ухода Сергея из Миссии в 1866 г. на его место прибыл священник Иоанн Рахинский. В 1874 г. в Миссию был назначен иеромонах Флавиан (Городецкий) [7, с. 110–111].

Назначение архимандрита Палладия начальником Миссии отвечало политическим интересам России. Он был большим знатоком китайской дипломатии и принимал активное участие в процессе заключения

Айгунского договора в пользу Российской империи [11]. Помимо дипломатических поручений, в его обязанности входила научная работа. В 1870 г. Палладий вместе с топографом Гавриилом Нахвальных был направлен Русским географическим обществом для исследования северо-восточных регионов Китая [12, с. 240]. На основе полученных данных он написал ряд статей, в том числе «Исторический очерк Уссурийского края», «Дорожные заметки от Пекина до Благовещенска». В 1871 г. он провел исследования о возможности строительства новых портовых сооружений на Тихоокеанском побережье [13]. После возвращения из экспедиций Палладий начал испытывать проблемы со здоровьем. По совету врачей он взял годовой отпуск и 2 октября 1878 г. покинул Пекин. Палладий отплыл в Россию через Европу, однако 6 декабря скончался от разрыва сердца в Марселе. Его останки были захоронены в Ницце на русском кладбище «Кокад» [7, с. 113–114]. На могиле был установлен мраморный памятник с надписью: «Архимандрит Палладий Начальник Пекинской Духовной Миссии. Род. 16-го Сент. 1817 г. Сконч. в Марсели 6 (18) Дек. 1878 г. Тридцать три года трудился в Китае на пользу церкви, отечества и науки» [14].

После смерти архимандрита Палладия было опубликовано несколько его работ: «Заметки Архимандрита Палладия о путешествии в Китай казака Петлина» (1892 г.), «Русское поселение в Китае в первой половине XIV века» (1894 г.), «Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по северному Китаю» (1902 г.) и др. Наиболее ценным из его работ является «Китайско-русский словарь» (1888 г.), завершенный Павлом Степановичем Поповым (1842–1913 гг.). П.С. Попов был старшим драгоманом (переводчиком) Императорской дипломатической миссии в Пекине. Этот словарь получил высокую оценку даже современных исследователей [15].

По словам академика АН СССР В.М. Алексеева, архимандрит Палладий (Кафаров) был «самым крупным синологом России и всего европейского мира XIX века. Первым ученым, применившим к синологии метод работы только по источникам, а не по стереотипичным информациям китайских энциклопедистов» [16, с. 286].

Научные интересы Палладия были очень велики, его интересовали история христианства в Китае («Старинные следы христианства в Китае»), история Кореи («Описание некоторых государственных учреждений и обычаев корейцев»), а также китайская живопись. Он написал фундаментальные статьи по буддизму: «Жизнеописание Будды», «Исторический очерк древнего Буддизма», «Учение Капилы» и «Очерк буддийских божеств». Его исторические труды включают, прежде всего, перевод «Секретной истории династии Юань», а также статьи «Старинное монгольское сказание о Чингиз-хане», «Путешествие даосского монаха Чанчунь на Запад», «О магометанах в Китае» и др. [10, с. 29; 17; 18; 19].

Шестнадцатая Миссия (1879–1883 гг.). 9 января 1879 г. указом Святейшего Синода иеромонах Флавиан был рукоположен в сан архимандрита и назначен начальником 16-й Миссии. Архимандрит Флавиан (в миру Николай Николаевич Городецкий, 1840–1915 гг.) происходил из дворянской семьи Городецких, рано потерял родителей. Среднее образование получил в орловской гимназии. С 1856 г. учился на юридическом факультете Московского университета. Однако, не окончив четвертый курс университета, он стал послушником Николо-Пешношского монастыря, а с декабря 1863 г. – послушником Московского Симонова монастыря. 17 февраля 1866 г. принял монашество с именем Флавиан. Годом позже в 1867 г. он был рукоположен в сан иеромонаха и переведен в Казанский Спасо-Преображенский монастырь. В середине 1873 г. был отправлен в Китай вместе с 15-й Миссией. После смерти архимандрита Палладия иеромонах Флавиан был рукоположен в сан архимандрита в Пекине [7, с. 111; 11].

В состав Миссии были включены три новых члена: Иеромонах Николай (в миру Петр Степанович Адоратский, 1849–1896 гг.), кандидат богословия, выпускник Казанской духовной академии; иеромонах Алексей (в миру Александр Николаевич Виноградов, 1845–1919 гг.), выпускник Санкт-Петербургской духовной семинарии, он получил образование в Археологическом институте и Академии художеств; священник Митрафан Цзи присоединился к Миссии по рекомендации Флавиана в 1882 г. Митрафан был первым китайцем, возведенным в сан священника. С 1864 г.

он служил в Миссии в качестве сотрудника, работал катехизатором и учителем [3, с. 80; 7, с. 116–117; 10, с. 25].

При Флавиане деятельность Миссии изменилась и была направлена на расширение православной аудитории в Китае [20]. Помимо Пекина, деятельность Православной церкви осуществлялась в г. Тяньцзине, Ханькоу и китайской Монголии. Для проведения богослужений на китайском языке миссионеры переводили, исправляли и переделывали богослужебную литературу: часослов, служебник, канонники [21]. С отличным знанием китайского языка архимандрит Флавиан переводил: «Объяснение православного богослужения», материалы для китайского словаря, «Указание пути в царство небесное» и «Краткое изложение христианской веры» [8].

Благодаря миссионерской работе архимандрита Флавиана, богослужение стало проводиться на китайском языке. Число православных китайцев из года в год увеличивалось. Помимо богослужений в Пекине, Тяньцзине и других городах, архимандрит Флавиан также занимался организационными и строительными вопросами, связанными с ремонтом помещений Миссии и строительством новых школ. Эта тяжелая работа подорвала его здоровье. В 1883 г. он обратился за разрешением вернуться в Россию. Святейший Синод удовлетворил его просьбу, но он не мог уехать, пока не прибыл новый начальник Миссии (это произошло только год спустя в мае 1884 г.). После возвращения в Россию архимандрит Флавиан занимал высокие должности в церковной иерархии. Он скончался в возрасте 76 лет, как митрополит Киевский и Галицкий в 1915 г.

Иеромонахи Николай и Алексей внесли большой вклад в изучение Русской духовной миссии и распространения Православия в Китае. После возвращения в Россию иеромонах Николай на протяжении 1884–1885 г. опубликовал ряд статей о положении и деятельности Миссии в Китае, а в 1887 г. издал книгу «Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования», изданную в двух выпусках в Казани. Этот хронологический труд охватывает период с момента появления в Пекине первых русских пленных – албазинцев в 1685 г. и первых священнослужителей в 1715 г., до начала XIX века. Работа была подана на соискание степени магистра богословия в Казанскую духовную академию,

а 7 января 1888 г. состоялась ее защита. В 1890 г. Николай был назначен епископом Новомиргородским, викарием Херсонской епархии. В 1895 г. он был утвержден епископом Оренбургским и Уральским, скончался в 1896 г.

Иеромонах Алексей покинул Миссию в 1898 г. после тяжелой психической болезни. По решению Святейшего Синода он был отправлен в Оптину пустынь, где и скончался. Находясь в монастыре, Алексей готовил к печати материалы о Миссии и Китае [22]. Он опубликовал ряд работ: «Труды западных христианских миссий в Китае» (1885 г.), «Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской духовной и дипломатической миссии в Пекине» (1889 г.), «Миссионерские диалоги М. Риччи с китайским ученым о христианстве и язычестве» (1889 г.) и др.

Семнадцатая Миссия (1883–1896 гг.). Иеромонах Амфилохий (в миру Александр Лутовинов, дата рождения не известна, а умер в 1905 г.) из Балаклавского Георгиевского монастыря Таврической епархии, был назначен начальником новой Миссии указом Святейшего Синода от 7 октября 1883 г. Он родился в дворянской семье в Курской губернии. После окончания Первой московской гимназии проучился в университете два года. В 1862 г. принял монашеский постриг. В ноябре 1883 г. рукоположен в сан архимандрита.

В состав 17-й Миссии входили [7, с. 127–129]: иеромонах Николай, член предыдущей Миссии, уехал в Россию в 1886 г. из-за болезни; иеромонах Платон (в миру Петр Сергеевич Грузов, 1843–1904 гг.), учился в Московской и Санкт-Петербургской духовной академии. С четвертого курса академии по указу Святейшего Синода был определен в Миссию. В школах преподавал Закон Божий и русский язык. За большую работу в Миссии был награжден набедренником, палицей, золотым наперсным крестом и орденом Святой Анны III степени; иеромонах Пимен (в миру Петр Сипягин), о нем очень мало сведений. Он окончил Восточный факультет Санкт-Петербургского университета. В 1892 г. принял монашество. Однако миссионерская и монашеская жизнь не принесла ему большие удовольствия. После ухода из Миссии он был женат и работал в российском консульстве в Португалии; иеромонах Амфилохий младший,

служил в Миссии в 1886–1892 и 1893–1896 гг.; иеромонах Иннокентий (в миру Александр Ольховский), служил в Миссии с 1889 г. по 1896 г. в Ханькоуской православной церкви; иеромонах Алексей (в миру Александр Николаевич Виноградов, 1845–1919 гг.), входил в состав 16-й Миссии; священник Николай Шастин, с 1895 г. служил в Ханькоуской православной церкви; китайский священник Митрафан Цзи, был оставлен от предыдущей Миссии, занимался переводами православной литературы на китайский язык.

В соответствии с положением Святейшего Синода, продолжительность каждой Миссии была установлена в десять лет. Однако у Амфилохия не было преемника в Миссии, он был продлен еще на три года. После прихода нового начальника архимандрита Иннокентия (Фигуровского), Амфилохий покинул Пекин в начале 1897 г. По возвращении в Россию он был назначен настоятелем московского Покровского монастыря. Хорошо владея китайским языком, он опубликовал основы китайской разговорной речи «Начатки грамматики китайского разговорного языка приспособительно к формам языка русского» (1898 г.). Ему принадлежит большой научный труд по истории христианства в Китае «Из истории христианства в Китае» (1898 г.).

Восемнадцатая Миссия (1896–1931 гг.). 3 октября 1896 г. архимандрит Иннокентий (в миру Иван Аполонович Фигуровский, 1863–1931 гг.) был назначен начальником 18-й Миссии [23]. 18-я Миссия была последней, утверждаемой Святейшим Синодом.

Иннокентий учился в Санкт-Петербургской духовной семинарии. В 1892 г. он получил степень кандидата богословия. Он работал ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии, а в 1894 г. был рукоположен в сан архимандрита [24]. Он побывал в Европе, посетил миссионерские учреждения и монастыри в Лондоне, Оксфорде, Париже, Риме и на Афоне. Архимандрит Иннокентий прибыл в Китай по морю, 1 марта 1897 г. он приехал в Шанхай и отправился в Тяньцзинь и Пекин [1, с. 29; 25].

В состав Миссии входили [7, с. 131–132]: китайский священник Павел Ван; китайский иеродиакон Иннокентий Фань; иеромонах Амфилохий младший, оставшийся из предыдущей Миссии; иеромонах Алексей (Виноградов), прослуживший несколько месяцев в новой Миссии,

был оставлен из предыдущей Миссии; иеромонах Николай (Дробязгин), служил в Миссии с 1897 г. по 1899 г.; иеромонах Авраамий (в миру Василий Васильевич Часовников, 1864–1918 гг.), окончил Академию художеств и Санкт-Петербургский археологический институт. В 1897 г. принял монашество, через год был направлен в Миссию, а в 1902 г. был возведен в сан архимандрита. Авраамий стал первым редактором журнала «Китайский благовестник», издававшегося на русском, китайском и английском языках Русской духовной миссией в Пекине с 1907 г. по 1918 г. Журнал издавался дважды в месяц (в 1911–1913 гг. ежемесячно) [17; 18]. Значительное место в деятельности Авраамия занимало изучение истории Миссии. Он является автором монографии «Краткая история Русской православной миссии в Китае», изданной Типографией Успенского монастыря в Пекине в 1916 г.; диакон Василий Скрижалин, окончил духовное училище и девять лет преподавал как сельский учитель. Он начал служить в Миссии в 1898 г.

В 1898 г. Миссия владела пятью храмами – Успенской церковью, Церковью Сретения Господня при Посольстве, Церковью во имя святителя Иннокентия Иркутского в Дундинъань, Александро-Невской церковью в Ханькоу и Свято-Троицкой церковью в Чжанцзякоу. Среди китайцев было 458 последователей православия, большинство из которых жили в Пекине [3, с. 86].

Судьба Миссии тесно связана с Боксерским восстанием, возникшим в конце XIX века. В 1900 г. восставшие захватили Пекин. Они сожги северное подворье Миссии «Бэй-гуань», библиотеку, школы и другие помещения Миссии. Были разрушены Свято-Софийской церковь и церковь в Дундинъань [9, с. 200]. Члены Миссии были вынуждены укрыться в южном подворье «Нань-гуань», где находилось Посольство России [26, с. 132]. Восставшие разрушили русское кладбище в Пекине, убили 222 православных жителя столицы, в том числе иеромонаха, псаломщика и несколько диаконов [1, с. 14; 3, с. 90; 9, с. 200].

В Санкт-Петербурге 3 июня 1902 г. архимандрит Иннокентий был рукоположен во епископа с титулом Переяславского, викария Владимирской епархии. Царским указом на восстановление разрушенных

помещений Миссии и православных церквей в Китае было выделено 18 тысяч лян из Боксерской контрибуции [1, с. 30–31; 16. с. 200].

По возвращении в Китай вместе с епископом Иннокентием прибыли еще 34 священнослужителя и специалиста. Среди них иеромонахи Леонтий (фон Вимпфен) и Неофит, основатели Совета Русской духовной миссии в Пекине; иеромонах Симон (в миру Сергей Андреевич Виноградов, 1876–1933 гг.), будущий начальник 20-й Миссии; священник Павел (Фигуровский, брат Иннокентия); иеродиаконы Николай (Милютин), Евлогий (Пашутин) и Иосиф; иеромонах Георгий [3, с. 92].

При восстановлении Свято-Софийской церкви епископ Иннокентий решил построить три прихода, колокольню, библиотеку, женский и мужской монастыри и семинарию [3, с. 98]. Для хозяйственных нужд были созданы: мукомольная мельница, молочная ферма, пасека, ткацкая фабрика, типография, огород и фруктовый сад. На вновь созданных сооружениях работали не только русские, но и китайцы. В основном они были учениками школ при Миссии [3, с. 9–102]. Работникам не выплачивалось вознаграждение, но им предоставлялось трехразовое питание. Дважды в год им давали одежду. Во время православных праздников работники получали награды [12, с. 252].

В период 18-й Миссии православие получило относительно широкое распространение среди китайского населения. Православие проникло в разные регионы Китая: на севере – Пекин и его окрестности, Тяньцзинь, Хэбэй, Шэньян, Люйшунь, Далянь, Харбин, Чанчунь, Цицикар и другие города; а на юге – Шайхай, Чжэцзян, Хубэй и др. В этих городах были открыты приходские церкви или молитвенные дома [9, с. 200]. По данным 1906 г., крестились 725 китайцев, а православных по всей стране насчитывалось около 30 тысяч. В 1907 г. Русская духовная миссия в Пекине имела в распоряжении 14 школ, 12 миссионерских пунктов, 2 церкви (в Люйшуне и Даляне) и 5 кладбищ; крестились 1304 китайца [12, с. 254–255]. По состоянию на 1909 г. в Русской духовной миссии было 39 человек, в том числе китайцев – 3 священника, 2 диакона, 1 монахиня и 1 послушник [1, с. 38].

Выводы. До 1917 г. Русская духовная миссия в Пекине основала Монгольскую и Синьцзянскую епархию, а также приходские церкви во многих регионах Китая, имела земельные участки и здания в Пекине и его

окрестностях, в провинциях Хэнане, Шаньдуне, Хубэе, Гуандуне, Цзянсу, Цзянси и китайской Монголии [1, с. 43]. За время своего существования Русская духовная миссия создала в Китае 37 храмов, более 40 приходских помещений, 1 семинарию (в Пекине), 20 школ для мальчиков и девочек библиотеки, фабрики, мастерские, типографии и кладбища. Тогда стоимость принадлежащих Миссии учреждений оценивалась в 1,5 миллиона рублей [9, с. 200]. После 1917 г. церковь была отделена от государства, и начался новый этап развития Русской духовной миссии в Пекине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Священник Дионисий Поздняев.** Православие в Китае. М.: Издательство Свято-Владимирского Братства. 1998. 277 с.
2. **Сяо Юйцю肖玉秋.** Шилунь эго дунчжэнцзяо чжубэйцзин чуаньцзяошитуань вэньхуа юй вайцзяо ходун 试论俄国东正教驻北京传教士团文化与外交活动 [К вопросу о культурной и дипломатической деятельности Русской духовной миссии в Пекине] // Шицзе лиши. 2005. № 6. С. 66-75. *(на китайском языке).*
3. Православие в Китае. М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2010. 256 с.
4. **Сяо Юйцю肖玉秋.** 1917 Няньцянь эго гуаньюй чжубэйцзин чуаньцзяотуань чжэнцэ дэ яньбянь 1917年前俄国关于驻北京传教团政策的演变 [Развитие российской политики в отношении Русской духовной миссии в Пекине до 1917 года] // Нанькай сюэбао. 2013. № 1. С. 68-78. *(на китайском языке).*
5. Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XIII. 752 с.
6. **Го Вэньшэнь郭文深.** Эго дунчжэнцзяо чжубэйцзин чуаньцзяошитуань ишэн каолюэ 俄国东正教驻北京传教士团医生考略 [Исследования по врачам Русской духовной миссии в Пекине] // Шицзе цзунцзяо вэньхуа. 2012. № 6. С.36-40. *(на китайском языке).*
7. Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / сост. Б.Г. Александров. М.; СПб.: Альянс-Археo, 2006. 264 с.
8. **Сяо Юйцю肖玉秋.** Эго чжубэйцзин чуаньцзяошитуань дунчжэнцзяо цзиншу ханьи юй каньинь ходун шулюэ 俄国驻北京传教士团东正教经书汉译与刊印活动述略 [К вопросу о деятельности Русской духовной миссии в Пекине в области перевода православной литературы на китайский язык и издания] // Шицзе цзунцзяо яньцзю . 2006. № 1. С. 93-103. *(на китайском языке).*
9. **Юэ Фэн乐峰.** Дунчжэнцзяо ши东正教史 [История православия]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1999. 366 с. *(на китайском языке).*

10. Сборник материалов выставки / Благовещенская епархия РПЦ. Благовещенск: Изд-во ОАО «Амурская ярмарка», 2013. 68 с.
11. Куликов А.М. Китаеведческая и дипломатическая деятельность архимандрита Палладия (Кафарова). Москва, 2016. С. 130.
12. Чжан Суй 张绥. Дунчжэнцзяо хэ дунчжэнцзяо цзай чжунго东正教和东正教在中国 [Православие и православие в Китае]. Шан¬хай: Сюэлинь чубаньшэ, 1986. 345 с. *(на китайском языке).*
13. Из журнала путешествия П. И. Кафарова (июнь 1870 г. – май 1871 г.) // Новые материалы о путешествии П. И. Кафарова по Дальнему Востоку в 1870–1871 гг. // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Ч. 3. М., 1979. С. 112–128.
14. И.Н. Заметка о покойном архимандрите Палладии, начальнике православной миссии в Пекине // Православный собеседник. 1884. Июнь. С. 248–252.
15. Хохлов А.Н. Китайско-русский словарь П.И. Кафарова – П.С. Попова в оценке современников (По архивным материалам). – Китайское языкознание. VIII Международная конференция. Материалы. Москва, 25–26 июня 1996 г. М., 1996, С. 156–160.
16. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. Москва: Наука, 1977. 505 с.
17. Чэн Чжэнь, Ли Цзыюань 程真, 李滋媛. Готу цзан эго дунчжэнцзяо бэйцзин цзяошитуань вэньсянь каолюэ 国图藏俄国东正教北京教士团文献考略 [Исследования по литературам Русской духовной миссии в Пекине, сохраняемым в Национальной библиотеке)] // Гоцзя тушугуань сюэкань. 2008. № 2. С. 84-88. *(на китайском языке).*
18. Юэ Фэн乐峰. Дунчжэнцзяо юй чжунго вэньхуа 东正教与中国文化 [Православие и китайская культура] // Шицзе цзунцзяо вэньхуа. 2002. № 3. С. 47-48. *(на китайском языке).*
19. Тань Шулинь 谭树林. Бэйцзин чуаньцзяошитуань юй эго цзаоци ханьсюэ 北京传教士团与俄国早期汉学 [Духовная миссия в Пекине и китаеведение раннего периода в России] // Шаньдун шифань дасюэ сюэбао. 2002. № 5. С. 99-101. *(на китайском языке).*
20. Хохлов А.Н. Флавиан Городецкий (1840–1915) – глава Российской духовной миссии в Пекине и иерарх Русской Православной Церкви // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Белгород, 1999. С. 86-89.
21. Хохлов А.Н. Российская православная миссия в Пекине и китайские переводы христианских книг. – Китайское языкознание. VIII Международная конференция. Материалы. Москва, 25–26 июня 1996 г. М., 1996, С. 161.
22. Чигринский М.Ф. Иеромонах Алексий (Виноградов) в Оптиной пустыни // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 54-62.
23. Светлой памяти митрополита Иннокентия // Китайский благовестник. 1935. № 3. С. 27-32.

24. Материалы о митрополите Пекинском Иннокентии (Фигуровском) // Китайский Благовестник. 2002. №. 2. С. 154-160.
25. Дацышен В.Г. Епископ Иннокентий (Фигуровский): начало нового этапа в истории российской духовной миссии в Пекине // Китайский Благовестник. 2000. № 1. С. 27-39.
26. Авраамий 阿夫拉阿米 (сост.), Лю Жомэй 柳若梅 (пер. на кит. яз.). Лишишан бэйцзин дэ эго дунчжэнцзяо шитуань 历史上北京的俄国东正教使团 [Краткая история Русской православной миссии в Китае]. Чжэнчжоу: Дасян чубаньшэ, 2016. 259 с. *(на китайском языке).*

REFERENCES:

1. Svjashhennik Dionisij Pozdnjaev. *Pravoslavie v Kitae*, Moscow, Izdatel'stvo Svjato-Vladimirskogo Bratstva, 1998, 277 p.
2. Sjao Jujcju肖玉秋. *Shilun' jego dunchzhjenczjao chzhubjejczin chuan'czjaoshituan' vjen'hua juj vajczjao hodun* 试论俄国东正教驻北京传教士团文化与外交活动 [*K voprosu o kul'turnoj i diplomaticheskoj dejatel'nosti Russkoj duhovnoj missii v Pekine*], Shicze lishi, 2005, № 6, P. 66–75. *(in China)*
3. *Pravoslavie v Kitae*, Moscow, Otdel vneshnih cerkovnyh svjazej Moskovskogo Patriarhata, 2010. 256 p.
4. Sjao Jujcju肖玉秋. *1917 Njan'cjan' jego guan'juj chzhubjejczin chuan'czjaotuan' chzhjencje dje jan'bjan'* 1917年前俄国关于驻北京传教团政策的演变 [*Razvitie rossijskoj politiki v otnoshenii Russkoj duhovnoj missii v Pekine do 1917 goda*], Nan'kaj sjujebao, 2013, № 1, P. 68–78.
5. *Pravoslavnaja jenciklopedija*, Moscow, Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaja jenciklopedija», 2006, T. XIII, 752 p.
6. Go Vjen'shjen'郭文深. *Jego dunchzhjenczjao chzhubjejczin chuan'czjaoshituan' ishjen kaoljuje* 俄国东正教驻北京传教士团医生考略 [*Issledovanija po vracham Russkoj duhovnoj missii v Pekine*], Shicze czunczjao vjen'hua, 2012, № 6, P.36–40.
7. *Bjej-guan'*: *Kratkaja istorija Rossijskoj duhovnoj missii v Kitae*, comp. B.G. Aleksandrov, Moscow, St. Petersburg, Al'jans-Arheo, 2006б 264 p. *(in China)*
8. Sjao Jujcju肖玉秋. *Jego chzhubjejczin chuan'czjaoshituan' dunchzhjenczjao czinshu han'i juj kan'in' hodun shuljuje* 俄国驻北京传教士团东正教经书汉译与刊印活动述略 [*K voprosu o dejatel'nosti Russkoj duhovnoj missii v Pekine v oblasti perevoda pravoslavnoj literatury na kitajskij jazyk i izdanija*], Shicze czunczjao jan'czju, 2006, № 1, P. 93–103. *(in China)*
9. Juje Fjen乐峰. *Dunchzhjenczjao shi*东正教史 [*Istorija pravoslavija*], Pekin: Chzhungo shjehujej kjesjuje chuban'shje, 1999, 366 p. *(in China)*
10. *Sbornik materialov vystavki*, Blagoveshhenskaja eparhija RPC, Blagoveshhensk: Izd-vo OAO «Amurskaja jarmarka», 2013, 68 p.

11. Kulikov A.M. *Kitaevedcheskaja i diplomaticheskaja dejatel'nost' arhimandrita Palladija* (*Kafarova*), Moscow, 2016, P. 130.
12. Chzhan Suj张绥. *Dunchzhjenczjao hje dunchzhjenczjao czaj chzhungo*东正教和东正教在中国 [*Pravoslavie i pravoslavie v Kitae*], Shanhaj: Sjujelin' chuban'shje, 1986б 345 p. *(in China)*
13. *Iz zhurnala puteshestvija P. I. Kafarova* (*ijun' 1870 g. – maj 1871 g.*), Novye materialy o puteshestvii P.I. Kafarova po Dal'nemu Vostoku v 1870–1871 gg., P.I. Kafarov i ego vklad v otechestvennoe vostokovedenie (k 100-letiju so dnja smerti), Ch. 3, Moscow, 1979, P. 112–128.
14. *I. N. Zametka o pokojnom arhimandrite Palladii, nachal'nike pravoslavnoj missii v Pekine*, Pravoslavnyj sobesednik, 1884, Ijun', P. 248–252.
15. Hohlov A.N. *Kitajsko-russkij slovar' P.I. Kafarova – P.S. Popova v ocenke sovremennikov (Po arhivnym materialam)*, Kitajskoe jazykoznanie, VIII Mezhdunar. konferencija, Materialy, Moscow, 25–26 ijunja 1996 g. M., 1996, P. 156–160.
16. Skachkov P.E. *Ocherki istorii russkogo kitaevedenija*, Moscow, Nauka, 1977, 505 p.
17. Chjen Chzhjen', **Li Czyjuan'** 程真, 李滋媛. *Gotu czan jego dunchzhjenczjao bjejczin czjaoshituan' vjen'sjan' kaoljuje* 国图藏俄国东正教北京教士团文献考略 [*Issledovanija po literaturam Russkoj duhovnoj missii v Pekine, sohranjaemym v Nacional'noj biblioteke)*], Goczja tushuguan' sjujekan', 2008, № 2, P. 84–88. *(in China)*
18. Juje Fjen乐峰. *Dunchzhjenczjao juj chzhungo vjen'hua* 东正教与中国文化 [*Pravoslavie i kitajskaja kul'tura*], Shicze czunczjao vjen'hua, 2002, № 3, P. 47–48.
19. Tan' Shulin' 谭树林. *Bjejczin chuan'czjaoshituan' juj jego czaoci han'sjuje* 北京传教士团与俄国早期汉学 [*Duhovnaja missija v Pekine i kitaevedenie rannego perioda v Rossii*], Shan'dun shifan' dasjuje sjujebao, 2002, № 5, P. 99–101. *(in China)*
20. Hohlov A.N. *Flavian Gorodeckij* (*1840–1915*) *– glava Rossijskoj duhovnoj missii v Pekine i ierarh Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*, Nauchno-bogoslovskie trudy po problemam pravoslavnoj missii, Belgorod, 1999, P. 86–89.
21. Hohlov A.N. *Rossijskaja pravoslavnaja missija v Pekine i kitajskie perevody hristianskih knig*, Kitajskoe jazykoznanie, VIII Mezhdunarodnaja konferencija, Materialy, Moscow, 25–26 ijunja 1996 g. Moscow, 1996, P. 161.
22. Chigrinskij M.F. *Ieromonah Aleksij (Vinogradov) v Optinoj pustyni*, Pravoslavie na Dal'nem Vostoke: 275-letie Rossijskoj duhovnoj missii v Kitae, SPb., 1993, P. 54–62.
23. *Svetloj pamjati mitropolita Innokentija*, Kitajskij blagovestnik, 1935, № 3, P. 27–32.
24. *Materialy o mitropolite Pekinskom Innokentii* (*Figurovskom*), Kitajskij Blagovestnik, 2002, №. 2, P. 154–160.
25. Dacyshen V.G. *Episkop Innokentij* (*Figurovskij*): *nachalo novogo jetapa v istorii rossijskoj duhovnoj missii v Pekine*, Kitajskij Blagovestnik, 2000, № 1, P. 27–39.
26. Avraamij 阿夫拉阿米 (comp.), **Lju Zhomjej** 柳若梅 (per. na kit. jaz.). *Lishishan bjejczin dje jego dunchzhjenczjao shituan'* 历史上北京的俄国东正教使团 [*Kratkaja istorija Russkoj pravoslavnoj missii v Kitae*]б Chzhjenchzhou: Dasjan chuban'shje, 2016б 259 p.

LI Jingcheng – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnitcheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: li_ts@spbstu.ru

FROM THE HISTORY OF THE RUSSIAN ECCLESIASTICAL MISSION IN BEIJING FROM 1860 TO 1917

The creation of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing was in the foreign policy interests of the Russian Empire. The Russian Ecclesiastical Mission played a significant role in the historical development of China-Russia relations. For many years, it served as Russia's unofficial representative office in China and laid the foundations for comprehensive scientific study of China and the training of Russian sinologists. The history of the Russian Ecclesiastical Mission can be divided into the first stage (1715-1860) and the second stage (1860-1917). Throughout 1715-1860, the activities of the Russian Ecclesiastical Mission, in addition to the traditional missionary, scientific and educational activities, concerned diplomatic and trade relations between Russia and China; and in the period 1860-1917, the Russian Ecclesiastical Mission focused on collecting information, spreading Orthodoxy in China and scientific activities. The relevance of this article is due to the need for detailed research into the chronological development of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing from 1860 to 1917 as part of the China-Russia cultural exchange, both at the state and people levels. The aim of the study is to define the activities of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing during this period. The methodological basis for the study is the application of the historical analysis method, which made it possible to analyse the structure of each mission in accordance with the historical documents and scientific literature of Russia and China, and to identify the specifics of its activities. The article mainly uses sources such as scientific papers, monographs, printed publications on the history of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing, as well as biographies of mission members in Russian and Chinese languages. As a result of the study, the structure of the 14th (1858-1864), 15th (1864-1878), 16th (1879-1883), 17th (1883-1896) and 18th (1896-1931) Russian Ecclesiastical Mission in Beijing was described, the diversity of missionary and scientific activities of the mission was analyzed, and the major events in the life of the mission and the contribution of its members (for example, P.I. Kafarov, P.S. Adoratsky, etc.) to the development of Chinese studies in Russia were identified. In conclusion, it is noted that until 1917, the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing established a regional diocese, had churches in many regions of China and other estates in Beijing and provinces. After 1917, the Church was separated from the state and a new stage in the development of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing had begun.

HISTORIOGRAPHY OF THE RUSSIAN ECCLESIASTICAL MISSION IN BEIJING; CHINA-RUSSIA CULTURAL EXCHANGE; HISTORY OF CHINA; CHINA STUDIES

УДК: 327
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.12

С.Н. Погодин

СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ И РОССИЯ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, директор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.
E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru

Отношения между странами Северной Европы и Россией имеют давнюю историю, начало которой относится к средневековью. Сложными отношениями между странами стал период Северной войн, в последствии Дания и Швеция с пониманием отнеслись к новой роли России в Балтийском регионе. В XX веке СССР активно участвовал в освобождении стран Северной Европы от немецко-фашистских захватчиков. Серьезным испытанием для стран стал период «Холодной войны». Конец XX века был ознаменован формированием новой системы международных отношений, наблюдался процесс развития демократических институтов между странами. Однако в этот период появились разногласия между странами. Россия согласилась использовать модель либеральной демократии стран Северной Европы, для совершенствования своих институтов власти. Российская точка зрения заключалось в том, чтобы западная идеология не должна заменять национальные интересы России в ближнем зарубежье. Позиция Россия по ущемлению прав русского населения в странах Балтии, не была принята странами Северной Европы, так как они считали эту позицию как имперскую. Одновременно Россия не принимала позицию Швеции и Финляндии по увеличению военных бюджетов. События 2014 года существенно изменили отношения между странами. Дания, Норвегия и Швеция выступили с критикой политики России на Украине. Эти стран приняли существенные мер по оказанию помощи Украине. Существенным разногласием между странами Северной Европы и Россией стал сирийский кризис. Оба этих кризиса привели к ухудшению отношений между странами. Подводя итоги отношений между странами Северной Европы и Россией следуют отметить: Дания, Норвегия, Швеция вступили с резкой критикой внешнеполитического курса России, позиция Финляндии была более сдержанной, руководствуясь прагматическими экономическими интересами. Но

страны Северной Европы и Россия заинтересованы в сотрудничестве и сближении. Однако для этого предстоит много что сделать.

СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ; ДАНИЯ; НОРВЕГИЯ; ШВЕЦИЯ; ФИНЛЯНДИЯ; РОССИЯ; КРИЗИС НА УКРАИНЕ; МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Актуальность. Отношения между странами Северной Европы и Россией имеют важное значение для Европейского континента. Изучение этих отношений способствует стабильности и развитию мира в регионе.

Цели и задачи. Изучить историю отношений между странами Северной Европы и Россией за последние три века. Дать подробный анализ отношений этих стран в регионе в конце XX – начале XXI века.

Отношения между странами Северной Европы и Россией формировались многими веками – торговые, экономические, культурные и научные связи всегда объединяли страны этого региона. Наивысшим историческим этапом отношений между Северной Европой и Россией можно считать период Ганзейского союза [1; 46]. В нем активно участвовали датские, шведские, норвежские и русские города: Великий Новгород [2], Псков [3. с. 305–309].

Серьезным испытанием в отношениях между странами Северной Европы и Россией стала Северная война. Укрепление позиций России на Балтийском море вызвали негативную реакцию Швеции и Дании. Однако впоследствии Стокгольм и Копенгаген с пониманием отнеслись к роли России в регионе.

В начале XIX века Россия способствовала созданию государственности Финляндии, создав автономное Великое княжество Финляндское [4]. Важным фактором развития добрососедских отношений между странами были династические браки, примером может служить брак цесаревича Александра, будущего царя Александра III и датской принцессы Дагмар, будущей царицы Марии Федоровны.

В XX веке СССР принимал самое активное участие в освобождении стран Северной Европы от немецкого фашизма. Советские солдаты принимали непосредственное участие в освобождении северной части Норвегии от немецко-фашистских захватчиков [5, с. 226–234].

Период «Холодной войны» отложил отпечаток на отношения между странами Северной Европы и тогда СССР. Три страны Северной Европы:

Исландия, Дания и Норвегия вступили в НАТО, два последних государства принимали участие в разработке военных планов на случай конфликта с СССР [6]. Швеция и Финляндия объявили о своем нейтралитете. Особое положение занимала Финляндия, ее суверенитет был ограничен договором 1948 года с Советским Союзом. По этому договору обе страны не могли заключать какие-либо союзы или участвовать в каких-либо коалициях, если предполагаемый союз или коалиция была направлена против другой стороны договора.

Против укрепления сотрудничества между странами Северной Европы и Советским Союзом, и желанием изменения внешнеполитического курса Финляндии, была разработана западными средствами массовой информации концепция, получившая название «Финляндизация» [7]. Под ней подразумевалось, что страны, которые берут пример с Финляндии, сотрудничая с СССР, вскоре утрачивают свой суверенитет и становятся зависимыми от Советского Союза.

Страны Северной Европы разработали концепцию «Северного баланса». Она включает концепции национальных безопасностей стран региона, как гарантии мира и стабильности на Севере Европы [8], что способствовало дальнейшему развитию сотрудничества, отдельных стран региона с Россией, одним из примеров такого сотрудничества стало «Северное измерение», предложенное Финляндией [9].

Распад СССР способствовал пересмотру внешней политики стран Северной Европы по отношению к новой России. Этот пересмотр проявился, прежде всего, в переоценке политики нейтралитета Швеции и Финляндии. Швеция стремилась не закреплять за собой статус нейтральной страны, для отстаивания права самостоятельно определять политику нейтралитета в каждом отдельно взятом случае. По договору 1948 года между СССР и Финляндией, Финляндия настаивала на своей политике нейтралитета в мирное время. Однако это не всегда воспринималось с пониманием со стороны Советского Союза. После 1991 года этот договор прекратил свое существование и статус Финляндии как нейтральной страны не вызывал сомнения со стороны России.

В конце 90-х годов XX века, благодаря изменившимся политическим условиям, сформировалась новая система международных отношений,

построенная на принципах стабильности, доверия и развития. Это в свою очередь привело к учреждению и развитию демократических институтов, которые способствовали сближению политических систем стран Северной Европы и России. Такими учреждениями стали «Совет государств Балтийского моря» (СГБМ) и «Совет Баренцева / Евроарктического региона» (СБЕР) [10]. Важным элементом в этом направлении стало создание общего пространства развития, получившее название «Северное измерение» [11].

Однако именно на этом этапе стали возникать серьезные противоречия между странами Северной Европы и Россией. Россия согласилась принять западную либеральную модель демократии, для создания и развития российских органов местного самоуправления и институтов власти. Но при этом Россия не согласилась, чтобы западная идеология заменила национальное самосознание, религиозные нормы, которые приведут к отказу России от своих национальных интересов в ближнем зарубежье.

Страны Северной Европы не хотели понимать позицию России по вопросу ущемления прав русского населения в странах Балтии [12]. Они считали эту позицию проявлением имперской политики, которая, по их мнению, должна остаться в прошлом.

В свою очередь Россия не понимала, почему военные бюджеты Швеции и Финляндии значительно выросли, хотя военный потенциал России значительно уменьшился после распада СССР [13]. Так же Россия не понимала, почему после вывода советских войск из стран Балтии, не последовала нормализация отношений со странами Северной Европы, а наоборот возникли обострения в экономической, гуманитарной и политической сферах. Россия надеялась, что страны Северной Европы, помогающие в становлении молодой демократии в странах Балтии, убедят их в необходимости обеспечения равных прав для русскоязычного населения [14]. Для России было непонятным вступление Прибалтийских стран в НАТО и объяснение этого действия российской угрозой [15].

Швеция и Финляндия присоединились к «Декларации Европейского Союза о солидарности» [16]. Суть данной декларации сводится к следующему: согласно Лиссабонскому договору, подписанному в

2007 году, страны Европейского Союза обязаны в случае военной угрозы в отношении одного из члена Союза оказать ему помощь и содействие всеми возможными средствами. Следует отметить, что Европейский Союз не является военным образованием, он не может брать на себя такие обязательства. Однако, при возникновении военного конфликта против государства, входящего в Европейский Союз, но которое не входит в военные союзы (например, Швеция или Финляндия), эти страны могут рассчитывать на помощь членов ЕС. Такое положение изменяет смысл концепции неприсоединения к военным блокам – Финляндии [17] и Швеции не нужно вступать в НАТО [18].

Если сравнить «Декларацию Европейского Союза о солидарности» со Статьей 5 Вашингтонского договора о создании НАТО, по которой «Договаривающиеся стороны соглашаются с тем, что вооруженное нападение на одну или нескольких из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом, и, следовательно, соглашаются с тем, что в случае если подобное вооруженное нападение будет иметь место, каждая из них, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемого Статьей 51-й Устава Организации Объединенных Наций, окажет помощь Договаривающейся стороне, подвергшейся, или Договаривающимся сторонам, подвергшимся подобному нападению, путем немедленного осуществления такого индивидуального или совместного действия, которое сочтет необходимым, включая применение вооруженной силы с целью восстановления и последующего сохранения безопасности Североатлантического региона» [19], принципиальных отличий нет. Военная агрессия против страны, которая является членом Европейского Союза и НАТО в современных условиях, сведена на нет.

Отношения между странами Северной Европы и Россией, несмотря на спады, за последние десять лет продолжали плодотворно развиваться. С 2006 года возобновилась программа «Северное измерение», в которой Россия стала играть активную роль [20]. Были определены новые совместные проекты в области транспорта и логистики, в области культуры.

В 2008 году Россия выступила на стороне Абхазии и Южной Осетии, страны Северной Европы поддержали Грузию. Министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт, отвечая на вопросы «Интерфакса» 30 июля 2009 года ответил: «Мы постоянно призываем к неукоснительному выполнению мирного соглашения, заключенного в августе прошлого года при посредничестве ЕС. Оно до сих пор не выполнено, причем в большей степени Россией. Мы этим крайне озабочены и постоянно поднимаем эту тему в нашем диалоге с Россией. Говорим о ней всякий раз, когда встречаемся на разных дипломатических уровнях» [21].

В мае 2009 года в Праге проходил саммит стран Европейского Союза, который объявил о создании «Восточного партнерства» [22]. Саммит принял документ, в котором отмечалось: «Главной целью Восточного партнерства является создание необходимых условий для ускорения политической и экономической интеграции между Европейским союзом и заинтересованными странами-партнерами» [23]. Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдавия и Украина были объявлены странами-партнерами. Главной задачей для этих стран ставилось решение политических и социально-экономических реформ. Таким образом, целью данного проекта была постепенная интеграция постсоветского пространства в западные институты. Для многих политологов стало очевидным, что данная программа становилась конкурентным проектом между Европейским Союзом и Россией за политическое влияние на постсоветском пространстве [24].

Активное участие в этом проекте приняла Швеция, на тот момент председатель Европейского Союза. Деятельность Швеции в проекте «Восточное партнерство» рассматривается, как способность внести свой вклад в развитие стабильности и безопасности региона [25].

Существование двух проектов «Северное измерение» и «Восточное партнерство» не означало расхождения во взглядах Швеции и Финляндии к России. Однако у этих стран была разная тактика. Проект «Северное измерение», инициированный Финляндией, был направлен на осторожную демократизацию России. Проект «Восточное партнерство», который активно поддерживала Швеция, был направлен на усиление влияния на страны, которые были в составе СССР [26].

События на Украине в 2014 году стали новым кризисным этапом в отношениях между странами Северной Европы и Россией. Вхождение Крыма в состав России, в результате проведенного всеобщего референдума на полуострове 16 марта 2014 года [27], страны Северной Европы не признали. Действия России они трактовали как нарушение международного права и поддержали резолюцию ООН «О территориальной целостности Украины» [28]. Данная резолюция не признавала результаты референдума. Российская Федерация оценивает события на Украине и в частности в Донбассе как внутренний вопрос. Позиция стран Северной Европы, противоположная. Они рассматривают действия России как интервенцию.

Страны Северной Европы активно выступают в международных организациях против политики России. Они выступили за осуждающие резолюции по действиям России на Украине в Организации Объединенных Наций, ОБСЕ, Европарламенте. В Европейском Союзе они поддержали введение санкций против России, и их позиция была очень жесткой.

Комментируя результаты кризиса на Украине, Президент Финляндии Саули Нийнистё отметил: «Мы стучимся во «врата холодной войны». Юхана Аунеслуома, сотрудник университета Хельсинки, отметила, что Саули Нийнистё: «Вероятнее всего, он тем самым продемонстрировал свою озабоченность, охлаждением отношений между Западом и Востоком» [29, с. 105].

Позицию Норвегии на ситуацию на Украине прокомментировала Премьер-министр страны Эрна Сульберг, она подчеркнула: «это Россия нагнетает напряженность, а НАТО ведет себя скромно» [30]. Более определенно высказался Министр иностранных дел Норвегии Бёрге Бренде. Он напомнил, что санкции действуют, после того как Крым был присоединен к Российской Федерации и действий России в восточных регионах Украины, назвав эти действия – «нарушениями международного права» [31].

Очень интересное заявление сделали представители Дании, подчеркнув, что Президент Российской Федерации В.В. Путин: «Помог разрешить экзистенциальную проблему НАТО, которая ввиду сложной ситуации на Украине получила новое дыхание» [32]. Тем самым она способствовала объединению стран членов Альянса.

Более жесткую позицию по украинскому вопросу заняла Швеция. Это было связано сформированием партийно-политического и общественного консенсуса. Проведенный в 2014 году социологический опрос среди населения страны показал, что 70% опрошенных выступили за оказание всесторонней помощи Украине, даже при угрозе конфликта с Россией [33, p. 32]. В 2017–2018 годах Швеция была членом Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, в этой роли она оказывала существенное влияние на «проукраинскую» повестку работы этой организации. По мнению отечественного политолога В.В. Воротникова: «Основные цели шведской помощи Украине – укрепление интеграции с ЕС за счет реформ в сферах государственного управления, прав человека, рационального использования природных ресурсов, защиты окружающей среды, а также системного экономического реформирования» [34, с. 20].

Посол Швеции в России Петер Эриксон, в интервью «Интерфаксу» 26 августа 2019 года на вопрос корреспондента «В марте этого года Служба государственной безопасности Швеции в ежегодном докладе назвала Россию одной из основных угроз Швеции. Вы разделяете эту позицию?», ответил: «"угроза" Швеции со стороны иностранных разведок это Россия, далее идут Иран и Китай… нелегальная аннексия Крыма Россией и продолжающееся военное вмешательство России в восточной Украине показали, что все эти системы не могут нас спасти от оккупации, присоединения части соседней страны большим соседом… Поэтому мы делаем вывод, что уровень безопасности в Европе сейчас ниже, чем до Крыма. Это не значит, что мы ожидаем атаку от России завтра, это совсем не так. Просто оказалось, что полагаться на одну только систему европейской безопасности нельзя, поэтому после 2014 года военные расходы Швеции растут… Еще раз подчеркну, что мы не ощущаем прямую сиюминутную угрозу: просто мы, как и все другие страны, должны защищать свою территорию» [35]. На вопрос «Лично вы как считаете, можно ли в ближайшем будущем ожидать значительного улучшения отношений Швеции и России, достижения невиданно высокого уровня? Насколько вы оптимистичны?», посол ответил: «Я оптимистичен, но не думаю, что будут большие моментальные перемены. Я думаю, что это

долгосрочная работа. Разногласия вокруг Крыма останутся еще надолго, но по всем другим направлениям мы можем очень много сделать» [35].

Страны Северной Европы разработали конкретные меры по оказанию помощи Украине. Швеция приняла программу «Results strategy for Sweden`s reform cooperation with Eastern Europe, the Western Balkans and Turkey for 2014–2020» [36] (Стратегия результатов сотрудничества Швеции в области реформ с Восточной Европой, Западными Балканами и Турцией на 2014–2020 годы). Правительство Дании в 2014 году приняло пятилетний план для Украины «Пакт роста». По этому «Пакту» было выделено 4,5 млн. долларов на период с 2015 по 2019 годы для привлечения инвестиций в экономику Украины, главным образом для развития частного сектора [37]. Как член НАТО, Дания ассигновала около 1,2 млн. долларов на финансирование программы «Logistics and Standartisation Trust Fund; C4 Trust Fund; Defence Education Enhancement Programme; Professional Development Programme» (Целевой фонд логистики и стандартизации; C4 Trust Fund; Программа совершенствования оборонного образования; Программа профессионального развития) [38].

13 октября 2016 года в Осло, Премьер-министр Норвегии Эрна Сульберг и Президент Украины П.А. Порошенко подписали «Совместную декларацию о сотрудничестве Украины и Королевства Норвегия». Основными направления по сотрудничеству между двумя странами в декларации были обозначены: «поддержку реформ на Украине с особым акцентом на должное управление (good governance), права человека, верховенство закона, борьбу с коррупцией, энергоэффективность; оказание гуманитарной помощи; сотрудничество в энергетической сфере; ядерную безопасность» [39].

Наиболее сбалансированную позицию по Украине заняла Финляндия. Эта позиция объясняется прочными экономическими отношениями между Финляндией и Россией. За период с 2000 по 2008 годы экспорт из Финляндии в Россию составлял 8 млрд. евро в год или 5% ВВП страны. События на Украине сократили финские экспортные поставки до 5 млрд. евро, однако инвестиции Финляндии в Россию составляли 12,5 млрд. евро [29, с. 118]. Оценивая эту экономическую

ситуацию, 12 августа 2014 года, Премьер-министр Финляндии Александр Стубб высказал мнение о нежелании своей страны вводить санкции на продовольственное эмбарго против России [29, с. 119].

Финляндия склонялась к компромиссу, по мнению Александра Стубба для экономики Финляндии Россия имеет большое значение. Из всех стран Северной Европы его страна несет самые большие потери из-за введения санкций [29, с. 119]. Финляндия неоднократно стремилась быть посредником в сложной ситуации между Российской Федерацией и Украиной. Но при этом голосовала за продление санкций против России и активно выступала за ратификацию «EU-Ukraine Association Agreement» [40] («Соглашения об ассоциации Украины и Европейского Союза») подписанного 29 мая 2014 года.

За событиями на Украине вновь возник вопрос о сотрудничестве НАТО со Швецией и Финляндией [41]. К существующему проекту «Nordic Defence Cooperation – NORDEFCO» [42] («Североевропейское оборонное сотрудничество») были привлечены – Латвия, Литва и Эстония. Инициатором приглашения стран Прибалтики стала Министр иностранных дел Швеции Маргот Вальстрем.

Финское общество к перспективе вхождения страны в НАТО, относится очень настороженно. Опросы, проводимые ежегодно министерством обороны Финляндии, показывают кто «за» и, кто «против» остаются примерно на одном уровне. «Против» 58–71%, «за» 18–30%, опрос 2017 года показал снижение противников членства до 51% и рост «неопределившихся» до 28%, ранее этот процент составлял от 5 до 15 [43].

На отношения между странами Северной Европы и Россией определенное влияние оказали и события в Сирии. Разногласия вызвал вопрос по борьбе против терроризма и возможности сотрудничества Запада и России в борьбе против терроризма [44]. Страны Северной Европы, считают, что политика России в Сирии направлена на сохранение Башара Асада у власти.

Украинский и Сирийский кризисы значительно разделили страны Северной Европы и России, что привело к замораживанию сотрудничества. По мнению профессора К.К. Худолея «важным

результатом конфронтации стало увеличение ценностных различий между Россией и большинством стран региона Балтийского моря» [45, с. 13].

Оценивая в целом отношения между странами Северной Европы и Российской Федерации можно отметить следующее: Швеция, Норвегия и Дания выступали с острой критикой внешней политики России, Финляндия заняла более конструктивную позицию, руководствуясь более экономическим прагматизмом, который стал важнее политических аргументов.

Развитие международных отношений между странами Северной Европы и Российской Федерацией, будет во многом определяться геополитическими отношениями между Россией и Западом. Улучшение этих отношений возможно в среднесрочной перспективе. В этой связи можно, полностью согласится с мнением профессора К.К. Худолея: «Охлаждение отношений между Россией и другими государствами региона Балтийского моря ставит вновь дилемму перед внешней политикой России: нужно ли сначала стремиться к улучшению отношений в политической и военной сферах, или же пойти по пути максимально возможного налаживания связей в области экономики, экологии, науки, образования, культуры и только затем перейти к военно-политическим проблемам. Представляется, что в современных условиях в регионе Балтийского моря было бы более разумно идти вторым путем» [45, с. 19].

Выводы. На сегодняшний день проблемы в расхождении ценностей и недоверия между странами Северной Европы и Россией могут показаться непреодолимыми, а расширение новых соглашений покажется труднодостижимым. Однако все страны заинтересованы в сближении и в сотрудничестве друг с другом и для этого предстоит сделать еще очень многое.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Бережков М.Н.** О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. – СПб.: Тип. В. Безобразов и Комп., 1879. – 281 с.
2. **Рыбина Е.А.** Новгород и Ганза. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 320 с. ISBN: 978-5-9551-0331-0
3. **Ангерманн Н.** Торговля Пскова с Ганзой и ливонскими городами во второй половине XVI в. // Псков в российской и европейской истории / отв. ред.

В.В. Седов, академик РАН. – М.: Московский государственный университет печати. 2003.

4. Осмо Юссила. Великое княжество Финляндское 1809–1917 / Перевод с финского языка. – Хельсинки: Ruslania Books Oy, 2009. – 860 с.

5. Носков А.М. Норвегия во второй мировой войне 1940–1945/ АН СССР. Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР. – Москва: Наука, 1973. – 276 с.

6. Рупасов А.И. «Сползающая маска нейтральности». Советско-шведские отношения в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // Новейшая история России. 2014. № 1(9). С.157–180. ISSN: 2219-9659eISSN: 2309-7973.

7. Воронков К.В. Стратегия международной адаптации малых стран: сателлизм **vs финлянизация** // Международная жизнь. 2019. № 5. С. 44–55. ISSN: 0130-9625

8. Жарский А., **Коршунов Э.** Северные соседи: прощай нейтралитет // Военно-промышленный курьер: интернет-сайт. [Электр. ресурс], 2010. 3 марта. № 8 (324). Режим доступа: http://vpk-news.ru/articles/5540/ (дата обращения: 08.09.2019).

9. Финляндия и Северное измерение [Электр. ресурс] // Режим доступа: https://docplayer.ru/28579089-Finlyandiya-i-severnoe-izmerenie.html (дата обращения: 28.08.2020).

10. Зарецкая О.В. Создание Совета государств Балтийского моря и Совета Баренцева / Евроарктического региона: принципы, предпосылки и основные направления развития [Электр. ресурс] // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/987-5-88431-196-1/987-5-88431-196-1_19.pdf (дата обращения: 28.08.2020).

11. Вуоренпяя Марья-Леена. Северное измерение: взаимовыгодное сотрудничество сегодня и в будущем // Современная Европа. 2019. № 3(89). С. 36–41. DOI: 10.15211/soveurope320193641.

12. Ризванова Л.З. Политика государств Прибалтики в отношении русскоязычного населения // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. Т.150. №. 7. С. 140–149. ISSN: 1815-6126.

13. Puolustusministeriö, Puolustus- ja turvallisuusteollisuusstrategia Työryhmän loppuraportti [Электр. ресурс]: 2006. – Режим доступа: http://www.defmin.fi/files/1117/puolustus-_ja_turvallisuusteollisuusstrategia.pdf. (дата обращения: 29.04.2019).

14. Фролов В.В. Положение русского и русскоязычного населения в странах Балтии в постсоветский период: современная историография вопроса // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 1. С. 118-127. DOI: 10.24411/2304-120X-2019-13004.

15. Володькин А.А. Интеграция Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС и НАТО (1991–2014 гг.). Минск.: Белоруская навука. 2016. – 212 с.

16. Бочарников И.В. Прибалтийское направление натовской стратегии сдерживания России // Тренды и управление. 2015. N 1. С. 18–22. DOI: 10.7256/2307-9118.2015.1.14064.
17. Погодин С.Н. Вступление Финляндии в НАТО и позиция России // Международные отношения и диалог культур. 2014. № 2. С. 58–77. ISSN: 2304-9480.
18. Килин Ю.М. Нейтральные государства на распутье: проблема вступления в НАТО Финляндии и Швеции // Современная Европа. 2017. № 2 (74). С. 65–76. DOI: 10.15211/soveurope220176576.
19. Североатлантический договор. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г. [Электр. ресурс]: – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 28.08.2020).
20. Бусыгина И.М., **Филиппов М.Г.** «Северное измерение»: стратегии участников // Балтийский регион. 2009. № 1(1). С.55–63. ISSN: 2074-9848.
21. ЕС ни при каких обстоятельствах не признает Южную Осетию и Абхазию [Электр. ресурс]: 2019. – Режим доступа: https: //www.interfax.ru/interview/92800 (дата обращения: 22.05.2019).
22. Сергунин А.А. «Восточное партнерство»: вызов российской дипломатии в Восточной Европе // Вестник Воронежского университета. Серия: Лингвистика и международная коммуникация. 2010. № 1. С. 205–210. ISSN: 1680-5755.
23. Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit, 7 May 2009, Prague [Электр. ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/122840/107589.pdf (дата обращения: 04.04.2019).
24. Scandinavia Won't Be Russia's Next Target [Электр. ресурс]: 2019. – Режим доступа: https://foreignpolicy.com/2019/03/27/scandinavia-wont-be-russias-next-target-putin-nato-finland-sweden-defense-saakashvili-georgia/ (дата обращения: 21.04.2019).
25. C. Bildt. Samarbete med Ost maste oka // Svenska Dagbladet. 18 Februari. 2009. https://www.svd.se/samarbete-med-ost-maste-oka (дата обращения: 21.04.2019).
26. OSCE: Organization for Security and Cooperation in Europe [Электр. ресурс]: 2014, www.osce.org – Режим доступа: http://www.presidentti.fi/ (дата обращения: 04.04.2019).
27. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 г. №6-ФКЗ О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38220 (дата обращения: 21.01.2016).
28. Resolution adopted by the General Assembly on 27 March 2014 68/262. Territorial integrity of Ukraine URL: https://undocs.org/ru/A/RES/68/262 (дата обращения: 21.01.2020).
29. Отношения Евросоюз–Россия и Украинский кризис / Отв. ред. – Н.К. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН. 2014. – 183 с.

30. Dagbladet, Oslo. 01.09.2014.
31. Dagbladet, Oslo. 12.09.2014.
32. Putin hjaelper med at lose Nato-problem http://www.fyens.dk/udland/Putin-hjaelper-med-at-loese-Nato-problem/artikel/2565967 (дата обращения: 21.01.2020).
33. Gaidai D., Litra L. Foreign Policy Audit: Ukraine-Sweden / Discussion Paper; Institute of World Policy. Kyiv, 2017. 44 p.
34. Воротников В.В. Отношения стран Скандинавско-Балтийского региона и Украины: военно-политическое и экономическое измерения // Международная аналитика. 2017. № 4 (22). С.18–27. ISSN: 2587-8476eISSN: 2541-9633.
35. Петер Эриксон: Россия в вопросах переработки мусора на 40-50 лет отстает от Швеции [Электронный ресурс]: 2019. Режим доступа: https://www.interfax.ru/interview/673785 (дата обращения: 29.08.2020).
36. Results strategy for Sweden`s reform cooperation with Eastern Europe, the Western Balkans and Turkey for 2014–2020 – URL: http: https://openaid.se/wp-content/files_mf/1403688755ResultsstrategyforSwedensreformcooperationwithEastern EuropetheWesternBalkansandTurkey20142020.pdf (дата обращения: 29.08.2020).
37. Evaluation of the Danish Neighbourhood Programme 2008-2015. Annex E4 Country Notes: Ukraine. – URL: https://um.dk/en/danida-en/results/eval/ eval_reports/ publicationdisplaypage/?publicationid=0c19f31a-ffa5-4590-8d43-7f234fc1f9ed (дата обращения: 29.08.2020).
38. Danish Support to Ukraine // Danish Ministry of Defence. – URL: http://www.fmn.dk/temaer/nato/Documents/2016-NATOfaktaark-ukraine-english.pdf (дата обращения: 29.08.2020).
39. Joint declaration on the partnership between Ukraine and the Kingdom of Norway, October 13, 2016. – URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/ fe7e78dede314e66b9cd246707a182d2/ukraina-norge.pdf (дата обращения: 29.08.2020).
40. EU-Ukraine Association Agreement 29/05/2014 // URL: https://eeas.europa.eu/delegations/ukraine/area/jobs-funds_en (дата обращения: 29.08.2020).
41. Бурухина Е.Н. Эволюция партнерства Финляндии и НАТО (конец XX–начало XXI вв.): автореф. дисс….канд. ист. наук: 07.00.15. – СПб., 2017. – 29 с.
42. Håkon Lunde Saxi, 'The rise, fall and resurgence of Nordic defence cooperation', International Affairs, Volume 95, Issue 3, May 2019, Pages 659–680.
43. Poll: Finns more uncertain over NATO membership / Yle. 15.02.2017. – URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/news/poll_finns_more_uncertain_over_nato_membership/9460839 (дата обращения: 29.08.2020).
44. Baltic Leaders Balk At Anti-IS Coalition With Russia. 21.11.2015. URL: https://www.rferl.org/a/baltics-russia-islamic-state-coalition/27378818.html (дата обращения: 29.08.2020).
45. Худолей К.К. Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки // Балтийский регион. 2016. Т.8. № 1. С. 7–25. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-1-1.

46. Павлова О.К. Организация средневековой торговли на примере Ганзейского торгового союза // Международные отношения и диалог культур. 2017. № 5 (2016). С. 92–106. ISSN: 2304-9480.

REFERENCES:

1. Berezhkov M.N. *O torgovle Rusi s Ganzoj do konca XV veka*, Saint Petersburg, Tip. V. Bezobrazov i Komp., 1879, 281 p.

2. Rybina E.A. *Novgorod i Ganza*, Moscow, Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009, 320 p. ISBN: 978-5-9551-0331-0.

3. Angermann N. *Torgovlja Pskova s Ganzoj i livonskimi gorodami vo vtoroj polovine XVI v.*, Pskov v rossijskoj i evropejskoj istorii, edited by. V.V. Sedov, akademik RAN, M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet pechati, 2003, P. 305–309.

4. Osmo Jussila. *Velikoe knjazhestvo Finljandskoe 1809–1917*, Perevod s finskogo jazyka, Hel'sinki: Ruslania Books Oy, 2009, 860 p.

5. Noskov A.M. *Norvegija vo vtoroj mirovoj vojne 1940–1945*, AN SSSR, In-t voen. istorii M-va oborony SSSR, Moscow, Nauka, 1973, 276 p.

6. Rupasov A.I. «*Spolzajushhaja maska nejtral'nosti*». *Sovetsko-shvedskie otnoshenija v konce 1940-h – nachale 1950-h gg*., Novejshaja istorija Rossii, 2014, № 1 (9), P.157–180. ISSN: 2219-9659eISSN: 2309-7973.

7. Voronkov K.V. *Strategija mezhdunarodnoj adaptacii malyh stran: satellizm vs finljanizacija*, Mezhdunarodnaja zhizn', 2019, № 5, P. 44–55. ISSN: 0130-9625.

8. Zharskij A., **Korshunov Je.** *Severnye sosedi*: *proshhaj nejtralitet*, Voenno-promyshlennyj kur'er: internet-sajt. [el. resource], 2010, 3 marchб № 8 (324), available at http://vpk-news.ru/articles/5540/ (accessed 08 september 2019).

9. *Finljandija i Severnoe izmerenie* [el. resource], available at https: //docplayer.ru/28579089-Finlyandiya-i-severnoe-izmerenie.html (accessed 28.08. 2020).

10. Zareckaja O.V. *Sozdanie Soveta gosudarstv Baltijskogo morja i Soveta Barenceva*, Evroarkticheskogo regiona: principy, predposylki i osnovnye napravlenija razvitija [el. resource], Jelektronnaja biblioteka Muzeja antropologii i jetnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, available at http://www.kunstkamera.ru/files/lib/987-5-88431-196-1/987-5-88431-196-1_19.pdf (accessed 28 august 2020).

11. Vuorenpjaja Mar'ja-Leena. *Severnoe izmerenie*: *vzaimovygodnoe sotrudnichestvo segodnja i v budushhem*, Sovremennaja Evropa, 2019, № 3 (89), P. 36–41. DOI: 10.15211/soveurope320193641.

12. Rizvanova L.Z. *Politika gosudarstv Pribaltiki v otnoshenii russkojazychnogo naselenija*, Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, Gumanitarnye nauki, 2008, T. 150, №. 7, P. 140–149. ISSN: 1815-6126.

13. *Puolustusministeriö, Puolustus- ja turvallisuusteollisuusstrategia Työryhmän loppuraportti* [el. resource], 2006, available at http:// www. defmin.fi/ files/1117/puolustus-_ja_turvallisuusteollisuusstrategia.pdf. (accessed 29 april 2019).

14. Frolov V.V. *Polozhenie russkogo i russkojazychnogo naselenija v stranah Baltii v postsovetskij period*: *sovremennaja istoriografija voprosa*, Nauchno-metod. jelektronnyj zhurnal «Koncept», 2019, № 1, P 118–127. DOI: 10.24411/2304-120X-2019-13004.
15. Volod'kin A.A. *Integracija Latvii, Litvy i Jestonii v ES i NATO* (*1991–2014 gg*.). Minsk, Beloruskaja navuka, 2016, 212 p.
16. Bocharnikov I.V. *Pribaltiĭskoe napravlenie natovskoĭ strategii sderzhivanija Rossii*, Trendy i upravlenie, 2015, N 1, P. 18–22. DOI: 10.7256/2307-9118.2015.1.14064.
17. Pogodin S.N. *Vstuplenie Finljandii v NATO i pozicija Rossii*, Mezhdunarodnye otnoshenija i dialog kul'tur, 2014, № 2, P. 58–77. ISSN: 2304-9480.
18. Kilin Ju.M. *Nejtral'nye gosudarstva na rasput'e: problema vstuplenija v NATO Finljandii i Shvecii*, Sovremennaja Evropa, 2017, № 2 (74), P. 65–76. DOI: 10.15211/soveurope220176576.
19. *Severoatlanticheskij dogovor*. Vashington, Federal'nyj okrug Kolumbija, 4 aprelja 1949 g. [el. resource], available at https: //www.nato.int/ cps/ru/natohq/ official_ texts_17120.htm (accessed 28 august 2020).
20. Busygina I.M., **Filippov M.G.** «*Severnoe izmerenie*»: *strategii uchastnikov*, Baltijskij region, 2009, № 1 (1), P.55–63. ISSN: 2074-9848.
21. *ES ni pri kakih obstojatel'stvah ne priznaet Juzhnuju Osetiju i Abhaziju* [el. resource], 2019, available at https: //www.interfax.ru/interview/92800 (accessed 22.05.2019).
22. Sergunin A.A. «*Vostochnoe partnerstvo*»: *vyzov rossijskoj diplomatii v Vostochnoj Evrope*, Vestnik Voronezhskogo universiteta, Serija: Lingvistika i mezhdunarodnaja kommunikacija, 2010, № 1, P. 205–210. ISSN: 1680-5755.
23. *Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit*, 7 May 2009, Prague [el. resource], available at URL: https: //www.europarl.europa.eu/ cmsdata/122840/ 107589.pdf (accessed 04 april 2019).
24. *Scandinavia Won't Be Russia's Next Target* [el. resource], 2019, available at https://foreignpolicy.com/2019/03/27/scandinavia-wont-be-russias-next-target-putin-nato-finland-sweden-defense-saakashvili-georgia/ (accessed 21 april 2019).
25. C. Bildt. *Samarbete med Ost maste oka*, Svenska Dagbladet, 18 Februari, 2009, available at https://www.svd.se/samarbete-med-ost-maste-oka (accessed 21 april 2019).
26. *OSCE*: *Organization for Security and Cooperation in Europe* [el. resource], 2014, available at http://www.presidentti.fi/ (accessed 04 april 2019).
27. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21.03.2014 g. №6-FKZ *O prinjatii v Rossijskuju Federaciju Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub#ektov – Respubliki Krym i goroda federal'nogo znachenija Sevastopolja*, available at http://www.kremlin.ru/acts/bank/38220 (accessed 21 january 2016).
28. Resolution adopted by the General Assembly on 27 March 2014 68/262. *Territorial integrity of Ukraine*, available at https://undocs.org/ru/A/RES/68/262 (accessed 21.01.2020).
29. *Otnoshenija Evrosojuz–Rossija i Ukrainskij krizis*, ed. by N.K. Arbatova, Moscow, IMJeMO RAN, 2014, 183 p.
30. Dagbladet, Oslo. 01.09.2014.
31. Dagbladet, Oslo. 12.09.2014.

32. *Putin hjaelper med at lose Nato-problem*, available at http: //www. fyens.dk/ udland/Putin-hjaelper-med-at-loese-Nato-problem/artikel/2565967(accessed 21.01.2020).
33. Gaidai D., **Litra L.** *Foreign Policy Audit: Ukraine-Sweden*, Discussion Paper; Institute of World Policy, Kyiv, 2017, 44 p.
34. Vorotnikov V.V. *Otnoshenija stran Skandinavsko-Baltijskogo regiona i Ukrainy*: *voenno-politicheskoe i jekonomicheskoe izmerenija*, Mezhdunarodnaja analitika, 2017, № 4 (22), P. 18–27. ISSN: 2587-8476eISSN: 2541-9633.
35. *Peter Jerikson*: *Rossija v voprosah pererabotki musora na 40–50 let otstaet ot Shvecii* [el. resource], 2019, available at https://www.interfax.ru/interview/673785 (accessed 29 august 2020).
36. *Results strategy for Sweden`s reform cooperation with Eastern Europe, the Western Balkans and Turkey for 2014–2020*, available at https://openaid.se/wp-content/files_mf/1403688755ResultsstrategyforSwedensreformcooperationwithEastern EuropetheWesternBalkansandTurkey20142020.pdf (accessed 29 august 2020).
37. *Evaluation of the Danish Neighbourhood Programme 2008–2015*, Annex E4 Country Notes: Ukraine, available at https://um.dk/en/danida-en/results/eval/eval_reports/ publicationdisplaypage/?publicationid=0c19f31a-ffa5-4590-8d43-7f234fc1f9ed (accessed 29 august 2020).
38. *Danish Support to Ukraine*, Danish Ministry of Defence, available at http://www.fmn.dk/temaer/nato/Documents/2016-NATOfaktaark-ukraine-english.pdf (accessed 29 august 2020).
39. *Joint declaration on the partnership between Ukraine and the Kingdom of Norway, October 13, 2016*, available at https://www.regjeringen.no/contentassets/ fe7e78dede314e66b9cd246707a182d2/ukraina-norge.pdf (available at 29 august 2020).
40. E*U-Ukraine Association Agreement 29/05/2014*, available at https://eeas.europa.eu/delegations/ukraine/area/jobs-funds_en (accessed 29 august 2020).
41. Buruhina E.N. *Jevoljucija partnerstva Finljandii i NATO* (*konec XX – nachalo XXI vv.*), avtoref. diss….kand. ist. Nauk, 07.00.15, St. Petersburg, 2017, 29 p.
42. Håkon Lunde Saxi. '*The rise, fall and resurgence of Nordic defence cooperation*', International Affairs, Volume 95, Issue 3, May 2019, Pages 659–680.
43. *Poll: Finns more uncertain over Nato membership*, Yle, 15.02.2017, available at https://yle.fi/uutiset/osasto/news/poll_finns_more_uncertain_over_nato_membership/9 460839 (accessed 29 august 2020).
44. *Baltic Leaders Balk At Anti-IS Coalition With Russia*, 21.11.2015, available at https://www.rferl.org/a/baltics-russia-islamic-state-coalition/27378818.html (available at 29 august 2020).
45. Hudolej K.K. *Region Baltijskogo morja v uslovijah obostrenija mezhdunarodnoj obstanovki*, Baltijskij region, 2016, T.8, № 1. P. 7–25. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-1-1.
46. Pavlova O.K. *Organizacija srednevekovoj torgovli na primere Ganzejskogo torgovogo sojuza*, Mezhdunarodnye otnoshenija i dialog kul'tur, 2017, № 5, P. 92–106. ISSN: 2304-9480.

POGODIN Sergey N. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnitcheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru

NORDIC COUNTRIES AND RUSSIA IN THE LATE TWENTIETH AND EARLY TWENTY-FIRST CENTURY

The relations between the Nordic countries and Russia have a long history dating back to the middle ages. The relations between the two countries were complicated during the Cold War, and later Denmark and Sweden turned to be sympathetic to Russia's new role in the Baltic region. In the twentieth century, the USSR actively participated in the liberation of Northern Europe from the Nazi invaders. The Cold War period was a serious test for the countries. The end of the twentieth century was marked by the formation of the new system of international relations, and the development of democratic institutions between countries was observed. However, during this period, there were differences between the countries. Russia agreed to use the model of liberal democracy in the Nordic countries to improve its institutions of power. The Russian point of view was that Western ideology should not replace Russia's national interests in the near abroad. Russia's position on the infringement of the rights of the Russian population in the Baltic States was not accepted by the countries of Northern Europe, as they considered this position as Imperial. At the same time, Russia did not accept the position of Sweden and Finland on increasing military budgets. The events of 2014 significantly changed relations between the two countries. Denmark, Norway and Sweden have criticized Russia's policy in Ukraine. These countries have taken significant measures to assist Ukraine. The Syrian crisis has become a significant disagreement between the Nordic countries and Russia. Both of these crises have led to a deterioration in relations between the countries. Summing up the results of relations between the Nordic countries and Russia, it should be noted that Denmark, Norway, and Sweden came in with sharp criticism of Russia's foreign policy, while Finland's position was more restrained, guided by pragmatic economic interests. But the Nordic countries and Russia are interested in cooperation and rapprochement. However, there is a lot to do.

NORDIC COUNTRIES; DENMARK; NORWAY; SWEDEN; FINLAND; RUSSIA; CRISIS IN UKRAINE; INTERNATIONAL COOPERATION

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTURAL STUDIES

УДК: 364.1
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.13

А.Д. Сулейманлы

ОЦЕНКА УРОВНЯ СЧАСТЬЯ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАНАХ В КОНТЕКСТЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВСЕМИРНОГО ИНДЕКСА СЧАСТЬЯ

СУЛЕЙМАНЛЫ Абульфаз Давуд оглу – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Факультета социальных и гуманитарных наук; Ускюдарский университет. Стамбул, Турция.
E-mail: ebulfez.suleymanli@uskudar.edu.tr; asuleymanov@yahoo.com

Формирование направления научного исследования понятия счастья имеет широкий спектр трактовок категории, в том числе, и как инструмента оценки качества жизни. В настоящее время в мире развивается широкое направление по изучению понятия счастья. Научные исследования в этом направлении начались в 1960-х годах, разработан «Международный индекс счастья», включающий в себя: внутренний валовый продукт, социальную помощь, надежду на здоровый образ жизни, социальную свободу, благотворительность и отсутствие коррупции. В статье рассматривается социально-психологические аспекты понятия счастья, дается оценка международных индексов, призванных измерить счастье как категорию качества жизни, а также проводится сравнительный анализ оценки уровня счастья в Евразийских странах в контексте использования инструмента «Всемирного Индекса Счастья».

Проанализированные статистические данные показывают, что среди азиатских стран бывшего СССР Узбекистан занимает 38-е место, Казахстан на 50-м месте, Россия на 73-м месте, Кыргызстан занимает 74-е место, Азербайджан на 90-м месте, Турция занимает 93-е место, а Туркменистан занимает 95-е место. При оценке причин места стран Евразии в этом рейтинге необходимо учитывать разные параметры и важно провести сравнительное измерение счастья в странах Евразии с учетом их местных и культурных особенностей.

Проведенное исследование показало, что количественная оценка на основе данного «индекса счастья» в Евразийских странах показывает невысокий уровень удовлетворённости населения качеством своей жизни. Опираясь на мировые базы данных о развитии человеческих ресурсов и индивидуальной удовлетворенности в сравнении, можно делать выводы о частичном совпадении счастья с качеством жизни, при этом необходимо учитывать, что социокультурные отличия могут

вызывать отличия в восприятии счастья. В странах, где превалирует традиционный менталитет семьи, родства и землячества, это имеет существенное влияние на определение параметров счастья; наблюдается тенденция оценки счастья как индивидуального отношения. Бедность воспринимается как судьба, тем оправдывается нищета и плохие условия жизни в бедных, но счастливых странах.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНДЕКС СЧАСТЬЯ; СТРАНЫ ЕВРАЗИИ; МЕСТНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Введение. Счастье является социокультурным феноменом, объединяющим множество аспектов социальной реальности, каждый из которых важен как для отдельного человека, так и для общества в целом. В данный момент в мире формируется мощное интеллектуальное движение, связанное с попытками исследования счастья научными методами. В этом плане Руут Веенховен, один из крупнейших современных исследователей счастья, утверждает, что уровень счастья, который демонстрируют люди, наряду с уровнем здоровья и благосостояния, является одним из важных измеряемых показателей того, насколько данное конкретное общество пригодно и комфортно для жизни людей [1, p. 124].

Идея расчета уровня Gross national happiness с начала 1970-х набирает все больший вес и в последние годы используется как глобальный показатель для оценки качества жизни, являющийся более универсальным и объективным, чем экономические показатели ВВП и инфляции. Особенно в западных странах разработан целый ряд индексов, позволяющих оценить уровень счастья в разных странах. По уровню счастья в целом замеряется, насколько конкретное общество пригодно и комфортно для жизни, дается оценка прогресса в обществе. Несмотря на схожие показатели измерения феномена «счастья», ни один из существующих индексов не учитывает этнокультурные особенности национальных ценностей стран, включенных в рейтинг, между тем именно этот аспект является крайне значимым, так как представления народов о счастье не могут формироваться вне культурного контекста, а значит, ранжирование стран по показателям, предлагаемое при подсчете индексов, нельзя в полной степени считать релевантным представлениям о собственном счастье обследуемых жителей [2, с. 69]. Открытым является и вопрос о взаимосвязи счастья и благосостояния. Согласно так называемому парадоксу Истерлина, названному в честь исследователя

Ричарда Истерлина, рост доходов на душу населения лишь до определенного уровня приводит к росту счастья. То есть притязания растут вместе с доходом, и после удовлетворения основных нужд для благополучия имеет большее значение не абсолютный, а относительный уровень дохода [3].

Вопросы вызывают также состав показателей, которыми измеряют субъективные оценки респондентов, использование национальных средних показателей без учета асимметричности в распределении благ, а также то, что интегральный показатель не отражает проблемы по направлениям частных индексов [3].

В предлагаемой статье рассматривается социально-психологические аспекты понятия счастья, дается оценка международных индексов, призванных измерить счастье, а также в контексте результатов Всемирного Индекса Счастья проводится сравнительный анализ оценки уровня счастья в Евразийских странах.

Понятие и параметры счастья. В социологической науке есть немало понятий относительно определения счастья индивидуума. Среди них можно выделить личную удовлетворенность, счастье, удовольствие, полноценность жизни, благополучие и адаптацию. Каждому хочется украсить и обогатить свою жизнь положительными эмоциями. Так, основная тенденция стремления человеческого рода к улучшению своего самосостояния и открытия собственных возможностей приобретения состояния удовлетворенности и радости является многосторонним и сложным вопросом, ответ на который не зиждется просто на видимых фактах [4, p. 39].

Счастье – это момент восприятия человеком значительности, полноценности собственного существования. Счастье имеет три особенности: первая из них – субъективность, другая – восприятие и отвлеченность, связанные с ощущениями, а последняя определяет эффективность данного периода. Юридические и познавательные масштабы понятия «счастье» определяют удовлетворенность жизнью [5].

Тема счастья еще издревле была актуальна для людей. Начиная со времен Аристотеля, было немало высказываний о счастье. Но научные

исследования по поводу «высшей цели», определяющей понятие счастья, начинаются с 1960-х годов [6].

В этом контексте понятие счастья в последнее время в области социальных наук квалифицируется как понятие, которое все больше привлекает к себе внимание исследователей и приобретает фундаментальность. Психологи, экономисты, социологи и другие специалисты вот уже сколько лет ломают голову над формулой счастья и в поисках ответа на вопрос в связи с этим понятием. Насколько отличается друг от друга удовлетворенность жизнью у людей в разных сообществах? Можно ли измерить счастье? Какие факторы влияют на счастье? Какова связь между счастьем и условиями жизни у нас? [7]

Сегодня речь не идет о богатых и бедных странах, сегодня противопоставление идет по признаку благополучный / неблагополучный. То есть экономическая грань ставится не между богатым западом и бедным востоком, а между благополучным и неблагополучным. При таком обстоятельстве, определение счастья, благополучия приобретает актуальность темы, предметность. Стремление определить счастье критериями истины привело к разным оценкам и результатам исследования.

Актуальность исследований в этой области определяется как естественным желанием каждого человека быть счастливым, так и запросом со стороны социума, ведь изменение общего уровня счастья населения может выступать в качестве индикатора успешности или провальности многих государственных решений и действий [8, с. 77].

Впервые понятие «национального счастья» и предложение об измерении стран по индексу благополучия вошло в повестку дня ООН в 1970-м году по предложению премьер-министра Бутана. Бутан – маленькая страна с населением в 800 тысяч человек на Гималаях, на востоке от Индии и Непала, на северной части Бангладеша. Страны отстаивают необходимость оценивания уровня счастья не по экономическим показателям о национальном доходе, а на основе таких критериев как «психологическое здоровье, стандарты экологии, трата времени, медицина, образование, культура, социальные отношения и правильное управление».

В 1998 году ООН в связи с «изменением мировой парадигмы» в качестве «показателя альтернативного развития» признала стандарт национальногосчастья [6]. После такого признания само понятие стало широко обсуждаться и встало на повестку дня с 2008 года, когда в мире наступил экономический кризис. Рядом с деятельностью OECD (Организация экономического сотрудничества и развития) в этом направлении тогдашний премьер министр Франции М. Саркози, через год после банкротства компании Lehman Brothers, создав комиссию во главе с учеными, обладателями Нобелевской премии Амартия Сеном и Джозефом Стиглицем, проводил опросы по данной теме. В ноябре 2010 года после выступления премьер-министра Англии Дэвида Кэмерона по вопросу счастья-благосостояния, в мире стали проводиться международные конференции по вопросу о благополучии в мире. В странах стали готовить годовые планы счастья, университеты стали готовить рапорты и включать в учебные программы дисциплину по счастью. 20 марта объявляется Международным Днем Счастья. В апреле 2012 года в ООН в Нью-Йорке состоялась конференция, где ООН огласила результаты первого исследования о счастье в мире. Вот с того времени и ООН стала определять уровень счастья государств не просто национальным доходом, а «Международным индексом счастья». В 2013 году в Венесуеле создается вспомогательное министерское учреждение «Общее Социальное Счастье», Эквадор в том же году создал государственное министерство под названием «Buen Vivir» (хорошая жизнь) и, наконец, в 2016-м году в феврале в Объединенных Арабских Амиратах создано Государственное Министерство Счастья. По этим рапортам тогда, как, начиная с 2012 года скандинавские страны занимают лучшие высокие места в рапортах о счастье, то Бутан, страна, которая впервые оповестила миру об этом, занимает 97-ое место в списке. А в Англии в январе 2018 года создается «Министерсво одиночества» [9].

Международные индексы измерения счастья и страны Евразии

На сегодняшний день в мире существуют разнообразные рейтинги и индексы счастья, составленные на базе результатов опросов общественного мнения жителей разных стран о том, насколько счастливыми они себя чувствуют. Свой «индекс лучшей жизни» (или

«Better Life Index») с 2011 года начала измерять известная международная Организация экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Co-operation and Development). Рейтинг стран составляется на основе официальной статистики и опросов института Гэллапа по 11-ти параметрам: доход, жилье, работа, окружающая среда, образование, баланс работы и отдыха, безопасность, удовлетворенность жизнью, вовлеченность в гражданскую активность, здоровье, сообщество. В базовой модели каждому из субиндексов присвоен одинаковый вес [10].

Изначально индекс охватывал только страны ОЭСР, однако с 2012 года в него были включены Россия и Бразилия. По последним данным, верхние строчки рейтинга занимают Норвегия, США, Дания, Канада, Швейцария, Нидерланды, Новая Зеландия и Люксембург, а на первом месте – Австралия. В этой стране в апреле 2012 г. уровень безработицы составлял около 5% (в Европе – 10,9%, в США – 8,1%) [11].

С другой стороны, наблюдается относительное благополучие некоторых стран с высоким уровнем нищеты и низким уровнем развития человеческих ресурсов. Эта парадоксальная ситуация классифицируется некоторыми исследователями в связи с теорией адаптации. Исходя их такого подхода, в рамках теории адаптации влияние бедности на счастье со временем уменьшается, индивидуальное счастье по привычке приходит в стабильное состояние. Иначе, напротив ожидаемому, индивидуум может попасть под влияние условий бедного существования, хотя бы на короткий срок может вернуться в обратном процессена уровень счастья [12, p. 44].

В опубликованном в 2016 году «Индексе счастливой планеты» (Happy Planet Index), созданном Новым экономическим фондом (New Economics Foundation), в первой десятке здесь оказались не экономически развитые страны Скандинавии, а государства Латинской Америки и Азии, в товремя как на предпоследнем 139-м месте – Люксембург. Так, по результатам данного исследования, самой счастливой страной в мире оказалась крошечная южноамериканская республика Коста-Рика. Рейтинг составляли опираясь не на экономические критерии, а на количество используемых природных ресурсов – Коста-Рика оказалась самой устойчивой счастливойстраной в мире. На втором месте «Индекса счастливой планеты» за 2016 год находится Мексика – и это не смотря на

то, что государство страдает от растущей коррупции и бандитизма. На третьем – Колумбия с хорошими показателями как для счастья, так и для экологического следа. Последнее место занимает африканское государство Чад. Это связано с высоким уровнем бедности в стране и недостаточно развитой инфраструктурой [13].

Отдельно можно отметить «индекс качества жизни» (Well-BeingIndex) (или «индекс удовлетворенности жизнью»). Методологию данного исследования разработал психолог и социолог, нобелевский лауреат Даниэль Канеман. В каждой из стран, участвующих в исследовании, были опрошены порядка одной тысячи человек старше 15 лет. По результатам данного исследования были выделены три группы – «преуспевающие» (высокий уровень удовлетворенности жизни); «борющиеся» (средний уровень удовлетворенности) и «страдающие» (недовольные жизнью) [13].

Одним из самых популярных и распространенных исследований, дающих возможность определить рейтинг стран мира по уровню счастья (World Happiness Report) – начиная с 2012 года, рассчитывает действующий при Колумбийском университете исследовательский центр «Институт Земли» (The Earth Institute) под эгидой ООН в рамках глобальной инициативы «Сеть решений устойчивого развития» (UN Sustainable Development Solutions Network). Главной целью данного международного исследовательского проекта показать достижения стран мира и отдельных регионов с точки зрения их способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь.

Этот индекс занимает одно из передовых мест по количеству использования для проведения параллелей между странами и подсчитывается на базе шести ключевых параметров, отражающим разные стороны жизни человека: это ВВП на душу населения, продолжительность жизни, социальная поддержка, уровень доверия в обществе (чем меньше коррупции во власти и бизнесе, тем оно выше), ощущение свободы при принятии жизненных решений и щедрость со стороны членов общества (она измеряется в количестве благотворительных взносов, которые делают жители страны). У тех, кто заполняет анкету, ответы берутся по шкале Кантриля. Включая вышесказанное, шкала Кантриля означает следующее:

представьте себе лестницу со ступеньками от «0» до «10». Вам задают вопрос: на какой ступеньке лестницы находится ваша жизнь / на какой ступени вы чувствуете себя? С тех пор как в 2012 году ООН объявила 20 марта Днем счастья и начала составлять рейтинги самых счастливых стран, верхние строчки занимают в основном скандинавские страны. Так в 2020 году на первом месте уже третий год подряд с 7,809 баллами оказалась Финляндия. Среди её преимуществ – безопасная окружающая среда, высокий уровень социального доверия и честность властей [14]. За Финлядией следуют Дания – 7,646 баллов, Швейцария – 7,560 баллов, Исландия – 7,504 баллов и Норвегия – 7,48 балла. Впрочем, эти пять стран настолько близки по большинству параметров, что разница между ними, с точки зрения статистики, не имеет большого значения. Также они очень близки по уровню и качеству образования [15, p. 168].

По уровню неблагополучия самые последние места в списке занимают Южный Судан, Центральноафриканская Республика и Афганистан. В исследованиях на основе Международного Индекса Счастья отмечается, как по мере снижения уровня благосостояния страны наблюдается и снижение уровня счастья у людей. Иначе говоря, у стран с богатыми и высокими человеческими ресурсами высокими остаются средние показатели уровня счастья тоже. А в самых бедных странах, с низким уровнем развития, уровень счастья отдельных людей, как правило, очень низкий. Иначе, можно говорить о видимой разнице между развитыми и малоразвитыми странами по уровню счастья. Таким образом, во всех странах, находящихся в лучшем положении по всем шести основным показателям, поддерживающим уровень благосостояния, личный доход на душу населения превышает в 40 раз и выше весь годовой доход трех стран с индексом неблагополучия. С другой стороны, результаты исследования свидетельствуют о том, что в число счастливых стран входят не страны с богатой экономикой, а страны, имеющие сильную социальную, государственную и институциональную поддержку.

Наряду с местным населением исследователи посмотрели также, насколько счастливы мигранты. В целом 10 самых счастливых стран в общем рейтинге занимают ту же десятку в рейтинге мигрантов. Финляндия

лидирует и там: в этой стране одинаково счастливы и местные жители, и мигранты.

По результатам данного исследования по 2020 году, среди Евразийских стран Узбекистан с 6,258 занимает 38-е место (2018 году 6,174 баллами 41-е место), Казахстан с 6,058 занимает 50-е место (в 2018 году 5,809 баллами 60-е место), Россия с 5,546 баллами занимает 73-е место (в 2018 году с 5,648 баллами 68-е место), далее, Киргизия с 5,542 баллами занимает 74-е место (в 2018 году с 5,261 баллами 86-е место), Туркменистан с 5,119 баллами занимает 95-е место (в 2018 году с 5,24 баллами – 87-е место), Азербайджан с 5,165 баллами занимает 90-е место (в 2018 году с 5,208 баллами 90-е место). Турция с 5,132 баллами занимает 93-е место (в 2018 году с 5,373 баллами 79-е место) [14]. Говоря о причинах такого расположения евразийских стран, нужно учитывать необходимость разных параметров оценки. Например, Турция по итогам исследования 2017-го занимала 69-е место, а в последнем докладе количество людей, не воспринимающих себя счастливыми, увеличилось, и она снизилась на 93-е место.

Странным является и то, что такие страны с тяжелыми условиями проживания, как Ирак, Палестина, Киргизия и Пакистан, занимают более высокие места, чем Турция. Турция показывает хорошие результаты по валовому национальному продукту, социальной поддержке, но занимает место ниже среднего по показателям безопасности и свободы действия. Среди причин этого исследователи называют процесс внутренней миграции и проблемы, возникающие вследствие этого, трудности городской жизни. Таким образом, миграция из окраин в города становится причиной неудовлетворенности, уменьшения чувства безопасности, потере социальных коммуникаций в толпе.

Также по результатам данного индекса наблюдается рост индекса счастья Российской Федерации с 2013 по 2017 год (с 5,464 по 5,963), но начиная с 2017 года, рост остановился, и началось снижение уровня счастья (с 5,963 по 5,546). Только за два года (с 2018 по 2020 г.) Российская Федерация снизилась в рейтинге на четырнадцать строчек с 59 на 73 место, что может свидетельствовать о спаде счастья среди населения за данный период [16].

Примечательно, что в данном рейтинге Центрально-азиатская республика Узбекистан уже который раз, входя в топ-50 самых счастливых стран мира, оказалась впереди всех стран СНГ, расположившись даже выше балтийских государств. Анализируя эти результаты, российские ученые из Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ предположили, что данное явление можно объяснить относительно низким уровнем экономического неравенства в странах Центральной Азии. По мнению данных экспертов, бедные жители Узбекистана и других центрально-азиатских государств сравнивают себя с такими же бедными соседями. Также, по выводам экспертов, в России и в других странах с относительно высоким уровнем доходов населения высокий разрыв в прибылях и доступность информации о жизни богатых людей ведет к тому, что даже при относительном объективном благополучии субъективные показатели оказываются низкими [17]. Однако, по нашему мнению, данный подход не совсем тактичен к объяснению причины местонахождения Узбекистана в числе 50-ти самых счастливых стран мира. В данном случае следует подчеркнуть немаловажную роль и наличие таких ценностей как национальная гордость и доверие, религиозные убеждения, друзей, семьи и досуга, которые оказывают положительное влияние на установки населения по отношению к счастью.

Таким образом, количественная оценка на основе данного индекса счастья в Евразийских странах показывает невысокий уровень удовлетворённости населения этих стран качеством своей жизни. Оценивая положение в списке рейтинга выше указанных стран Евразии, которые являются предметом сравнительного анализа данной статьи, необходимо учитывать период экономического развития этих стран за последние 30 лет и последующих за ним процессов. Так в этих странах, после распада Советского Союза, формирование новых рыночных отношений и проведение радикальных преобразований в значительной степени снизили уровень жизни населения [18, p. 50]. И в настоящее время экономика этих стран в полной мере не обеспечила внутреннего равновесия из-за тех социально-экономических шоков, которые имели место в процессе ее функционирования. Также продолжающийся

нестабильный экономический рост, низкие доходы, бедность и слабость действия системы социальной защиты и внешняя трудовая миграция стали причиной снижения факторов уровня счастья. При этом по отдельным показателям наибольшее отставание у этих стран по ожидаемой продолжительности жизни и восприятию коррупции. Такое положение вещей предусматривает актуальность безопасности существующей социальной системы и понятия благополучной страны. Единственным исключением в этом списке является Турция, которая не входила в состав СССР, и по сравнению с другими странами довольно-таки в ранний период стала на путь рыночной экономики. Не меньшее значение на данное явление в исследуемых странах имеет низкий уровень доверия населения к государственным и общественным институтам [19], *ограничение демократического* пространства и демократических институтов, а также ограниченная возможность реализации личностного потенциала.

Заключение. На данный момент в мире существует более десятка различных индексов, определяющих уровень счастья во многих странах по различным индикаторам. Несмотря на различность индикаторов, психологические и социологические опросы способствовали тому, что накопилось несколько больших и полных баз данных, которые помогают исследователям находить все большие закономерности влияния различных факторов на счастье, уровень и качество жизни. Анализируя результаты данных исследований, можно сделать вывод о том, что мир сегодня движется к признанию приоритета социально-экономических ценностей более важных, чем ценности исключительно материального благосостояния.

На сегодняшний момент, опираясь на множество исследований на основе данных из таких баз, как World Happiness Report, Gallup World Poll и World Values Survey, можно констатировать тот факт, что наиболее счастливыми странами считаются те, которые поддерживают демократическое устройство государства, где уровень доверия населения высокий и наблюдается низкий показатель по безработице. Также важными компонентами счастья в обществе считается устойчивое развитие, здоровый образ жизни, сохранение окружающей среды, развитие личности, духовное совершенствование и причастность к обществу.

Таким образом, на основе данных о развитии человеческих ресурсов, счастья и индивидуальной удовлетворенности, в результате сравнения между странами, можно сделать ***выводы*** о частичном совпадении счастья с качеством жизни. С другой стороны, когда в рамках вопроса о счастье сопоставляются страны, необходимо учитывать, что социокультурные отличия могут вызвать отличия и в восприятии счастья. Особенно, в странах, где превалирует традиционный менталитет семьи, родства и землячества может иметь существенное влияние на определение параметров счастья. С этой точки зрения, наблюдается тенденция оценки счастья как индивидуального отношения, в особенности, бедность воспринимается как судьба, тем самым происходит молчаливое оправдание нищеты и плохих условий жизни в бедных, но счастливых странах. Поэтому в полной мере оценить уровень счастья по значению данных показателей достаточно сложно. Таким образом, можем говорить о необходимости учета и анализа, и других факторов. В этом контексте, важным представляется составление параметров счастья, объединяющих территориальное и культурное своеобразие всех народов Евразийского пространства, а также развитие альтернативных центров измерения общественного мнения, которые позволят в итоге формировать большие данные и делать прогнозы более точными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Veenhoven R.** Happiness in nations: Subjective appreciation of life in 56 nations 1946-1992. // World Database of Happiness. 1993. Vol. 44. No. 6.
2. **Чепурных М.** Индексы Счастья: Опыт Запада, Социологический Обзор // Теория и практика общественного развития. 2012. No. 9. С.67-69 ISSN: 1815-4964.
3. **Жусупова А.** «Нужно ли Казахстану Министерство счастья?», Forbes Kazakhstan, 05 марта 2020. URL: https://forbes.kz//life/opinion/nujno_li_kazahstanu_ministerstvo_schastya/? (дата обращения: 20.08.2020).
4. **Güler M.**, **Dönmez A.** «İyi Olma Hali Bağlamında Uyum Düzeyi Kuramı ve Hedonik Döngü», Türk Psikoloji Yazıları, Haziran 2011, 14 (27).
5. **Nevzat Tarhan**. Mutluluk Psikolojisi ve Stresle Başa Çıkma, Timaş Yayınları, İstanbul, 2019.
6. **Tayfun Doğan**. “Mutluluk gerçekten gerekli mi?”, http: //www. tayfundogan.net/ 2016/10/06/mutluluk-gercekten-iyi-bir-sey-midir/ (дата обращения: 15.08.2020)
7. *Duygu Leloğlu.* Mutluluğun formülü yeniden yazılıyor. URL: https://www.sabah.om.tr/ aktuel/ 2013/08/01/mutlulugun-formulu-yeniden-yaziliyor (дата обращения: 12.08.2020).

8. Смолева Е.О. Факторы счастья и удовлетворенности жизнью населения региона: социологический аспект // Проблемы развития территории.2016. №6 (86). С. 76-93. ISSN: 2076-8915eISSN: 2409-9007.
9. Ayşe Böhürler. "Milli mutluluk ve mutluluğu ne sağlar?", 08.12.2018. https://www.yenisafak.com/yazarlar/aysebohurler/milli-mutluluk-ve-mutlulugu-ne-saglar-2048423 (дата обращения: 16.07.2020).
10. 2nd OECD World Forum – Istanbul 2007 [Электр.ресурс]. – Режим доступа: http://www.oecd.org/site/worldforum06/ishappinessmeasurableandwhatdothosemeasures meanforpolicy.htm (дата обращения: 16.07.2020).
11. Шматова Ю.Е., **Морев М.В.** Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. №3(39). С.141-162. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11.
12. Munise Tuba Aktaş. " Mutluluğun Durağan Durum Hali: Yoksulluk Açısından Uyum Teorisine Dayalı Bir Analiz", HAK-İŞ Uluslararası Emek ve Toplum Dergisi © Cilt: 4, Yıl: 4, Sayı: 10 (2015/3).
13. Лозинская А., **Борисова М.** «В ООН сложили слово «счастье», Газета.ру. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2017/03/a_10584989.shtml (дата обращения: 15.08.2020).
14. Рейтинг стран мира по уровню счастья по версии Организации Объединённых Наций. URL: https://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report (дата обращения: 28.07.2020).
15. Aysan M.F. ve Özdoğru A.A. (2015). Avrupa'da erken çocukluk bakımı ve eğitiminin mukayeseli analizi. Sosyoloji Dergisi, 30.
16. Russia – World Happiness Index. URL: https://countryeconomy.com /demography/world-happiness-index/russia (дата обращения: 20.07.2020).
17. Неизвестный Узбекистан: равенство, бедность, счастье. BBC NEWS, 02.09.2016. URL: https://www.bbc.com/russian/features-37261738 (дата обращения: 03.08.2020).
18. Suleymanov A. "Sosyo-Kültürel Değişim Süreci İçerisinde Azerbaycan Toplumunun Bazı Meseleleri", Sosyoloji Konferansları, No 26, İstanbul, 2004.
19. Suleymanov A. "Avrasya coğrafyasında Güvensizlik Fenomeni" "Felsefe, Hoşgörü, Küreselleşme, Doğu-Batı-Düşüncelerinin Diyaloğu" temalı Rus Felsefecilerin 7. Uluslararası Kongresi, Ufa (Başkurdistan, Rusya), 2015.

REFERENCES:

1. Veenhoven R. *Happiness in nations: Subjective appreciation of life in 56 nations 1946-1992*, World Database of Happiness, 1993, Vol. 44, No. 6.
2. Chepurnyh M. *Indeksy Schast'ja: Opyt Zapada, Sociologicheskij Obzor*, Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija, 2012, No. 9, P.67–69 ISSN: 1815-4964.
3. Zhusupova A. «*Nuzhno li Kazahstanu Ministerstvo schast'ja*?», Forbes Kazakhstan, 05 marta 2020, available at https://forbes.kz//life/opinion/nujno_li_ kazahstanu_ministerstvo_schastya/? (accessed 20 august 2020).

4. Güler M., **Dönmez A.** «*İyi Olma Hali Bağlamında Uyum Düzeyi Kuramı ve Hedonik Döngü*», Türk Psikoloji Yazıları, Haziran 2011, 14 (27).
5. Nevzat Tarhan. *Mutluluk Psikolojisi ve Stresle Başa Çıkma*, Timaş Yayınları, İstanbul, 2019.
6. Tayfun Doğan. "*Mutluluk gerçekten gerekli mi*?", available at http: //www. tayfundogan.net/2016/10/06/mutluluk-gercekten-iyi-bir-sey-midir/ (accessed 15.08.2020)
7. *Duygu Leloğlu. Mutluluğun formülü yeniden yazılıyor*, available at https://www.sabah.com.tr/aktuel/2013/08/01/mutlulugun-formulu-yeniden-yaziliyor (accessed 12 august.2020).
8. Smoleva E.O. *Faktory schast'ja i udovletvorennosti zhizn'ju naselenija regiona: sociologicheskij aspekt*, Problemy razvitija territorii, 2016, №6 (86), P.76–93 ISSN: 2076-8915eISSN: 2409-9007.
9. Ayşe Böhürler. "*Milli mutluluk ve mutluluğu ne sağlar*?", 08.12.2018, available at https://www.yenisafak.com/yazarlar/aysebohurler/milli-mutluluk-ve-mutlulugu-ne-saglar-2048423 (accessed 16 july 2020).
10. *2nd OECD World Forum* – Istanbul, 2007 [el. resource], available at http://www.oecd.org/site/worldforum06/ishappinessmeasurableandwhatdothosemeasuresmeanforpolicy.htm (accessed 16 july 2020).
11. Shmatova Ju.E., **Morev M.V.** *Izmerenie urovnja schast'ja: literaturnyj obzor rossijskih i zarubezhnyh issledovanij*, Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz, 2015, №3(39), P.141–162 DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11.
12. Munise Tuba Aktaş. "*Mutluluğun Durağan Durum Hali*: *Yoksulluk Açısından Uyum Teorisine Dayalı Bir Analiz*", HAK-İŞ Uluslararası Emek ve Toplum Dergisi © Cilt: 4, Yıl: 4, Sayı: 10 (2015/3).
13. Lozinskaja A., **Borisova M.** «*V OON slozhili slovo «schast'e*», Gazeta.ru, available at https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2017/03/a_10584989.shtml (accessed 15.08.2020).
14. *Rejting stran mira po urovnju schast'ja po versii Organizacii Ob`edinjonnyh Nacij*, available at https://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report (accessed 28 july 2020).
15. Aysan M.F. **ve Özdoğru A.A. (2015).** *Avrupa'da erken çocukluk bakımı ve eğitiminin mukayeseli analizi*, Sosyoloji Dergisi, 30.
16. *Russia – World Happiness Index*, available at https://countryeconomy.com/demography/world-happiness-index/russia (accessed 20.07.2020).
17. *Neizvestnyj Uzbekistan*: *ravenstvo, bednost', schast'e*, BBC NEWS, 02.09.2016, available at https://www.bbc.com/russian/features-37261738 (accessed 03.08.2020).
18. Suleymanov A. "*Sosyo-Kültürel Değişim Süreci İçerisinde Azerbaycan Toplumunun Bazı Meseleleri*", Sosyoloji Konferansları, No 26, İstanbul, 2004.
19. Suleymanov A. "*Avrasya coğrafyasında Güvensizlik Fenomeni*" "Felsefe, Hoşgörü, Küreselleşme, Doğu-Batı-Düşüncelerinin Diyaloğu" temalı Rus Felsefecilerin 7. Uluslararası Kongresi, Ufa (Başkurdistan, Rusya), 2015.

SÜLEYMANLI Ebulfez – Uskudar University. İstanbul, Turkey. E-mail: ebulfez.suleymanli@uskudar.edu.tr; asuleymanov@yahoo.com

THE HAPPINESS LEVEL ASSESSMENT IN THE EURASIAN COUNTRIES IN THE CONTEXT OF THE WORLD HAPPINESS INDEX RESULTS

The formation of the scientific research direction of the happiness concept has a wide range of the category interpretations, including the quality of life as a tool for assessing. Currently, the world is developing a broad direction for the study of the concept of happiness. Scientific research in this direction began in the 1960s, and the "international happiness index" was designed. The index included gross domestic product, social assistance, hope for a healthy lifestyle, social freedom, charity and the nullification of corruption. The article examines the socio-psychological aspects of the happiness concept, evaluates international indices designed to measure happiness as a category of life quality, and conducts a comparative analysis of the level of happiness assessment in Eurasian countries in the context of using the "World Happiness Index" tool. The analyzed statistics show that among the Asian countries of the former USSR, Uzbekistan ranks 38th, Kazakhstan ranks 50th, Russia ranks 73rd, Kyrgyzstan ranks 74th, Azerbaijan ranks 90th, Turkey ranks 93rd, and Turkmenistan ranks 95th. It is necessary to take into account different parameters when assessing the reasons for the position of Eurasian countries in this rating, and it is important to make a comparative measurement of happiness in the countries of Eurasia, taking into account their local and cultural characteristics. The study indicated that the quantitative assessment based on this "happiness index" in the Eurasian countries emphasized a low level of satisfaction with the quality of life of the population. Based on human resource development and individual satisfaction databases it is possible to draw conclusions about the partial coincidence of happiness with the quality of life, while it is necessary to take into account that socio-cultural differences can cause discrepancy in the perception of happiness. In the countries where the traditional family values, kinship and nepotism prevail, this has a significant impact on the definition of happiness parameters; there is a tendency to evaluate happiness through the prism of individual relationships. Poverty is perceived as fate, thus justifying poverty and poor living conditions in poor, however, happy countries.

INTERNATIONAL INDEX OF HAPPINESS; THE COUNTRIES OF EURASIA; LOCAL AND CULTURAL FEATURES

УДК: 369
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.14

Е.Л. Болдырева

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ В ШВЕЦИИ

БОЛДЫРЕВА Елена Леонардовна – кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.
E-mail: boldyreva_el@spbstu.ru

Государство социального страхования, получившее развитие в Швеции, является неким образцом. В области страхования по болезни и по безработице имеется давняя институциональная направленность на добровольную защищенность, в то время как система пенсионного обеспечения развилась из различных вариантов защищенности, оговоренной определенными условиями, и общей защищенности дохода в совершенно новую систему, определяемую скорее взносами, нежели системой льгот. Шведский проект общества благоденствия отличается универсализмом, хотя и со значительными оговорками. Актуальность исследования не вызывает сомнения, поскольку социальную политику можно назвать зеркалом процессов, происходящих в других сферах жизнедеятельности общества. Вместе с тем, она влияет на экономические, политические и нравственные отношения в нем. Целью исследования является изучение теоретических и практических аспектов организации и функционирования системы социального страхования в Швеции, для чего автором последовательно решаются следующие задачи: 1) исследование исторических предпосылок формирования современной системы социального страхования и 2) анализ структуры организации, управления и функционирования вышеупомянутой системы. Методами исследования послужили системный анализ, синтез, конкретизация, методы сравнения и обобщения, а также историко-хронологический метод. В ходе проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что основополагающим принципом шведской социальной модели является ее универсальность, т.е. охват всех слоев населения. Равным образом все граждане, вне зависимости от их социального статуса, принимают участие в ее финансировании, внося соразмерный своим доходам вклад (принцип солидарности). Государство же берет на себя функции перераспределения социальных благ от обеспеченных к наиболее уязвимым категориям населения. Дороговизна подобной системы в полной мере компенсируется высокой степенью социальной защищенности населения, отсутствием шокирующих

контрастов между богатством и нищетой и соответственно прочной политической стабильностью. В рамках «шведской модели» активно использовались методы социальной инженерии. Знания, экспертиза и опыт рассматривались в качестве главных источников власти. Специалисты и эксперты играют самую активную роль в разработке и реализации социальной политики, в то время как общественные проблемы разрешаются административными методами. Экономическая и прочие разновидности экспертизы играют видную роль в функционировании современного «социального» государства.

ШВЕЦИЯ; СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ; ПОСОБИЕ; СИСТЕМА ЛЬГОТ; ОБЩЕСТВО БЛАГОДЕНСТВИЯ

Актуальность исследования не вызывает сомнения, поскольку социальную политику можно назвать зеркалом процессов, происходящих в других сферах жизнедеятельности общества. Вместе с тем, она влияет на экономические, политические и нравственные отношения в нем. ***Целью*** исследования является изучение теоретических и практических аспектов организации и функционирования системы социального страхования в Швеции, для чего автором последовательно решены *задачи*: 1) исследование исторических предпосылок формирования современной системы социального страхования и 2) анализ структуры организации, управления и функционирования вышеупомянутой системы. *Методами* исследования послужили системный анализ, синтез, конкретизация, методы сравнения и обобщения, а также историко-хронологический метод.

Среди различных институтов «государственного благоденствия», появившихся после того, как Отто фон Бисмарк выступил с первой инициативой создания системы социального страхования в Германии в 1880-е годы [1], можно отметить по меньшей мере пять разных альтернатив:

Модель добровольного страхования, субсидируемого государством, основанная на взаимных решениях проблем страхования, была создана на заре индустриализации профсоюзами, работодателями и другими организациями – в дальнейшем с общественным финансированием и под общественным контролем [2]. Частью этой традиции являются те фонды страхования по безработице, по большей части связанные с профсоюзами, которые и поныне существуют в Швеции и членом которых необходимо состоять, чтобы получать пособие по безработице, основанное на потерянном доходе.

Модель, основанная на проверке нуждаемости, уходит корнями в попечение бедных, введенное в приходах в XVIII веке. Тогда получение пособий зависело от дохода и состояния.

Корпоративная модель, в той её форме, в которой она была введена Бисмарком в Германии и в других местах католическими организациями, также исключала самых высокооплачиваемых, но еще и делила имевших право на пособие по различным программам, в зависимости от профессии. Эта модель главным образом использовалась в центрально-европейских странах.

Модель общей базовой защищенности и модель общей защищенности дохода по-разному развивалась в ряде промышленно-развитых стран после Второй мировой войны. Общим для создателей таких моделей было желание максимально увеличить группу подключенных к этой форме страхования в единой системе. В идеальном случае эта система должна была бы охватывать всех граждан или даже всех постоянно проживающих в стране.

Основы государства благоденствия в Швеции были заложены еще в конце XIX века, когда шведское государство, в соответствии с законодательством 1891 года, впервые начало выплачивать государственные пособия на содержание добровольных больничных касс. Дальнейшее сильное изменение произошло с законодательным введением системы обязательной ответственности работодателя в случае трудовой травмы в 1901 году, всеобщей, в принципе, пенсионной системы (хотя и учитывающей наличие состояния) в 1913 году, а также системы компенсации в случае болезни в 1931 году [3, с. 208].

Впоследствии государство благоденствия получает черты политического проекта, проводимого, прежде всего, Социал-демократической рабочей партией, начиная с 1932 года, в то время, когда она обладала властью в правительстве. Экспансивная политика благоденствия под знаком социал-демократии в значительной степени подкреплялась законами о всеобщей народной пенсии и всеобщем пособии на детей, принятыми в 1947 году. Однако, шведское социальное страхование не выходило за рамки базовых льгот вплоть до создания в 1950-е и 1960-е годы государственных трудовых пенсий, основанных на доходе, и пособий по болезни. Страхование родителей, общественная система детских

дошкольных учреждений и другие социальные услуги (повлекшие за собой высокий уровень занятости для женщин) появились, главным образом, только в 1970-е годы.

После 1991 года наступил беспрецедентный экономический кризис, прервавший долгий период полной занятости в Швеции в послевоенные годы. В 1992 году безработица была почти на таком же уровне, как и в других западноевропейских странах. В этих условиях система социального страхования была сокращена по ряду показателей – дни, в которые пособия не выплачиваются, были вновь введены в систему компенсаций по болезни и по безработице, а уровни возмещения потерянного дохода, так же как основания для расчета пенсий, были снижены на некоторое время [2].

По мнению ряда наблюдателей, как в Швеции, так и за ее пределами, хорошо развитая система государства всеобщего благоденствия воспринимается как синоним самой Швеции [4, с. 174]. Из этого восприятия и родилось само понятие «шведская модель». В это понятие вкладывается множество самых различных аспектов. В значительной степени это касается системы социального страхования, считающейся универсальной в том смысле, что она распространяется на всех граждан или даже на всех жителей страны. В действительности, однако, шведская система социального страхования никогда не была полностью универсальной, поскольку право на различные социальные льготы в Швеции основываются не только на гражданстве, но также, хотя и в меньшей степени, и на оцениваемой потребности, трудовом участии и добровольном вступлении в страховую кассу. Тяжелый экономический кризис 90-х годов отчасти ослабил гарантии сохранения дохода, предоставляемые гражданам шведской системой социального страхования, однако по оценкам большинства наблюдателей эта система по-прежнему обладает высокой степенью всеобщности, продолжая пользоваться широкой народной поддержкой.

«Социальное страхование», «социальное обеспечение», «социальная защита», «социальная помощь», – эти словосочетания понимаются по-разному в разных странах с разной законодательной системой [5]. В данном случае это ряд льгот и привилегий, подпадающих под понятие социального страхования в рамках шведской системы. В отдельных случаях речь идет о привилегиях, которые в Швеции не принято относить

к области социального страхования, но которые во многих других странах и системах отвечают содержанию этого термина [6]. Такие системы привилегий, как медицинское страхование и пособия, выделяемые молодым семьям, так же как ряд других более специфических пособий соответствуют понятию «социального обеспечения», например, в рамках Европейского Союза и Международной Организации Труда (МОТ) [7].

Можно сказать, что государство социального страхования, получившее развитие в Швеции, является примером нескольких из этих традиций – за исключением традиции проверки нуждаемости, направленной на «бедняков», и корпоративного направления, охватывающего только профессиональных работников. В области страхования по болезни и по безработице имеется давняя институциональная направленность на добровольную защищенность, в то время как система пенсионного обеспечения развилась из различных вариантов защищенности, оговоренной определенными условиями, и общей защищенности дохода в совершенно новую систему, определяемую скорее взносами, нежели системой льгот. Таким образом, можно утверждать, что шведский проект общества благоденствия отличается универсализмом, хотя и со значительными оговорками [8].

Большинство социальных пособий администрируются на местном уровне так называемыми государственными страховыми кассами. Исключение из правил составляет страхование по безработице, которое имеет добровольную административную структуру. Каждый ландстинг имеет страховую кассу с рядом местных отделений. Кассы не располагают собственными средствами и не вносят вклада в финансирование системы. Сбор средств происходит через налоги и социальные выплаты [9].

За работой страховых касс следит Государственное управление социального страхования, которое может также вырабатывать определенные правила и рекомендации по применению социальных законов. Некоторые соответствующие данные о нормах для местной государственной службы социальной помощи устанавливаются Государственным управлением социальной защиты населения, рекомендации которого, однако, сильно урезаются органами самоуправления коммун и ландстингов. Высшая ответственность за принятие законов и бюджетное финансирование большинства пособий по социальному страхованию на

уровне правительства возложена на Министерство здравоохранения и социальных дел. Соответствующая ответственность за страхование по безработице возложена на Министерство труда.

Так называемая базовая ценовая сумма – понятие, используемое в области социального страхования, а также в других сферах общественной и частной жизни. Оно создано для облегчения подсчета льгот и доходов в связи с изменениями в индексе цен на потребительские товары, т.е. для того, чтобы обеспечить сохранение ценности пенсионной системы.

Социально-страховое законодательство определяет многие льготы в процентах от базовой суммы. А сама эта сумма устанавливается правительством на каждый календарный год в соответствии с принципами расчета, установленными законом. Впервые базовая сумма была установлена в 1960 г. в размере 4 200 SEK. Сама по себе эта сумма представляет собой чисто статистический показатель и совершенно не отражает прожиточный минимум или что-то подобное. Предельный уровень годового дохода, дающего право на возмещение из системы социального страхования, составляет обычно 7,5 базовых сумм.

Нужно отметить, что некоторые показатели рассчитываются на основе специальной базовой суммы дохода.

После принятия в результате соглашения между несколькими партиями закона о новой пенсионной системе в Швеции с 1999 года существуют две действующие системы пенсионного обеспечения. Старая система, основанная на льготах, состоит из вышеназванной *всеобщей народной пенсии* (принятой постановлением 1947 года), а также добавляемой к ней *всеобщей дополнительной пенсией за выслугу лет,* связанной с прежними трудовыми доходами, *АТР* (принятой постановлением 1962 года), для тех, кто принимает участие в трудовой жизни. Новая система, основанная на выплатах, состоит частично из *пенсии по выслуге лет, основанной на трудовых доходах за всю трудовую жизнь,* с входящей в нее *гарантированной пенсией* для людей, не имеющих доходов от трудовой деятельности, частично из системы *обязательных отчислений* на личный сберегательный счет. Постепенный переход от пенсий, начисленных согласно старым правилам, будет происходить для лиц, родившихся между 1938 и 1953 гг. Лица, родившиеся после 1954 года,

получат пенсии целиком согласно новой системе, а лица, родившиеся до 1937 года, будут целиком охвачены старой системой [10].

На народную пенсию имеют право все, кто прожил в Швеции не менее трех лет. Система АТР охватывает всех, работающих по найму, или владельцев собственных предприятий, зарабатывающих ежегодно более одной базовой суммы, лежащей в основе пенсии. Полная народная пенсия выплачивается, если человек прожил в стране 40 лет в возрасте с 16 до 64 лет, а полная пенсия АТР – после 30 лет труда по найму в стране. Народная пенсия и АТР уменьшается на одну сороковую и, соответственно, одну тридцатую долю за каждый год, который человек не жил в Швеции или не работал.

На новую гарантированную пенсию имеют право все те, кто имел право на старую народную пенсию. Однако, в отличие от нее, размер гарантированной пенсии снижается в зависимости от пенсии по выслуге лет – от минимального пособия размером в 2,13 базовой суммы для тех, кто совсем не имеет или имеет низкую пенсию АТР, до нуля для тех пенсионеров, которые имеют пенсию за выслугу лет в размере 3607 или более базовых сумм. Новые пенсии за выслугу лет или премиальные пенсии охватывают всех работающих по найму или владельцев собственных предприятий. Новая пенсия за выслугу лет основана на всех трудовых доходах, заработанных в течение жизни получателя пособия, за те года, в течение которых было заработано более 24% базовой суммы. Как и в старой системе, пенсия за выслугу лет не зачитывается с доходов, превышающих 7,5 базовых сумм [10].

Как в старой, так и в новой системе, нормальный возраст выхода на пенсию составляет 65 лет. В старой системе фактический возраст выхода на пенсию мог колебаться от 60 до 70 лет. Выход на пенсию до 65 лет приводил к снижению пенсии, в то время как задержка выхода на пенсию означала повышение пенсии. В новой системе возраст выхода на пенсию гибкий, начиная с 61 года. При выходе на пенсию в новой системе пенсионные взносы, выплачиваемые в течение жизни, превращаются в возрастную ренту, на которую влияет остающаяся после уплаты налогов сумма процентов на часть пенсии, вложенную в премиальные пенсионные фонды.

Старая народная пенсия выплачивается, в первую очередь, в размере 96% от одной базовой суммы (для одинокого пенсионера это составляет

78,5% от базовой суммы для состоящих в браке), умноженной на то количество сороковых долей полной народной пенсии, на которое дает право количество прожитых в стране лет. К этому добавляется пенсионная надбавка в размере до 57% от этой базовой доли свыше основной пенсии, для тех, кто совсем не имеет или имеет низкую пенсию АТР. Сама пенсия АТР рассчитывается в зависимости от дохода за 15 лет работы по найму, в течение которых пенсионер зарабатывал больше всего, и выплачивается как надбавка размером примерно в 2% от среднего дохода за эти годы, умноженной на количество проработанных лет (но не более 30 лет). Новая трудовая пенсия рассчитывается по очень сложной формуле. Ежегодная возрастная рента рассчитывается частично в зависимости от постоянно вносимых взносов на социальные нужды в размере 16,5% дохода (но не более 7,5 базовых сумм), частично в зависимости от взносов в премиальные пенсионные фонды в размере 2,5% от дохода, а также от процентов по ним. Общая возрастная рента индексируется в зависимости от развития средней заработной платы. Возрастная рента увеличивается на коэффициент, определяемый частично средней предполагаемой продолжительностью жизни для той возрастной группы, к которой принадлежит пенсионер, частично нормой предполагаемого повышения уровня средней заработной платы в предстоящие годы [11].

Можно сказать, что преимущества новой системы по сравнению со старой, в первую очередь, заключаются в повышении стабильности при экономических потрясениях и в расширении возможностей предоставить пенсионерам реальную защищенность дохода. Недостатки, можно сказать, состоят в большем разнообразии, отличающем пенсионные пакеты отдельных пенсионеров. Ожидается, что это увеличит неравенство между пенсионерами и снизит прозрачность системы. Отдельные пенсионные программы существуют также для нетрудоспособных, для вдов и других членов семьи, потерявших кормильца. Как общая, так и основанная на доходах досрочная пенсия может выплачиваться либо на том же уровне, что и пенсия по старости, либо в размере трех четвертей, половины или четверти пенсии по старости, в зависимости от степени трудоспособности.

Пенсия пережившему члену семьи выплачивается в виде временной пенсии пережившему супругу или супруге (в настоящее время после проверки дохода), в форме базового пособия или, в отдельных случаях,

пособия, основанного на доходах. Базовое пособие выплачивается в течение шести месяцев, или в течение оставшегося времени, в течение которого переживший супруг живет вместе с детьми не старше 12 лет, при условии, что брак или сожительство (совместное проживание в незарегистрированном браке) продолжалось не менее пяти лет. Пережившие дети получают основное пособие в размере 25–50% базовой суммы. К этому добавляется пособие, основанное на доходах, в размере до 40% пенсии покойного для пережившего супруга или 30% для детей [11].

Все лица, работающие по найму, зарабатывающие не менее 6000 SEK в год, имеют право на возмещение потери дохода при болезни. Все жители Швеции имеют право на возмещение расходов на здравоохранение, т.е. на возмещение расходов, связанных с лечением.

Страхование по болезни финансируется через обязательные отчисления работодателей и собственные взносы, взимаемые в связи с налогообложением. В целом расходы на здравоохранение несут собрания уполномоченных представителей, избираемые путем всеобщих выборов. Они финансируют здравоохранение, входящее в сферу их ответственности, через прямое налогообложение жителей лена. Примерно 80% от этих налоговых средств идет на расходы на лечение и страхование по болезни. Само лечение финансируется частично из средств, выплачиваемых пациентами, в размере 60–300 SEK за прием у врача.

Страхование по болезни построено таким образом, чтобы максимально покрывать затраты на лечение из средств от налогообложения и снизить расходы пациентов в связи с заболеванием. Таким образом, плата за пребывание в больнице при длительном лечении не должна превышать для отдельного пациента 80 SEK в день. Зубоврачебная помощь для детей до 18 лет бесплатна, так же, как и лечение инсулином. Выделяются дотации на профилактическую зубоврачебную помощь, а также установлена верхняя граница личных расходов пациента при протезировании. Пациент обязан сам оплачивать покупку лекарств в размере до 400 SEK в течение двенадцати месяцев, но расходы свыше этой суммы не должны превышать 1300 SEK в год. Максимальная сумма других личных затрат на лечение составляет 900 SEK в течение двенадцати месяцев. Пенсионеры, проходящие лечение в больнице, не должны платить за лечение больше 1/3 своей пенсии.

Страхование по болезни покрывает 80% предыдущего заработка (но не превышает установленной верхней границы в 7,5 так называемой базовой суммы. Выплата начинается с 15-го дня болезни и продолжается до выздоровления. В период с 2-го по 14-ый день отсутствия на работе по болезни пособие выплачивается работодателем, также в размере 80% заработка. Пособие по болезни не должно превышать максимальной суммы в 598 SEK в день.

Страхование родителей, вступившее в силу в 1974 г., административно связано в Швеции со страхованием по болезни, но рассматривается как часть семейной политики. Пособие в связи с потерей заработка выплачивается как матери, так и отцу в течение того периода, когда они отсутствуют на работе после рождения или усыновления ребенка. Гарантированные по закону 450 дней распределены таким образом, что и мать, и отец получают по 30 обязательных оплачиваемых дней по уходу за ребенком, а остальные 390 дней они могут поделить между собой. Пособие выплачивается в размере 80% предыдущего заработка (но не выше установленной верхней границы) в течение года с рождения ребенка. В течение еще 90 дней по окончании этого срока неработающие родители имеют право на базовую льготу, так называемую гарантированную сумму, в размере 60 SEK в день. Родители, не имевшие ранее доходов, получают гарантированную сумму в течение всех 450 дней [5].

Условием для получения этого пособия, кроме работы по найму (для пособия, основанного на доходах), является то, что ребенок должен быть не старше 8 лет. Краткосрочное пособие по уходу за больным ребенком можно получать в течение 60 дней в год, пока ребенку не исполнится 12 лет (или 16 лет, если ребенок страдает хроническими заболеваниями или является инвалидом).

Для покрытия расходов для семей с детьми существует также система государственных пособий на детей, целиком выплачиваемых из средств налогообложения. Пособие выплачивается в размере 950 SEK в месяц на ребенка в возрасте до 16 лет (или до тех пор, пока ребенок учится в средней школе). Дополнительное пособие для многодетных семей выплачивается в настоящее время семьям, имеющим более трех детей (однако, имеются планы по отмене этого пособия) [10].

Введение этой системы было продиктовано, прежде всего, стремлением выровнять различия в условиях жизни между бездетными семьями и семьями с детьми, а с начала 70-х годов также для улучшения условий равноправия между мужчинами и женщинами. Планируемое увеличение страхования родителей за счет дополнительного месяца отпуска для отцов по уходу за ребенком с 2001 года – это еще одно проявление стремления правительства повысить равноправие между полами с помощью социального страхования.

Пособие в случае трудовой травмы может в принципе выплачиваться всем работающим по найму и индивидуальным предпринимателям в Швеции, пока они проживают в стране. Однако, эти пособия выплачиваются только в тех случаях, когда не выплачивается пособие по болезни. В случае продолжительных заболеваний работодатель обязан рассмотреть возможности реабилитации вместе с заболевшим и страховой кассой и составить план реабилитации. При переходе на реабилитационный план больной начинает получать так называемое пособие по реабилитации, выплачиваемое вместо пособия по болезни. Если условия для реабилитации отсутствуют, больной переходит на досрочную пенсию, которая может составлять до 100% прежнего заработка [11].

С 1993-го года введено гораздо более жесткое определение понятия трудовой травмы, когда это касается законодательства, связанного с социальным страхованием и его применением. Обязанность доказательства, когда нужно определить связь травмы с работой, возложена теперь в принципе на бывшего работника. Это привело к тому, что стало особенно трудно классифицировать как трудовые травмы, так называемые травмы в связи с изнашиванием организма, которые гораздо чаще встречаются у женщин.

Можно сказать, что для всех описанных здесь систем характерны яркие черты универсальности. Страхование по безработице (принятое по закону 1934 г.) противоречит этому направлению – оно и сегодня добровольное и основано на поддержке государства. Это отражается и на администрации данной системы. В отличие от других видов социального страхования, это страхование администрируется не государством, связанными с ним фондами и/или местными государственными страховыми

кассами, а не зависимыми от государства кассами взаимопомощи по безработице, чаще всего привязанными к профсоюзам и находящимися под контролем полугосударственного Управления рынка труда, AMS. Профсоюзная принадлежность означает, что нужно являться членом кассы, хотя противоположное необязательно, но примерно 90% всех работающих – члены касс. С 1974-го года появилась также альтернативная, полностью финансируемая государством система базовых пособий, так называемая материальная поддержка рынка труда (KAS). С 1998-го года существует также независимая государственная касса по безработице [11].

Незначительная часть добровольной системы страхования (около 7% от всех расходов) финансируется за счет индивидуальных членских взносов. Остальное финансирование происходит из государственного бюджета. В системе KAS финансирование полностью государственное. Помимо принадлежности к кассе в течение 12 месяцев непрерывно, требуется также, чтобы соискатель пособия был зарегистрирован как ищущий работу, был готов работать минимум три часа в день и 17 часов в неделю и проработал минимум 6 месяцев из последних 12 до потери работы. Увольнение по собственному желанию или отказ от предложенной подходящей работы влечет за собой прекращение выплаты пособия на срок от 20 до 60 дней. Учеба в течение одного года, а также 90 дней зарегистрированного поиска работы являются альтернативными условиями, дающими право на получение государственного базового пособия.

Государственное базовое пособие выплачивается в размере 240 SEK в день. Добровольное пособие, основанное на прежнем доходе, возмещает 80% прежнего заработка вплоть до сравнительно низкого потолка в 5,5 базовой суммы. Максимальная сумма в день составляет в настоящее время 580 SEK. Пособие, основанное на прежнем доходе, начинает выплачиваться только через пять административных неоплачиваемых дней без работы и без пособия. Время выплаты пособия составляет 300 дней без работы.

Первоначальным поводом к созданию добровольной системы, предложение «помощи для того, чтобы самому помочь себе», в данном случае тесно связано с еще одной стратегической целью: укрепить с помощью экономических и организационных инструментов основу для участия в профсоюзах. Преимущества такой системы заключаются в том, что профсоюзные организации дают больше возможностей обществу взять

ответственность на себя и участвовать в возвращении безработных на рынок труда. Недостатком является то, что безработные не могут рассчитывать на то, что они будут охвачены общей системой государственного страхования, характерной для других частей современной шведской системы социального страхования [10].

Таким образом, в ходе исследования автор пришла к ***выводу*** о том, что основополагающим принципом шведской социальной модели является ее универсальность, т.е. охват всех слоев населения. Равным образом все граждане, вне зависимости от их социального статуса, принимают участие в ее финансировании, внося соразмерный своим доходам вклад (принцип солидарности). Государство же берет на себя функции перераспределения социальных благ от обеспеченных к наиболее уязвимым категориям населения. Дороговизна подобной системы в полной мере компенсируется высокой степенью социальной защищенности населения, отсутствием шокирующих контрастов между богатством и нищетой и соответственно прочной политической стабильностью.

В рамках «шведской модели» активно использовались методы социальной инженерии. Знания, экспертиза и опыт рассматривались в качестве главных источников власти. Специалисты и эксперты играют самую активную роль в разработке и реализации социальной политики, в то время как общественные проблемы разрешаются административными методами. Экономическая и прочие разновидности экспертизы играют видную роль в функционировании современного «социального» государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Беспалова Л.Н.** Социальная политика Отто фон Бисмарка // Известия Алтайского государственного университета. 2011. No4-2(72). С.229–233. ISSN: 1561-9443.
2. **Boldyreva E.L., Stam F.B.** The polder model and its application in socio-political environment // Неделя Науки СПбПУ: материалы науч. конф. с междунар. уч. Часть 1. Гуманитарный институт. – 2019, ISBN: 978-5-7422-6470-5. – pp. 370–372.
3. **Петерссон О.** Шведская система правления и политика. М., 1998
4. **Хадениус С.** Шведская политика в XX веке. Конфликт и согласие. Стокгольм: Шведский Институт, 1997.
5. **Болдырева Е.Л.**, **Болдырева А.А.** Сравнение Норвегии и Чили по показателю ВВП на душу населения // Россия в глобальном мире. 2015. №7(30). С. 252–257. ISSN: 2304-9472.

6. Ministry of health and social affairs. URL: https://www.government.se/government-of-sweden/ministry-of-health-and-social-affairs/ (дата обращения: 20.09.2020).
7. **Mundlak G.** Organizing matters: Two logics of trade union representation. Cheltenham, UK Northampton, MA, USAInternational Labour OfficeGeneva, Switzerland, International Labour Organization 2020.
8. **Maul D.** The International Labour Organization. 100 Years of Global Social Policy. Berlin, 2019.
9. Strategisk forskningsagenda för arbetslivsforskning. URL: https: //forte.se /app/ uploads/2019/02/strategisk-forskningsagenda-arbetsliv-ta.pdf – Stokholm 2019 (дата обращения: 20.09.2020).
10. Pensionens alla dela. URL: https://www.pensionsmyndigheten.se/forsta-din-pension/sa-fungerar-pensionen/pensionens-alla-delar (дата обращения: 20.09.2020).
11. Система социального обеспечения Швеции. URL: https: //arbetsformedlingen.se/ other-languages/russkij-ryska/arbeta-i-sverige/sveriges-trygghetssystem (дата обращения: 20.09.2020).

REFERENCES:

1. **Bespalova L.N.** *Social'naja politika Otto fon Bismarka*, Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011, No4-2(72), P.229–233. ISSN: 1561-9443.
2. **Boldyreva E.L.**, **Stam F.B.** *The polder model and its application in socio-political environment*, Nedelja Nauki SPbPU: materialy nauch. konf. s mezhdunar. uch. Chast' 1. Gumanitarnyj institut. – 2019, ISBN: 978-5-7422-6470-5. – pp. 370–372.
3. **Petersson O.** *Shvedskaja sistema pravlenija i politika*, Moscow, 1998.
4. **Hadenius C.** *Shvedskaja politika v HH veke. Konflikt i soglasie*, Stokgol'm: Shvedskij Institut, 1997.
5. **Boldyreva E.L.**, **Boldyreva A.A**. *Sravnenie Norvegii i Chili po pokazatelju VVP na dushu naselenija*, Rossija v global'nom mire, 2015, №7(30), P. 252–257. ISSN: 2304-9472.
6. *Ministry of health and social affairs*, available at https://www.government.se/ government-of-sweden/ministry-of-health-and-social-affairs/ (accessed 20 september 2020).
7. **Mundlak G.** *Organizing matters: Two logics of trade union representation*. Cheltenham, UK Northampton, MA, USAInternational Labour OfficeGeneva, Switzerland, International Labour Organization 2020.
8. **Maul D.** *The International Labour Organization*, 100 Years of Global Social Policy. Berlin, 2019.
9. *Strategisk forskningsagenda för arbetslivsforskning*, available at https://forte.se/app/ uploads/2019/02/strategisk-forskningsagenda-arbetsliv-ta.pdf – Stokholm 2019 (accessed 20 september 2020).
10. *Pensionens alla dela*, available at https://www.pensionsmyndigheten.se/forsta-din-pension/sa-fungerar-pensionen/pensionens-alla-delar (accessed 20 september 2020).
11. *Sistema social'nogo obespechenija Shvecii*, available at https: //arbetsformedlingen. se/other-languages/russkij-ryska/arbeta-i-sverige/sveriges-trygghetssystem (accessed 20 september 2020).

BOLDYREVA Elena L. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnitcheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: boldyreva_el@spbstu.ru

THE SOCIAL INSURANCE IN SWEDEN

The social insurance state that has developed in Sweden is a kind of model. In the field of sickness and unemployment insurance, there is a long-standing institutional focus on voluntary protection, while the pension system has evolved from various options for stipulated protection and general income protection into an entirely new system defined by contributions rather than by a benefit system. The Swedish welfare society project is universal, albeit with significant reservations. The relevance of the study is beyond doubt, since social policy can be called a mirror of the processes taking place in other spheres of society. At the same time, it affects the economic, political and moral relations in it. The aim of the study is to study the theoretical and practical aspects of the organization and functioning of the social insurance system in Sweden, for which the author consistently solves the following tasks: 1) study of the historical prerequisites for the formation of the modern social insurance system and 2) analysis of the structure of organization, management and functioning of the above-mentioned system. The research methods were system analysis, synthesis, concretization, methods of comparison and generalization, as well as the historical-chronological method. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the fundamental principle of the Swedish social model is its universality, i.e. coverage of all segments of the population. Equally, all citizens, regardless of their social status, take part in its financing, making a contribution commensurate with their income (the principle of solidarity). The state takes on the functions of redistributing social benefits from the wealthy to the most vulnerable categories of the population. The high cost of such a system is fully compensated by the high degree of social security of the population, the absence of shocking contrasts between wealth and poverty, and, accordingly, strong political stability. Within the framework of the "Swedish model" methods of social engineering were actively used. Knowledge, expertise and experience were seen as the main sources of power. Specialists and experts play the most active role in the development and implementation of social policy, while social problems are resolved by administrative methods. Economic and other types of expertise play a prominent role in the functioning of the modern "social" state.

SWEDEN; SOCIAL INSURANCE; ALLOWANCE; BENEFIT SYSTEM; WELFARE SOCIETY

УДК: 130.2+008.2
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.15

И.И. Колесник

РАЗВЕНЧАНИЕ «МИФА МАШИНЫ» В КУЛЬТУРФИЛОСОФИИ ЛЬЮИСА МАМФОРДА

КОЛЕСНИК Ирина Ивановна – кандидат философских наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.
E-mail: kolesnik_ii@spbstu.ru

В данной статье исследованы основные положения критики технократического мировоззрения американского философа и культуролога Льюиса Мамфорда. Центральный миф XX века – миф машины – необходимо подвергнуть пересмотру, что и представлено в работах Мамфорда. На протяжении человеческой истории способность человека к символической деятельности имела куда большее значение, чем умение производить орудия труда. В ситуации сверхразвития науки и техники искусство и культура должны занять место стабилизирующего фактора.

Цель работы состоит в анализе проблемы необходимости пересмотра взгляда на человека и культуру в контексте развития философии техники на примере работ Льюиса Мамфорда. К задачам работы можно отнести исследование концепции Л.Мамфорда; выявление доказательств необходимости переосмысления роли техники с одной стороны, и роли искусства и культуры, с другой; а также способов решения проблемы чрезмерной технической ориентированности современного общества. В работе использованы методы сравнительного и исторического анализа.

«Миф машины» – не только название главной работы Мамфорда. Это, по мнению автора, главный миф мирового масштаба, созданный в последние столетия. Концепция Мамфорда – это попытка развенчать мифологию, связанную с преувеличением роли технологического развития в истории человечества, которое привело к тому, что человек напрямую ассоциирует себя с техникой и разного рода машинами, и современные смартфоны, ставшие универсальным продолжением или завершением руки, да и вообще самого человека, – точная иллюстрация этого. В то время как культура в свою очередь сама становится лишь одной из «субкультур». В противовес этому Мамфорд и другие авторы говорят об изначально творческой, созидательной сущности человека. В данном случае мы не противопоставляем ее

разрушительным инстинктам, а говорим о противоположности символической деятельности человека и процесса технизации общества. В то время как мир заполняется техникой, литература и искусство по-прежнему продолжают рассказывать о человеческом. Тем не менее, мегамашины со временем усложнились, принимая новые и новые формы, такие, как «религиозная мегамашина», «механизация и технизация». Развивая логику Мамфорда, можно утверждать, что современной формой становится мегамашина информации и интернета.

КУЛЬТУРА; ЧЕЛОВЕК; ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ; ТЕХНИЦИЗМ; АНТИТЕХНИЦИЗМ; МЕГАМАШИНА; МИФ МАШИНЫ; ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ И СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МАСШТАБ ЖИЗНИ

Актуальность. Ключевые работы американского философа и культуролога Льюиса Мамфорда – «The Story of Utopias», «Technics and Civilization», «The Culture of Cities», «The Transformations of Man», «The Myth of the Machine: The Pentagon of Power» – были им написаны в 1930–1960-е гг. XX в. Сам ученый прожил долгую жизнь – 94 года, и, будучи ровесником века (1895–1990), стал свидетелем взрыва технических перемен, охвативших весь мир. Автор не увидел последнюю волну технизации, которая настигла практически всех людей на земном шаре – новую эпоху экранов различных компьютерных устройств, неизбежно сопровождающих и преследующих современного человека любого возраста. Если ранее исследователи говорили о том, что орудия труда стали продолжением руки человека, сегодня это планшеты и смартфоны. В XXI веке даже отдаленные от центров урбанизации народы, ведущие традиционный образ жизни (охота, рыболовство, оленеводство), например, живущие на севере Европы саамы, снабжены мобильными телефонами. В нынешнее время, в эру сверхтехнологий, сверхскоростей, Интернета, компьютеров и смартфонов концепция человека, общества и культуры Л. Мамфорда стала даже более актуальна, чем прежде. Современному человеку кажется, что техника стала более послушной, тогда как вероятнее, сам человек ещё больше подчинился техническим устройствам. Мы стали свидетелями того, как в нынешнем 2020 году во время пандемии люди всей планеты оказались заложниками Интернета, дистанционных технологий и режима онлайн.

Цель работы состоит в анализе проблемы необходимости пересмотра взгляда на человека и культуру в контексте развития философии техники на примере работ Льюиса Мамфорда.

К ***задачам*** работы можно отнести исследование концепции Л. Мамфорда; выявление доказательств необходимости переосмысления роли техники с одной стороны, и роли искусства и культуры, с другой; а также способов решения проблемы чрезмерной технической ориентированности современного общества.

В работе использованы ***методы*** сравнительного и исторического анализа.

Поиски Льюиса Мамфорда, являвшегося специалистом по истории архитектуры, города и городской культуры, процессов урбанизации, посвящены развенчанию «мифа машины», мифа о первостепенной значимости научно-технического прогресса. Именно архитектура и монументальная скульптура, по мнению автора, являются яркими примерами «первичности искусства» и средоточием способности к символизированию [1].

Итак, изначальным тезисом Мамфорда является убеждение в том, что традиционный взгляд на историю человека и общества требует основательного пересмотра. Периодизация человеческой истории с точки зрения развития орудий труда, этапов механизации и технизации является не только неправомерной, но и порождающей заблуждения относительно человеческой сущности и несущей угрозу восприятию человеком самого себя. XX век породил активизацию философии техники, возникает спор между техницистами и антитехницистами [2; 3]. Вместо уклона в сторону технократии, по мнению Мамфорда, следовало бы развивать философию культуры, искусства и гуманистическую мысль. Учебники истории должны представлять собой не описание перехода человечества от одной экономической формации к другой и военных конфликтов, а подробный рассказ о развитии сложной системы символической деятельности человека. Именно символическая деятельность и должна ассоциироваться с человеком, обществом и прогрессом, по мнению Мамфорда. Автор упоминает концепцию «человека играющего» Хейзинги. Можно

вспомнить и другие многочисленные примеры. Л. Уайт говорил, что культура – это способность человека создавать символы [4]. Именно способность человека к символизированию, а не к созданию орудий труда является его отличительной чертой. Кассирер называл человека «символическим животным» [5]. М. Элиаде посвятил свои труды анализу символического мышления [6]. Все эти авторы говорят о символической природе человека.

Демифологизация – основная цель Мамфорда. Миф машины, на его взгляд, – центральный миф технократической цивилизации. Проводя подробную реконструкцию истории человечества, автор смещает акценты с технических достижений человека на символические, наполняя образ человека живыми чертами: человек познающий, любопытный, первооткрыватель, экспериментатор, тем самым уводя нас от образа человека-деятеля орудий труда.

Необходимо еще раз подчеркнуть основной тезис автора: у человека сложился искаженный взгляд на самого себя, вследствие чего возникло поклонение технике и отождествление себя с ней. Для исправления этой ситуации нужна переориентация на гуманистические идеи. Поэтому в своих работах автор пытается доказать первичность искусства и творческой деятельности на протяжении всей человеческой истории.

Мамфорд проводит следующую периодизацию истории мировой культуры: 1. Архаическая эпоха; 2. Эпоха цивилизаций; 3. Эпоха осевых религий и философий; 4. Эпоха механизации; 5. Постистория. И выделяет соответствующие типы человека: архаический, цивилизованный, осевой, механизированный, постисторический [1; 7].

Эпоха архаической культуры была наиболее благоприятным периодом для человека. В то время люди не только жили в неразрывной связи с природой, но и были свободны от мегамашин. Мир существовал в «человеческом масштабе». Наиболее, по мнению Мамфорда, был приближен к целостности именно архаический человек, находящийся на максимальном удалении от эпохи технического прогресса, пребывающий в гармонии с природой и с самим собой. В архаическую эпоху культура базировалась на соотношении понятий «мужское» и «женское», в

последующие же эпохи стержнем культуры становится не пол, а власть [1; 7; 8].

Современные исторические музеи, показывающие хронологию развития народов и государств, начинаются с залов, посвященных периодам первобытной эпохи с огромным количеством артефактов: каменных орудий, оружия, металлических изделий, совершенствовавшихся в последующие периоды. Тогда как самые значимые трансформации, происходившие, по мнению Мамфорда, в то время в языковой культуре, в овладении речью и создании языка, остаются незамеченными: «Если бы произносимые слова кристаллизировались и оставляли отложения, подобно раковинам или черепкам, то тогда палеонтологи едва ли даже узнали, что древний человек изготовлял орудия: его вниманием завладели бы хрупкие отложения слов, несущие следы всех стадий своего образования» [1].

Развивая свой исходное утверждение о том, что человеческое умение изобретать символы намного важнее, чем изготовление орудий, сноровка ума ценнее сноровки рук, Мамфорд переходит к анализу зарождения языка и речи. Наша культура, говорит он, делает слишком большой упор на практические интересы человека, а творческие процессы, праздная игра и эстетическое осмысление оказываются в стороне от внимания, хотя доисторическое техническое развитие было куда более медленным по сравнению с развитием языка. Появление речи оказалось важнейшим шагом, гуманизировавшим положение человека; для него потребовалось больше времени и усилий, чем для любой другой фазы в становлении человеческой культуры. В человеке произошла огромная внутренняя трансформация и коренные перемены, начался рост от бессознательности к сознанию. Доязыковой мир – это дочеловеческий мир. Формирование упорядоченной речи стало критическим моментом в развитии человека [1; 7; 8].

Уже начиная с эпохи древних цивилизаций, мир приобретает сверхчеловеческий масштаб, появляются машины власти, этот период Мамфорд называет «эпохой сотворения мегамашин». После создания древними цивилизациями первых мегамашин («рабочей», «военной» и

«бюрократической») человек, по мнению Мамфорда, навсегда утрачивает свободу и «человеческий масштаб жизни». Этот период, по мнению Мамфорда, является водоразделом человеческой истории.

Эпоха осевых религий возникает как протест против бесчеловечных социальных новообразований, появляются пророки, монахи, отшельники; возникает культура монастырей. Мамфорд отмечает, что, несмотря на дисциплину и порядок – главные черты первых мегамашин, монастыри возвращали жизнь к человеческому масштабу, к примеру, чтобы основать монастырь, достаточно было двенадцати человек. Монастырь в средние века становится альтернативой «цивилизованному обществу», избавляясь от его недостатков и возвращаясь к ряду составляющих архаичной культуры. Но со временем увеличившая свои масштабы религия сама становится новой формой мегамашины.

С оттока людей из городов в монастыри, которые становятся центрами образования, интеллектуальной деятельности, и, соответственно, изобретений, начинается переход к эпохе механизации.

Мамфорд выделяет одно из ключевых изобретений эпохи механизации: часы. Часы были придуманы для того, чтобы монахи могли соблюдать строгий распорядок: «Порядок и правильность, привнесенные в день монахов – чтобы всякая обязанность выполнялась в должной последовательности, через установленные промежутки времени, разделенного на семь «канонических часов», – отмерялись водяными, солнечными и, наконец, механическими часами. Из монастыря такая привычка наблюдать за ходом часов перешла на рынок, где, возможно, она и зародилась в классическую эпоху; так, с XIV века весь город сверял свои дела с колоколами часовой башни на ратушной площади» [1]. С появлением и распространением часов время стало условностью и абстракцией, ведущей к синхронизации: «В XVI веке часы с городской башни на рыночной площади, где они висели все средневековье, переместились и в дома знати, заняв место на каминной полке, а к XIX веку они уже уменьшились до таких размеров, что почти превратились в предмет человеческого костюма: их носили на жилетной цепочке, в кармане или на запястье» [1].

Кроме часов были также изобретены печатный станок, очки, деньги. Новые элементы механизации позволили заложить фундамент для трансформации мегамашины: «Итак, между XII и XVI веками были сделаны все ключевые изобретения, на основании которых предстояло выстроить целое полчище новых машин, совершив первый шаг к созданию нового типа мегамашины: это водяная и ветряная мельница, увеличительное стекло, печатный станок и механические часы» [1].

Можно констатировать, что эпоха механизации порождает большое количество технических устройств и механизмов, которые становятся предметом идолопоклонничества. Механизация распространяется на ритм и образ жизни человека. Жизнь теперь подчиняется таким абстракциям, как время (часы), деньги, синхронизируется и универсализируется на всей планете. Эту тему в последующем развивает норвежский философ и социолог Т. Эриксен [9]. Человеческой личности все труднее вырваться за рамки новой тоталитарной системы, которая предстает в XX веке в разных формах. Мегамашины трансформируются, и человек не может выйти за их границы.

«Миф машины» – не только название главной работы Мамфорда. Это, по мнению автора, главный миф мирового масштаба, созданный в последние столетия. Концепция Мамфорда – это попытка развенчать мифологию, связанную с преувеличением роли технологического развития в истории человечества, которое привело к тому, что человек напрямую ассоциирует себя с техникой и разного рода машинами, и современные смартфоны, ставшие универсальным продолжением или завершением руки, да и вообще самого человека, – точная иллюстрация этого. В то время как культура в свою очередь сама становится лишь одной из «субкультур». В противовес этому Мамфорд и другие авторы говорят об изначально творческой, созидательной сущности человека. В данном случае мы не противопоставляем ее разрушительным инстинктам, а говорим о противоположности символической деятельности человека и процесса технизации общества. В то время как мир заполняется техникой, литература и искусство по-прежнему продолжают рассказывать о человеческом. Тем не менее, мегамашины со временем усложнились,

принимая новые и новые формы, такие, как «религиозная мегамашина», «механизация и технизация». Развивая логику Мамфорда, можно утверждать, что современной формой становится мегамашина информации и интернета.

Мамфорда относят к антитехницистам. Антитехницизм – это не отдельная школа или направление в культурфилософии, это общее наименование целого ряда исследователей, имеющих похожий взгляд на проблему соотношения роли научно-технического развития и гуманистической культуры. Стоит отметить, что восторженное отношение к научно-техническому прогрессу привело в XX веке к общечеловеческому регрессу, мировым войнам и использованию атомного оружия. Поэтому вряд ли уместно называть трезвые оценки и предостережения антитехницистов «технофобией». Мамфорд разделяет технику на авторитарную и демократическую. Когда на первый план выходит авторитарная техника, и человеческий мир регулируется количеством и качеством оружия, а технические устройства, вместо того, чтобы служить человеку, уничтожают его, необходимо прилагать усилия, чтобы перенаправлять этот процесс в иное русло. К этому и призывает гуманистическая философия Л. Мамфорда. Культура и искусство должны стать теми сферами, которые будут уравновешивать высокоскоростной и мощный технический прогресс.

Итак, Льюис Мамфорд утверждает, что в какую бы культурную эпоху не родился человек, исключая архаическую, он оказывается погруженным в ту или иную невидимую безликую бесчеловечную мегамашину. Поэтому идеал Мамфорда – постисторический человек, способный прорваться сквозь границы истории и вырваться на свободу [10]. Общество должно поменять иррациональные направления движения, переориентироваться на гуманные цели. Этому должно поспособствовать осознание человеком своей главной черты – способности к самотрансформации, к самопреображению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Мамфорд Л.** Миф машины: Техника и развитие человечества / Льюис Мамфорд; [пер. с англ.]. – М.: Логос ∑, 2001. – 404 с.
2. Новая технократическая волна на западе. М., 1986.
3. Философия техники в ФРГ. М., 1989.
4. **Уайт Л.** Избранное: Наука о культуре / Лесли Уайт; [сост. Л.А. Мостова, науч. ред. О.Р. Газизова, пер. с англ.: О.Р. Газизова, П.В. Резвых]. – М.: Росспэн, 2004. – 959 с.
5. **Кассирер Э.** Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М., 1988. – 552 с.
6. **Элиаде М.** Аспекты мифа / Мирча Элиаде; [пер. с фр.: Большаков В.П.]. – М. : Акад. проект, 2000. – 223 с.
7. **Светлова И.И.** Проблема трансформации человека в философии культуры XX века: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – СПб., 2009. – 22 с.
8. **Светлова И.И.** Проблема трансформаций человека в философии культуры Л. Мамфорда // Научно-технические ведомости СП6ГПУ. Экономические науки. 2006. № 3 (48). С. 194-198
9. **Эриксен Т.Х.** Тирания момента: время в эпоху информации. М., 2003.
10. **Mumford L.** The Transformations of Man. L., 1957.

REFERENCES:

1. **Mamford L.** *Mif mashiny: Tehnika i razvitie chelovechestva*, / L'juis Mamford; [per. s angl.], Moscow, Logos ∑, 2001, 404 p.
2. *Novaja tehnokraticheskaja volna na zapade*, Moscow, 1986.
3. *Filosofija tehniki v FRG*. Moscow, 1989.
4. **Uajt L.** *Izbrannoe: Nauka o kul'ture*, Lesli Uajt; [sost. L.A. Mostova, nauch. red. O.R. Gazizova, per. s angl.: O.R. Gazizova, P.V. Rezvyh]. Moscow, Rosspjen, 2004, 959 p.
5. **Kassirer Je.** *Opyt o cheloveke: vvedenie v filosofiju chelovecheskoj kul'tury*, Problema cheloveka v zapadnoj filosofii, Moscow, 1988, 552 p.
6. **Jeliade M.** *Aspekty mifa*, Mircha Jeliade; [per. s fr.: Bol'shakov V.P.], Moscow, Akad. proekt, 2000, 223 p.
7. **Svetlova I.I.** *Problema transformacii cheloveka v filosofii kul'tury XX veka*: avtoref. diss. ... kand. filos. nauk: 09.00.13, St. Petersburg, 2009, 22 p.
8. **Svetlova I.I.** *Problema transformacij cheloveka v filosofii kul'tury L. Mamforda*, Nauchno-tehnicheskie vedomosti SP6GPU, Jekonomicheskie nauki, 2006, № 3 (48), P. 194–198.
9. **Jeriksen T.H.** *Tiranija momenta: vremja v jepohu informacii*, Moscow, 2003.
10. **Mumford L.** *The Transformations of Man*, L., 1957.

KOLESNIK Irina I. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnitcheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: kolesnik_ii@spbstu.ru

DECOMPOSING THE "MACHINE MYTH" IN THE CULTURAL PHILOSOPHY OF LEWIS MUMFORD

The article examines the main points of criticism of the technocratic worldview of the American philosopher and cultural scientist Lewis Mumford. The central myth of the twentieth century - the myth of the machine - needs to be revisited, which is presented in the works of Mumford. Throughout human history, a person's capacity for symbolic activity has been much more important than the ability to produce tools. In the situation of overdevelopment of science and technology, art and culture should take the place of a stabilizing factor.

The purpose of the work is to analyze the problem of the need to revise the view of man and culture in the context of the development of the philosophy of technology on the example of the works of Lewis Mumford.

The tasks of the work include the study of L. Mumford's concept; identifying evidence of the need to rethink the role of technology on the one hand, and the role of art and culture, on the other; as well as ways to solve the problem of excessive technical orientation of modern society.

The methods of comparative and historical analysis are used in the research.

The Machine Myth is not only the title of Mumford's major work. This, according to the author, is the main myth of the world scale, created in recent centuries. Mumford's concept is an attempt to debunk the mythology associated with the exaggeration of the role of technological development in the history of mankind, which led to the fact that a person directly associates himself with technology and all kinds of machines, and modern smartphones, which have become a universal continuation or completion of the hand, and indeed of the very a person is an accurate illustration of this. While culture, in turn, itself becomes only one of the "subcultures". In contrast, Mumford and other authors talk about the originally creative, creative nature of man. In this case, we are not opposing it to destructive instincts, but we are talking about the opposition of the symbolic activity of man and the process of technization of society. While the world is filled with technology, literature and art continue to talk about the human. Nonetheless, megamachines have become more sophisticated over time, taking on new and new forms, such as the "religious megamachine," "mechanization and technicalization." Developing the logic of Mumford, it can be argued that the mega-machine of information and the Internet is becoming the modern form.

CULTURE; HUMAN; CULTURAL PHILOSOPHY; TECHNICISM; ANTI-TECHNICISM; MEGA MACHINE; MACHINE MYTH; HUMAN AND SUPERHUMAN SCALE OF LIFE

УДК: 930
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.16

И.В. Сидорчук

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО ДОСУГА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

СИДОРЧУК Илья Викторович – кандидат исторических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.
E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

Целью исследования является рассмотрение особенностей изучения советского досуга в англоязычной историографии в период с 1960-х гг. по настоящее время. На современном этапе методология исследования истории досуга находится в стадии накопления. Задачи статьи заключаются в том, чтобы дополнить методологическую базу исследования досуговых практик и изучить опыт применения достижения leisure studies к советскому материалу. Они решались на основе комплексного использования общенаучных методов (логического, исторического), а также специально-исторических (типологического, проблемно-хронологического, сравнительно-исторического) и науковедческих (наукометрического, аналитического) методов. В исследовании также использовались положения новой культурной истории, методы исторической антропологии и кросс-культурных исследований. Автор приходит к выводу, что советский досуг попал в сферу внимания американских и британских специалистов в период «оттепели», что было связано как с изменениями в советском обществе после 1956 г., так и развитием социологии досуга как научного направления. Основной задачей подобных работ была попытка понять особенности развития досуговой культуры в СССР и сравнить их с ситуацией в современном западном капиталистическом обществе. Главным и очевидным отличием однозначно признавалось государственное регулирование досуга властью, которое, впрочем, позволяло существовать индивидуальным и внеподконтрольным его формам, со временем становившимся для населения все более привлекательными. Основными

* *Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук, проект МК-1636.2020.6.*
This a1ticle was prepared with the support of the grant of the President of the Russian Federation for young scientists-candidates of sciences, project МК-1636.2020.6.

препятствиями развитию досуговой культуры в СССР являлся низкий уровень жизни, превышение спроса над предложением, плохие жилищные условия и непривлекательность ряда досуговых практик, предлагаемых или навязываемых государством. Чрезвычайно интересным представляется наблюдение ряда авторов о близости советского досуга к «протестантской этике», что выражалось в неприятии досуга как праздности, а отношении как к способу восстановления сил. Также отметим замечание ряда специалистов о необходимости внимательного отношения к использованию термина «досуг» (leisure) применительно к советским условиям. Данную мысль стоит учитывать современным отечественным историкам при обращении к leisure studies и работе с англоязычными исследованиями.

ИСТОРИЯ ДОСУГА; ИСТОРИОГРАФИЯ; ИСТОРИЯ СССР; ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ; СОВЕТОЛОГИЯ

В настоящее время история досуга является одним из наиболее быстро набирающих популярность и ***актуальных*** направлений в отечественной исторической науке. Причины этого стоит искать в обращении ученого сообщества к неклассическим направлениям в изучении истории – новой культурной истории, истории повседневности, исторической антропологии, микроистории, истории спорта и т.д. ***Целью*** настоящей статьи является рассмотрение особенностей изучения советского досуга в англоязычной историографии в период с 1960-х гг. по настоящее время. К настоящему моменту методология исследования истории досуга находится в стадии накопления. Настоящая работа имеет ***задачу*** дополнить методологическую базу исследования досуговых практик, изучить опыт применения достижения *leisure studies* к советскому материалу. Поставленные задачи решались на основе комплексного использования общенаучных ***методов*** (логического, исторического), а также специально-исторических (типологического, проблемно-хронологического, сравнительно-исторического) и науковедческих (наукометрического, аналитического) методов. В исследовании также использовались положения новой культурной истории, методы исторической антропологии и кросс-культурных исследований.

Профессиональное изучение досуга (*leisure studies*) приходится на начало XX в., символическим стартом чего обычно признается работа Т. Веблена «Теория праздного класса: экономическое исследование институций», опубликованная в 1899 г. Ведущую роль в развитии этого направления играли социологи и экономисты, понимавшие необходимость

реагировать на изменения условий труда. Введение методов научного управления, сокращение рабочего дня, появление отпусков привело к появлению в технологической цивилизации новичка – *the after-work man* [5, p. 510]. Бурный рост направления приходился на период примерно с 1950 по 1970 годы [9; 12].

Вопреки некоторым прогнозам периода послевоенного экономического бума, предсказывавшим полное торжество досуга уже к концу века, *long arm of job* не избавила человека от необходимости труда. Тем не менее, постиндустриальная эпоха потребовала переосмысления категории досуга из-за колоссального роста его значения в жизни. Речь шла о том, что в постфордистском обществе работа потеряла свое прежнее значение, и ее понимание исключительно через противопоставление досугу оказалось неприемлемым [10, p. 391]. Таким образом, склонность разделять нашу жизнь на полярные крайности труда и досуга, как если бы все виды деятельности были либо тем, либо другим, оказалась обманчивой и препятствующей пониманию нюансов как одного, так и другого [6, p. 363]. Граница между трудом и досугом оказалась практически уничтоженной или, пользуясь концепцией З. Баумана, «текучей».

Подобная трансформация породила устойчивый интерес к теме досуга и множество концепций, трактовок и идей по его систематизации. По замечанию Т. Блэкшоу, на современном этапе именно эта особая сфера человеческой деятельности, возможно, более чем какая-либо другая, дает нам трепет от поиска «неизвестного известного» в жизни и восторг от потенциального открытия ее тайны, сущностной непостижимости [4, p. 2]. При этом любая интерпретация досуга будет спорной и не единственно возможной. Есть мнение (Й. Пипер, А. де Грация), что этот феномен настолько разнообразен, сложен и субъективен, что современная социальная наука просто не может надеяться справиться с ним [см.: 6, p. 361].

Западные специалисты, обратившиеся к изучению досуга в других странах, сразу осознали невозможность переноса на иное культурное поле главенствовавшей в англо-саксонском мире доктрины протестантской трудовой этики. Это характерно и для советологов, ставших целенаправленно изучать досуг в СССР в 1960-х гг. Их исследования строились во многом именно на противопоставлении достижений в этой

области капиталистического и социалистического строя. К культурным отличиям добавлялись иные исторические условия, экономическая политика, высочайшая роль государства и главенствующей идеологии в выстраивании досуговой культуры.

В Советском Союзе полноценное научное изучение свободного от работы времени началось в 1920-е гг. и было связано с повышенным вниманием власти к производству и стремлением к аккультурации населения, прививки культурных и правильных, с ее точки зрения, досуговых норм. Право на отдых в стране было закреплено в Конституции (ст. 119 «сталинской» конституции) и включало регулирование рабочего дня и его обеспечение различными способами, в том числе «предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов» [1, с. 308]. Начало Великой Отечественной войны и послевоенное восстановление отодвинули вопросы досуга на второй план, и только в период «оттепели» вновь начались поиски ответов на них. Одной из причин возрождения интереса к досугу также был перевод рабочих и служащих на семичасовой рабочий день согласно закону СССР от 7 мая 1960 г., что было реальным следствием установки власти на сокращение рабочего времени и символом преимуществ советского строя.

Новости с другой стороны железного занавеса и результаты исследований советских коллег стали основными источниками при изучении досуга в СССР западными учеными. Известный политолог, специалист в области международных отношений, автор ряда монографий, посвященных СССР, коммунистическому движению и ближневосточным конфликтам Лоуренс Уэттен (Lawrence Whetten) в своей статье 1960 г. [13] отмечал, что коммунизм имеет конечную цель в виде достижения общего менталитета и морали, и в Союзе большое внимание уделяется управлению судьбой обывателя. Использование свободного времени находится под жестким контролем власти, ведь досуг жизненно важен в контролируемом обществе. До тех пор, пока свободное время не будет полностью регламентировано, «чувство ответственности», которое прививают работнику, может покинуть его в часы вне ее. В США отсутствуют четкие социальные цели, кроме абстрактной «погони за счастьем», и в то время как

на Западе досуг определяется самим народом, в коммунистических странах он контролируется правительством. При этом Уэттен отмечал снижение контроля над этой сферой после XX съезда. До этого отдых был для советского жителя не просто конституционным правом, но «социальной обязанностью», так как позволял восстанавливать силы для новых трудовых подвигов. В Соединенных Штатах основной социальной единицей в сфере досуга по-прежнему являлась семья, тогда как в СССР ею была группа или коллектив (пионерия, комсомол и пр.), поскольку так легче контролировать производительные силы общества. Многие взрослые работники в силу разных причин не могли спланировать совместный семейный досуг, а отдых в санаториях подразумевал строгое следование распорядку дня, выполнение процедур и пр. Высокую роль играли различные кружки по интересам, клубы. Государство делало все для того, чтобы заполнить свободное время граждан, хотя выбор культурных мероприятий был весьма ограничен. Препятствовала развитию досуга и ситуация с транспортом: железнодорожные билеты не всегда можно достать, а автомобили есть далеко не у всех, и путешествовать на них крайне неудобно. В качестве яркой иллюстрации дефицита возможностей для досуга автор приводил информацию о том, что в Москве всего 30 ресторанов и ни одного ночного клуба. При этом стесненные жилищные условия не позволяли организовать комфортное свободное времяпрепровождение дома. Также Уэттен приводил данные о том, что в США в разы выше продажи пива, число телевизоров и радиоприемников. Таким образом, важнейшее отличие от США он видел в государственном контроле над досугом, нехватке потребительских товаров и неизменном желании многих советских граждан более персонализированного досуга, траты свободного времени просто на наслаждение жизнью, например, на строительство дач, а не выполнение «социального долга». Любопытен прогноз автора, что при сохранении ситуации контроль на национальном, групповом и личностном уровнях станет более хрупким и менее эффективным.

Специалист в области советской экономики, преподаватель Чикагского университета, а впоследствии приглашенный аналитик ЦРУ Джереми Азраил (Jeremy Richard Azrael) досугу в СССР посвятил статью, опубликованную летом 1961 г. [3]. Отметив планы Н.С. Хрущева по

дальнейшему сокращению рабочей недели, он задался вопросом – а как советский гражданин будет использовать свой возросший досуг? Ответ он постарался дать на основе впечатлений, полученных во время своего годичного пребывания в СССР. Важно, что автор разделил понятия «досуг» и «отдых». По его мнению, отпуск в СССР существует для отдыха (*rest*) и имеет своеобразные коннотации в советском сознании. Отдых, как правило, подразумевает почти полный уход из привычной среды. По возможности человек попадает в санаторий и подчиняется «спокойной дисциплине» – специальной диете, организованным играм и пр. Если человек не может попасть в санаторий, он пытается воссоздать его атмосферу дома или на даче. Отдых – это не только право каждого труженика, но и его долг. В качестве примера он приводил отношение советского человека к празднику как к полной противоположности покоя и праздности. В связи с этим, он пришел к выводу, что к 1960-м гг. именно в СССР в большей степени стала господствовать «протестантская этика», где досуг нужен для восстановления сил перед работой. В Америке она к этому времени ушла в прошлое, в связи с чем он подверг критике заключения Маргарет Мид, полагавшей, что для американца право на отдых все еще соединяется с обязанностью «отдохнуть» и подготовиться к работе в следующем году.

Как и Уэттен, Азраил отметил усталость среднестатистического советского горожанина от вездесущей грубой агитации и спрогнозировал маловероятность изменения этой ситуации в будущем. Одним из следствий превышения спроса на досуг над предложением он полагал частое стремление граждан к развлечению (*amusement*), а не к подлинному отдыху. Также он обратил внимание на популярность в СССР хобби, связанных с техникой, и объяснил это неприспособленностью к «чудесам» современного индустриального общества. Еще одной отличительной чертой советского общества, согласно его выводам, является популярность хобби накопительно-торговой разновидности, которую фрейдистские психологи относят к типу личности, ассоциированному с ранними стадиями промышленного роста. Также Азраила удивило множество людей, занимающихся физкультурой, например, загорающих на пляже Петропавловской крепости и «моржей». При этом спорт существовал

далеко не только в рамках государственного регулирования, но и за счет общественного энтузиазма. К факторам, препятствовавшим развитию досуга, он относил жилищные условия, скученность и отсутствие приватности, что не позволяло сделать его центром дом. В связи с этим и пьянство было «всего лишь средством вырваться из дома и найти место для общения с друзьями», а пивные – «просто местами сбора, где можно посидеть с комфортом, не испытывая угнетающих домашних условий». К ностальгии по сельской жизни, желанию «переоткрыть» природу он относил любовь к комнатным цветам, устройству скверików и лужаек у многоквартирных домов, стремление приобрести дачу и даже сбор грибов. Подобный энтузиазм, по его мнению, может быть умело использован властью, однако «попытка режима направить возросший досуг городского населения в сторону усиления идеологической индоктринации и усиления политической активности, похоже, не увенчалась успехом». Тем не менее, существуют широкие области, где режим способен осуществлять позитивный контроль над использованием досуга именно путем манипулирования «естественными» склонностями к отдыху своих граждан. Азраил полагал, что за счет концентрации этих зон режиму, скорее всего, удастся избежать серьезной «проблемы досуга». Реализация предлагаемых властью гуманистических целей досуга (повышение культурного уровня населения, распространение образования, воспитание вкуса, обогащение общественной жизни и т.д.) вполне совместима с тоталитарным правлением. При этом остается актуальной проблема потребления, которую в ближайшее время решить вряд ли удастся.

Советолог, специалист в области советской экономики и автор работ, посвященных социальной жизни в СССР Мюррей Янович (Murray Yanowitch) в публикации 1963 г. в журнале “Soviet Studies” обратился к анализу взглядов советских ученых на проблему досуга в СССР [14], отметив поддержку подобных исследований со стороны советского правительства. Он предложил использовать термин «досуг» (*leisure*) как эквивалент советского понятия «свободное время» (*free time*), т.е. как остаточное время, оставшееся в сутках, неделях, месяцах и т.д., после вычета времени, потраченного на работу, на поездки на работу и с работы, домашние дела (включая уход за детьми), личный уход и питание и сон.

При этом он замечал, что советское использование терминов «свободное время» и «досуг» для обозначения всего времени, проведенного в «гражданской деятельности» (*civic activities*), вряд ли представляется уместным: «Сомнительно, чтобы посещение партийных или комсомольских собраний членами этих организаций можно было осмысленно рассматривать как свободное или досуговое время». Параллельно он часто обращался к термину «отдых» (*rest*), подчеркивая его неидентичность с «досугом». Говоря о проблемах развития досуга, он отмечал неравный доступ к нему мужчин и женщин, так как последние должны тратить много времени на работу по дому. Таким образом, при переходе с 8-часового на 7-часовой рабочий день у мужчин наблюдалось увеличение свободного времени на 4–5 часов в неделю, а у женщин основная часть возросшего нерабочего времени уходила на домашние дела. Сокращение времени, необходимого для выполнения домашних обязанностей, будет во многом зависеть от готовности государства высвободить ресурсы для расширения сети детских учреждений, увеличения производства бытовой техники и модернизации торговых объектов. Другой проблемой являлась удаленность места работы от дома, что приводило к тому, что люди тратят на дорогу ежедневно по 1,5–2 часа. Янович также обратил внимание на критику советскими учеными «бездеятельного отдыха». В частности, привел слова ведущего отечественного исследователя бюджетов времени С.Г. Струмилина, с удовлетворением отмечавшего, что современный советский рабочий тратит меньше на «убийство времени», чем его коллега 25–30 лет назад. Для этого всячески поддерживается социально одобряемый, «культурный отдых».

Непосредственно сравнению американского и советского досуга посвящена статья политического социолога Пола Холландера (Paul Hollander) [7], известного своей критикой коммунизма, что во многом было связано с его биографией: венгерский еврей, он эмигрировал из Венгрии после поражения выступлений 1956 г. В его работе неизменно подчеркивается тоталитарный характер советского государства, отражающийся на всех сферах жизни общества. Показательно, что он использовал термин «официальные ценности» для советского общества и «доминирующие» для американского. По его заключению, до самого

последнего времени досугу в СССР уделялось внимание в первую очередь из-за его взаимозависимости с работой, рекреационной функции, и этот акцент напомнил ему западную пуританскую традицию, в которой досуг рассматривается лишь как дополнение к работе или подготовка к ней. Далее он постарался раскрыть эту мысль. Долгосрочная цель социалистической политики в области досуга состоит не только в его максимизации, но и в том, чтобы соединить его с уникальной формой работы, приносящей удовлетворение. Таким образом, в отличие от западного религиозного пуританства, советская версия «протестантской этики», по Холландеру, имеет в конечном счете гедонистический компонент. Желательное использование досуга рассматривается советской пропагандой как существенный элемент развития нового советского человека, пригодного к жизни при коммунизме, подразумевая, что досуг – это нечто большее, чем просто отдых. В статье четко обозначена проблема эскапизма – стремления к свободным и нерегулируемым властью формам досуга. В той мере, в какой Советский Союз также становится более светским или менее идеологическим, проблема, по его мнению, будет расти и приведет к еще большему слиянию досуга с эскапизмом. Показательным ему также видится, что советские граждане более высокого социального статуса предпочитают индивидуализированные формы досуга – проводить время на даче, бесцельно кататься на машине и пр. В результате он сделал следующий вывод о схожести и различии ситуации в СССР и США: «Как в США, так и в Советском Союзе активный досуг предпочтительнее пассивного или рефлексивного; в обеих странах связь между досугом и личной жизнью весьма слаба, хотя в Советском Союзе она была гораздо сильнее и находилась под гораздо более очевидным внешним давлением, направленным против частной жизни вообще. В обоих обществах существует тенденция связывать бездействие или пассивный досуг с праздностью, происходящей из фонда исторических, пуританских влияний. В американском случае, однако, происхождение этих идей гораздо глубже похоронено в прошлом и оказывает меньшее влияние на поведение, чем в Советском Союзе». Он также отметил, что для обеих стран актуальны проблемы девиантного досуга, особенно среди молодежи. Наконец, степень привязки досуга в Соединенных Штатах к потреблению неизмеримо превышает аналогичный уровень в Советском Союзе.

Другой ученый-эмигрант из Восточной Европы – Иржи Зузанек (Jiri Zuzanek) – до переезда в Канаду обучался в Московском университете, успел защитить диссертацию в Праге и поработать в Швеции. Он является специалистом в области социологии досуга, массовой культуры и изобразительного искусства. В 1980 г., уже работая в канадском Университете Ватерлоо, он подробно изучил дискуссии советских социологов по вопросам соотношения труда и досуга [15]. По его заключению, в СССР подход к проблеме досуга стал более прагматичным, чем тот, который присутствовал в ранних советских исследованиях, предполагавших автоматическое разрешение конфликта между работой и досугом с наступлением высокого уровня технологического развития. Работа и досуг стали рассматриваться не только как взаимодополняющие, но и как конфликтующие реальности, хотя традиционные установки советской социологии труда и досуга не подвергались явному пересмотру. Ученые все также ратовали за развитие творческого и активного досуга, борьбу с его девиантными формами, рассматривали через марксистское представление о роли труда в социокультурной эволюции человека. При этом главным вопросом в ближайшем будущем, по утверждению Зузанека, будет не количественный рост досуга, чего советская власть последовательно добивалась, а качественное повышение его использования.

После 1991 г. изучение советского досуга перешло к историкам, и историография, накопленная за три последующих десятилетия, весьма обширна. Его главные особенности затрагивались в работах по истории различных аспектов культурной революции, гендерной политики, советской государственной пропаганды и т.д. Одна из них представляется нам наиболее показательной в контексте рассматриваемой темы, поэтому позволим остановиться на ней подробнее. Речь идет о статье британского историка Клэр Шоу (Claire Shaw) из Уорикского университета, посвященной созданию Парка культуры и отдыха им. М. Горького в Москве [11]. Данная работа осталась сравнительно незамеченной отечественными специалистами из-за известной книги немецкой исследовательницы Катарины Кухер «Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941» [8]. Ключевым отличием работы К. Шоу от остальных англоязычных исторических исследований явилось ее

внимательное отношение к употреблению термина «досуг» (*leisure*) применительно к советскому материалу, в чем она сближается с Азраилом и Яновичем, чьи работы были рассмотрены выше. По ее мнению, понятие «отдых», используемое в названии Парка Горького, создает проблемы для переводчика: обычно оно переводится как «отдых» (*rest*) или «расслабление» (*relaxation*). Позднейшие теоретические дебаты по этому понятию в исследованиях о СССР показали, что более точным переводом было бы слово «досуг» (*leisure*), и это приводило их в соответствие с западными теориями «изучения досуга» (*leisure studies*). Нам представляется, что эти терминологические нюансы, на которые еще в 1960-х гг. обратили внимание социологи, экономисты и политологи, стоит учитывать при обращении к истории досуга в рамках *leisure studies*, являющемуся одним из перспективных междисциплинарных направлений для отечественной исторической науки. Отметим, что в работе К. Кухер также заявлена данная проблема. Немецкая исследовательница акцентировала внимание на второстепенной роли термина «досуг» в 1930-х гг. и рекреационной сути «отдыха» как противопоставления труда [2, с. 47].

Проведенное исследование позволяет сделать ряд ***выводов***. Судя по англоязычной историографии, советский досуг попал в сферу внимания американских и британских специалистов в период «оттепели», что было связано как с изменениями в советском обществе после 1956 г., так и развитием социологии досуга как научного направления. Основной задачей подобных работ была попытка понять особенности развития досуговой культуры в СССР и сравнить их с ситуацией в современном западном капиталистическом обществе. Главным и очевидным отличием однозначно признавалось государственное регулирование досуга властью, которое, впрочем, позволяло существовать индивидуальным и неподконтрольным его формам, со временем, становившимся для населения все более привлекательными. Основными препятствиями развитию досуговой культуры в СССР являлся низкий уровень жизни, превышение спроса над предложением, плохие жилищные условия и непривлекательность ряда досуговых практик, предлагаемых или навязываемых государством. Досуг для советских граждан также мог являться способом проявления свободы, независимости от контроля системы. Эскапизм, индивидуализация досуга были в представлении западных специалистов одной из важнейших

проблем для коммунистической власти. Чрезвычайно интересным представляется наблюдение ряда авторов о близости советского досуга к «протестантской этике», что выражалось в неприятии досуга как праздности, а отношении как к способу восстановления сил. Также еще раз отметим замечание ряда специалистов о необходимости внимательного отношения к использованию термина «досуг» (*leisure*) применительно к советским условиям. Данную мысль стоит учитывать современным отечественным историкам при обращении к *leisure studies* и работе с англоязычными исследованиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. (с посл. изм. и доп.) // Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. – М.: Политиздат, 1987. С. 285–313.

2. Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. – М.: РОССПЭН, 2012. – 349 с.

3. Azrael J.R. Notes on Soviet Urban Attitudes toward Leisure. Social Problems. 1961. Vol. 9. No. 1. P. 69–78.

4. Blackshaw T. Re-Imagining Leisure Studies. – Routledge, 2017. – 185 p.

5. Friedmann G. Leisure and technological civilization // International social science journal. 1960. Vol. XII. No. 4. P. 509–521.

6. Gunter B.G., Gunter N.C. Leisure Styles: A Conceptual Framework for Modem Leisure. The Sociological Quarterly. 1980. Vol. 21. No. 3. P. 361–374. DOI: 10.1111/j.1533-8525.1980.tb00618.x.

7. Hollander P. Leisure as an American and Soviet Value. *Social Problems*. 1966. Vol. 14. No. 2. P. 179–188.

8. Kucher K. Der Gorki-Park: Freizeitkultur im Stalinismus, 1928-1941. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2007. – 330 s.

9. Roberts K. Sociology of leisure // Sociopedia.isa. 2013. P. 1–13. DOI: 10.1177/205684601371.

10. Rojek C. Leisure Theory: Retrospect and Prospect // Loisir et Société / Society and Leisure. 1997. Vol. 20. No. 2. P. 383–400. DOI: 10.1080/07053436.1997.10715549.

11. Shaw C. ‘A fairground for “building the new man”’: Gorky Park as a site of Soviet acculturation. *Urban History*. 2011. Vol. 38. No. 2. P. 324–344. DOI: 10.1017/S0963926811000435.

12. Stebbins R.A. The Sociology of Leisure: an Estranged Child of Mainstream Sociology. *International Journal of the Sociology of Leisure*. 2018. Vol. 1. P. 43–53. DOI: 10.1007/s41978-017-0003-5.

13. Whetten L. Leisure in the Soviet Union // Challenge. 1960. Vol. 8. No. 7. P. 24–28.
14. Yanowitch M. Soviet Patterns of Time Use and Concepts of Leisure. Soviet Studies. 1963. Vol. 15. No. 1. P. 17–37.
15. Zuzanek J. The Work-Leisure Relationship in Soviet Sociological Discussion. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. 1980. Vol. 22. No. 1. P. 122–128.

REFERENCES:

1. *Konstitucija (osnovnoj zakon) Sojuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik. Utverzhdena Chrezvychajnym VIII s#ezdom Sovetov Sojuza SSR 5 dekabrja 1936 goda (s posledujushhimi izmenenijami i dopolnenijami)* // Kukushkin Ju.S., Chistjakov O.I. Ocherk istorii Sovetskoj Konstitucii. – Moscow: Politizdat, 1987. P. 285–313.
2. Kuher K. *Park Gor'kogo. Kul'tura dosuga v stalinskuju jepohu. 1928–1941*. – Moscow: ROSSPEN, 2012. – 349 pp.
3. Azrael J.R. Notes on Soviet Urban Attitudes toward Leisure. *Social Problems*. 1961. Vol. 9. No. 1. P. 69–78.
4. Blackshaw T. *Re-Imagining Leisure Studies*. – Routledge, 2017. – 185 p.
5. Friedmann G. Leisure and technological civilization. *International social science journal*. 1960. Vol. XII. No. 4. P. 509–521.
6. Gunter B.G., Gunter N.C. Leisure Styles: A Conceptual Framework for Modem Leisure. *The Sociological Quarterly*. 1980. Vol. 21. No. 3. P. 361-374. DOI: 10.1111/j.1533-8525.1980.tb00618.x.
7. Hollander P. Leisure as an American and Soviet Value. *Social Problems*. 1966. Vol. 14. No. 2. P. 179–188.
8. Kucher K. *Der Gorki-Park: Freizeitkultur im Stalinismus, 1928–1941*. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2007. – 330 s.
9. Roberts K. Sociology of leisure // *Sociopedia.isa*. 2013. P. 1–13. DOI: 10.1177/205684601371.
10. Rojek C. Leisure Theory: Retrospect and Prospect. *Loisir et Société / Society and Leisure*. 1997. Vol. 20. No. 2. P. 383-400. DOI: 10.1080/07053436.1997.10715549.
11. Shaw C. ‘A fairground for “building the new man”’: Gorky Park as a site of Soviet acculturation. *Urban History*. 2011. Vol. 38. No. 2. P. 324-344. DOI: 10.1017/S0963926811000435
12. Stebbins R.A. The Sociology of Leisure: an Estranged Child of Mainstream Sociology. *International Journal of the Sociology of Leisure*. 2018. Vol. 1. P. 43-53. DOI: 10.1007/s41978-017-0003-5.
13. Whetten L. Leisure in the Soviet Union // *Challenge*. 1960. Vol. 8. No. 7. P. 24–28.
14. Yanowitch M. Soviet Patterns of Time Use and Concepts of Leisure. *Soviet Studies*. 1963. Vol. 15. No. 1. P. 17–37.
15. Zuzanek J. The Work-Leisure Relationship in Soviet Sociological Discussion. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. 1980. Vol. 22. No. 1. P. 122–128.

SIDORCHUK Ilya V. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnitcheskaya street, Saint-Petersburg, Russia, 195251. E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

FEATURES OF STUDYING LEISURE IN THE SOVIET UNION IN ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY

The article deals with the features of studying leisure in the Soviet Union in English-language historiography in the period from the 1960s to the present. At the present stage, the methodology for studying the history of leisure is in the accumulation stage. The purpose of the article is to supplement the methodological base of leisure practices research and to study the experience of applying the achievements of leisure studies to Soviet material. They were solved on the basis of complex use of such scientific methods as logical, historical, scientometric, analytical, as well as special historical (typological, problem-chronological, comparative-historical). The study also used the provisions of the new cultural history, methods of historical anthropology and cross-cultural research. The author comes to the conclusion that Soviet leisure came to the attention of American and British specialists during the "thaw" period, which was associated with both changes in Soviet society after 1956 and the development of leisure sociology as a scientific field. The main task of such works was to try to understand the features of the development of leisure culture in the USSR and compare them with the situation in modern capitalist society. The main and obvious difference was clearly recognized as the state regulation of leisure by the authorities, which, however, allowed for the existence of individual and non-controlled forms of leisure, which over time became more and more attractive to the population. The main obstacles to the development of leisure culture in the USSR were the low standard of living, the excess of demand over supply, poor housing conditions and the unattractiveness of a number of leisure practices offered or imposed by the state. It is extremely interesting observation of some scientists about the proximity of Soviet leisure to "Protestant ethics", which was expressed in the rejection of leisure as idleness, and the attitude as a way to restore strength. The author also note the observation of a number of experts about the need for careful attention to the use of the term "leisure" in relation to Soviet conditions. This idea should be taken into account by contemporary Russian historians when referring to leisure studies and working with English-language studies.

HISTORY OF LEISURE; HISTORIOGRAPHY; HISTORY OF THE USSR; HISTORY OF EVERYDAY LIFE; SOVIETOLOGY

УДК: 930.85+ 94(5)
DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.8.17

А.Э. Терехов

О СТАТУСЕ ЦАН ЦЗЕ В ЛЕГЕНДАРНОЙ ИСТОРИИ КИТАЯ

ТЕРЕХОВ Антон Эдуардович – кандидат исторических наук, научный сотрудник; Институт восточных рукописей Российской академии наук. 195251, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
E-mail: aterekhoff@gmail.com

Изучение процесса формирования и особенностей восприятия образов культурных героев Китая, многие из которых почитаются в этом качестве и по сей день, является одной из наиболее актуальных проблем в области исследования китайской культуры. Важное место в ряду таких персонажей занимает легендарный изобретатель иероглифической письменности Цан Цзе. Хотя большинство современных учёных признаёт, что истоки его образа восходят к национальной мифологии, в традиционном Китае он мыслился в качестве исторического персонажа. По сей день доминирующим является восходящее к ряду авторитетных сочинений представление о нём как о чиновнике легендарного государя Хуан-ди, однако во многих традиционных источниках он сам фигурирует в качестве древнего монарха. Это обстоятельство позволяет поставить вопрос о времени и причинах возникновения этих противоборствующих взглядов на проблему статуса Цан Цзе в легендарной истории Китая. Для решения этой проблемы в статье предпринят подробный анализ посвящённых Цан Цзе фрагментов письменных памятников эпох Чжаньго (V–III вв. до н. э.) и Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.), т. е. периода активного формирования образа Цан Цзе, – «Сюнь-цзы», «Хань Фэй-цзы», «Хуайнань-цзы», «Лунь хэн», «Хань шу», «Шовэнь цзецзы» и т. н. апокрифических текстов (чэньвэй), а также ряда свидетельств III–XII вв., зафиксированных в комментарии Кун Ин-да (574–648) к «Шан щу» и в трактате «Лу ши» Ло Ми (1131–1189). Проведённое исследование позволило установить, что хотя первые упоминания о Цан Цзе в источниках, дошедших до нас в традиции, относятся к III в. до н.э., в текстах, созданных на протяжении трёх столетий после этого, эксплицитные упоминания о его статусе отсутствуют. Как показано в статье, ситуация меняется лишь к I в. н. э., когда Цан Цзе превращается из маргинального персонажа, упоминавшегося наряду с другими легендарными изобретателями, в самостоятельную фигуру. Именно в этот период он и получает ипостаси, в которых продолжает восприниматься впоследствии:

чиновника Хуан-ди и древнего правителя, причём появление сразу двух различных точек зрения на его положение в обществе может служить отражением политического противостояния между императором и учёными.

ЦАН ЦЗЕ; КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ; ЛЕГЕНДАРНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО КИТАЯ; ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ; ИЗОБРЕТЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ

Цан Цзе 倉頡[1] – один из известнейших культурных героев Древнего Китая, до сих пор почитающийся как легендарный изобретатель иероглифической письменности, и хотя на эту роль в китайской культуре претендует ещё целый ряд персонажей, в первую очередь – создатель рассматриваемых традицией в качестве древнейшей формы письменности триграмм (*гуа* 卦) мифический правитель Фу Си 伏羲 (см. [1, с. 29–30]), наибольшей популярностью в этом качестве пользуется именно Цан Цзе.

Несмотря на важность этого персонажа для национальной культуры, специально посвящённых ему публикаций достаточно мало: в китайской науке связанные с ним исследования чаще всего встречаются в составе общих работ по истории письменности (см., например, [1, с. 26–29; 2, с. 40–42; 3, с. 34–36; 4, с. 8–13]), а в западной и отечественной синологии практически отсутствуют: мне известна лишь одна англоязычная статья о его образе и изобретении им письменности [5].

В то время как практически все западные и подавляющее большинство современных китайских учёных признают Цан Цзе легендарным персонажем, некоторые пытаются доказать его историчность (см., например, [6]) или, по крайней мере, допускают, что представления о создании письменности одним человеком «соответствуют исторической действительности» [4, с. 10]. Так или иначе, вплоть до XX в. Цан Цзе обычно воспринимался в качестве исторического персонажа, что позволяет обратиться к проблеме, которую исследователи обычно затрагивают лишь по касательной, а именно к вопросу статуса Цан Цзе в традиционных представлениях о древнейшей истории Китая. Чаще всего он изображается как чиновник легендарного Хуан-ди 黄帝 («Жёлтый владыка/император»), причём иногда именно эта его роль воспринимается в качестве важнейшей составляющей его образа: так, американский синолог М.Э. Льюис

[1] Для записи первой части этого имени нередко используется омофоничный знак *цан* 蒼.

утверждает, что «Цан Цзе – второстепенный двойник Фу Си, интересный тем, что является министром, а не правителем» [7, p. 199]. Тем не менее, подобная трактовка этого персонажа была не единственной: в целом ряде источников он выступает в роли древнего монарха, правившего задолго до Хуан-ди.

Первые упоминания о Цан Цзе в памятниках, дошедших до нас в традиции, относятся ко второй половине III в. до н.э. Наиболее ранним из них обычно считается пассаж из сочинения «Сюнь-цзы» 荀子, приписываемого Сюнь Куану 荀况 (Сюнь Цину 荀卿, 313?–238? до н. э.): «Любивших письменность было множество, но известность получил один лишь Цан-цзе, [и причина этого – в его] сосредоточенности [на ней]» [8, цз. 15.21, с. 401]. О статусе Цан Цзе в этом отрывке не говорится, однако следом за ним перечисляется ещё три персонажа, «получивших известность» в той или иной области благодаря своей «сосредоточенности» – «любящий земледелие» Хоу-цзи 后稷, «любящий музыку» Куй 夔 и «любящий долг» Шунь 舜. В традиции все они рассматривались как сановники легендарного императора Яо[2]. Это позволяет предположить, что и Цан Цзе мог мыслиться в этом качестве, хотя отсутствие в этом памятнике других упоминаний о нём не позволяет подтвердить или опровергнуть эту гипотезу. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что в данном случае Цан Цзе не имеет никакого отношения к Хуан-ди, имя которого в «Сюнь-цзы» не встречается ни разу. Кроме того, стоит отметить, что в данном случае Цан Цзе оказывается не изобретателем письменности, а лишь наиболее талантливым из тех, кто ею пользовался, что подчёркивается следующим пассажем, в котором говорится, что совершенства в стрельбе из лука и управлении колесницей достигли не те, кто их изобрёл [8, цз. 15.21, с. 401].

Впрочем, уже в тексте «Хань Фэй-цзы» 韓非子, составление которого приписывается ученику Сюнь Куана Хань Фэю 韓非 (281?–233 до н. э.), недвусмысленно утверждается, что «в древности (*гу чжэ* 古者) Цан-цзе создал (*цзо* 作) письменность» [9, цз. 19.49, с. 450]. Кроме того, упоминания о

[2] В этом качестве все трое упомянуты в другой главе «Сюнь-цзы» [8, цз. 18.25, с. 463].

том, что «Цан-цзе создал письменность» встречаются в пассаже из «Люй-ши чуньцю» 呂氏春秋 («Вёсны и осени господина Люя», трад. ок. 239 г. до н.э.), где с ним соседствуют изобретатель колесницы Си-чжун 奚仲, изобретатель земледелия Хоу-цзи, изобретатель казней Гао-яо 皋陶, изобретатель керамики Кунь-у 昆吾 и изобретатель стен Ся Гунь 夏鯀 [10, цз. 17.2, с. 443; ср. 11, с. 268]. О времени их жизни и статусе в этом памятнике не сообщается, однако в комментарии и других текстах все они рассматриваются в качестве министров Яо, Шуня и правившего после них основателя легендарного государства Ся 夏 (трад. 2205–1767 до н. э.) Юя 禹.

Наконец, фраза «Цан-цзе создал письменность» появляется среди фрагментов главы «Изобретения» («Цзо пянь» 作篇) ныне утраченного сочинения «Ши бэнь» 世本 («Корни поколений», 234–228 до н.э.) [12, цз. 1, с. 3], причём в одной из версий этой цитаты создателем письменности объявляется не только Цан Цзе, но также некий Цзюй Сун 沮誦 [13, цз. 32, с. 453]. Последнее имя в других древних текстах не встречается, что заставило некоторых исследователей предположить, что оно является результатом фонетической замены, и в действительности в «Ши бэнь» говорилось о Чжу-жуне 祝融 (см., например, [2, с. 40]), известном как божество огня и покровитель юга, а в более поздней традиции (с I в.) – как древний государь, один из Трёх августейших (*сань хуан* 三皇), якобы правивших миром на заре истории[3]. Китайский учёный Гао Хэн 高亨 пошёл дальше и предположил, что сочетание *чжужун* в данном случае стоит воспринимать не как имя, а как название должности, также известной как *хочжэн* 火正 («глава ведомства Огня») [1, с. 27–28], сделав на этом основании вывод, что «в доциньских легендах Цан Цзе был *чжужуном* Хуан-ди» [1, с. 29]. Тем не менее, против гипотезы о фонетической замене свидетельствуют серьёзные различия в древнем чтении знаков *цзюй* 沮 (*[dz]aʔ) и *чжу* 祝 (*[t]uk)[4], идея о том, что Чжу-жун мог мыслиться в

[3] По мнению некоторых учёных, представления о том, что письмо создал не только Цан Цзе, но также и Чжу-жун, отражают память о том, что в древнейший период на территории Китая сосуществовало несколько систем письменности [3, с. 34; 4, с. 8–9, 13].
[4] Реконструкция У. Бэкстера и Л. Сагара [14].

качестве создателя письменности, опровергается содержащимся в надписи на рельефе в поминальном храме У Ляна 武梁 (78–151) утверждением о том, что Чжу-жун (названный там Чжу-суном 祝誦) «ничего не создал» (*у со цзао вэй* 無所造為) [15, с. 20202; 6, с. 30], а предположение Гао Хэна представляется недостаточно убедительным в свете того, что большинство известных фрагментов «Ши бэнь», посвящённых изобретениям, строятся по одной форме: имя + «создал» + изобретение, а должность изобретателя ни в одном другом случае не указывается.

В эпоху Цинь 秦 (221–207 до н.э.) Цан Цзе получил официальное признание – его именем был назван составленный министром Ли Сы 李斯 (284–208 до н.э.) нормативный список иероглифов, впоследствии объединённый с двумя другими подобными списками в одно сочинение, получившее название «Цан Цзе пянь» 倉頡篇 («Главы Цан Цзе») [16, цз. 30, с. 1721; 5, с. 138–140].

В дошедших до наших дней памятниках Западной Хань (Си Хань 西漢, 206/202 до н. э. – 9 н. э.) имя Цан Цзе практически не встречается. Единственным исключением является трактат «Хуайнань-цзы» 淮南子 («Мудрецы из Хуайнани», 139 г. до н.э.), составленный под руководством принца крови Лю Аня 劉安 (179–122 до н. э.), где Цан Цзе упомянут трижды.

В первом случае речь идёт о негативных последствиях изобретения письменности: «В старину (*си чжэ* 昔者) Цан Цзе создал письменность, и Небо ниспослало дождь из проса, а духи стали плакать по ночам». Здесь пару ему составляет создатель колодца Бо-и 伯益, более известный как сподвижник императора Юя и предок правителей государства Цинь: «Бо-и создал колодец, и драконы взмыли к тёмным тучам, а божества стали ютиться на [горе] Куньлунь 昆侖» [17, цз. 8, с. 571; ср. 18, с. 112].

Второй раз Цан Цзе как изобретатель письменности упоминается в числе шести людей, обладавших «Путём божественности и ясности и признаками совершенной мудрости и ума», в число которых, помимо него, включены создатель календаря Жун-чэн 容成 и создатель одежды Ху-цао 胡曹 (в последующей традиции оба считаются чиновниками Хуан-ди),

создатель земледелия Хоу-цзи, создатель вина И-ди 儀狄 (считается современником Юя, о статусе в источниках не сообщается) и создатель телеги Си-чжун [17, цз. 19, с. 1342; ср. 18, с. 310]. Если предположить, что упомянутые здесь персонажи перечислены в хронологическом порядке, данный пассаж можно рассматривать в качестве самого раннего свидетельства того, что Цан Цзе, возглавляющий этот список, уже воспринимался как чиновник Хуан-ди.

Наконец, третий фрагмент рассказывает о позитивных и негативных последствиях изобретения письменности [17, цз. 20, с. 1390; ср. 18, с. 322], причём Цан Цзе вновь оказывается в компании других изобретателей – создателя циня[5] Шэнь-нуна 神農, создателя музыки Куя и создателя садов Тана 湯, а также Яо, который начал выдвигать на посты достойных мужей. В отличие от рассмотренных выше примеров, где окружение Цан Цзе состоит из чиновников древних правителей, в данном случае все перечисленные деятели, кроме Куя, о котором говорилось выше, оказываются государями – Шэнь-нун обычно воспринимается как один из Трёх августейших, а Тан считается основателем государства Шан 商 (XVII–XI вв. до н.э.), что может косвенно указывать на существование представлений о Цан Цзе как о монархе.

Помимо этого, в одной из глав этого трактата перечисляются особенности внешности и появления на свет «девяти достойных» (*цзю сянь* 九賢), одним из которых оказывается некий Ши-хуан 史皇, который «родившись, [сразу] умел писать» [17, цз. 19, с. 1336; ср. 18, с. 309][6]. В комментарии Гао Ю 高誘 (кон. II – нач. III вв.) сообщается, что «Ши-хуан – это Цан-цзе. Родившись, [он] увидел следы птиц, научился выводить письмена, поэтому [его и] назвали Ши-хуан 史皇 ("Августейший писец"). Некоторые называют его Цзе-хуан 頡皇 ("Августейший Цзе")» [17: цз. 19, с. 1336]. Имя Ши-хуана встречается в перечне из двадцати

[5] Цинь 琴 – струнный музыкальный инструмент, разновидность цитры.

[6] Остальные восемь – это Яо, Шунь, Юй, основатель государства Чжоу 周 (XI–III вв. до н.э.) Вэнь-ван 文王 (1100?–1050? до н. э.), Гао-яо, Ци 啟 (в тексте повторяется имя Юя, однако контекст заставляет предположить, что имеется в виду его сын, см. [17, цз. 19, с. 1337–1338]), Се и легендарный стрелок Хоу-и 后羿.

изобретателей в «Люй-ши чуньцю» и среди дошедших до нас фрагментов «Ши бэнь», где о нём говорится, что он «создал изображения (*ту* 圖)» [10, цз. 17.4, с. 450; ср. 11, с. 273; 19, цз. 750, с. 3331]. Тот факт, что в «Ши бэнь» Ши-хуан упоминался, по-видимому, наряду с «создавшим письменность» Цан Цзе, позволил современным учёным говорить о том, что предложенная Гао Ю идентификация неверна, и даже предположить, что слово *шу* 書 («писать») в этом пассаже «Хуайнань-цзы» возникло в результате искажения изначального *хуа* 畫 («рисовать») [2, с. 41–42; 6, с. 30][7]. Тем не менее, в традиционном Китае идея о том, что Цан Цзе и Ши-хуан – одно и то же лицо, судя по всему, сомнению не подвергалась.

Таким образом, говоря об упоминаниях Цан Цзе в дошедших до нас и сохранившихся в виде фрагментов текстах доциньской, циньской и западноханьской эпох, следует отметить несколько особенностей: во-первых, Цан Цзе фигурирует в них исключительно как создатель (или, в случае «Сюнь-цзы», мастер) письма; во-вторых, в подавляющем большинстве случаев он упоминается наряду с другими изобретателями, среди которых встречаются как министры, так и правители; в-третьих, ни в одном из упомянутых выше памятников не даётся никакой информации о времени его жизни (говорится лишь о том, что создание им письменности случилось «в древности» или «в старину») или о его статусе.

Резкий рост популярности Цан Цзе и первые попытки однозначно контекстуализировать его в древней истории относятся к Восточной Хань (Дун Хань 東漢, 25–220). В середине этой эпохи (конец I – начало II вв.) практически одновременно появляются сразу три работы, в которых он выделяется из общей массы «изобретателей» и начинает активно фигурировать в качестве самостоятельного персонажа.

Так, целых 20 раз имя Цан Цзе встречается в «Лунь хэн» 論衡 («Весы суждений») Ван Чуна 王充 (27–102?)[8]. Хотя в большинстве случаев оно упоминается в контексте создания письменности, в двух случаях речь

[7] Против этой гипотезы говорит тот факт, что один из сохранившихся фрагментов моистского трактата «Суй Чао-цзы» 隋巢子 (IV–III вв. до н.э.) дословно повторяет версию «Хуайнань-цзы» [19, цз. 747, с. 3317].

[8] Ещё один раз оно использовано в качестве названия текста.

заходит о личности самого Цан Цзе. Говоря о связи между необычной внешностью выдающихся личностей и их судьбой, Ван Чун пишет: «У Цан-цзе было четыре глаза, и [он] был писцом (*ши* 史) Хуан-ди»[9] [20, цз. 3.11, с. 112]. Это – первое из дошедших до нас свидетельств существования представления как о «четырёх глазах» Цан Цзе (впоследствии они станут его стандартной иконографической особенностью), так и о его статусе чиновника Хуан-ди. Более того, из «Лунь хэн» мы узнаём, что ко второй половине I в. среди грамотных людей существовал культ Цан Цзе и бытовали связанные с ним представления о дне его смерти: «Изучающие книги/письмо (*сюэ шу* 學書) считают запретным (*хуэй* 諱) день *бин* 丙 и говорят, что в день *бин* умер Цан-цзе» [20, цз. 24.70, с. 995–996].

Пожалуй, наиболее известный и влиятельный пассаж об изобретении Цан Цзе письменности содержится в «Предисловии» (*сюй* 序) к составленному Сюй Шэнем 許慎 (58–148) словарю «Шо вэнь цзе цзы» 說文解字 («Толкование знаков и анализ иероглифов»): «Писец Хуан-ди [по имени] Цан Цзе увидел следы лап птиц и зверей и, поняв, что их отличительные признаки могут быть разграничены и отличены один от другого, впервые создал письменность» [21, цз. 15A, с. 753]. Не исключено, что именно благодаря значимости и популярности «Шо вэнь цзе цзы» представление о Цан Цзе как чиновнике Хуан-ди закрепилось в китайской культуре в качестве основного.

Примерно к тому же времени относится составление «Таблицы людей древности и современности» («Гу цзи жэнь бяо» 古今人表), вошедшей в состав династийной истории «Хань шу» 漢書 («Книга [об эпохе Ранняя] Хань»)[10]. В ней в хронологическом порядке перечислены и распределены по девяти категориям исходя из их моральных и интеллектуальных качеств – от «совершенномудрых людей, высших из высших» (*шан шан шэн жэнь* 上上聖人) до «глупых людей, низших из

[9] *Ши* является общим термином для обозначения целого ряда должностей (летописец, астролог, наблюдатель, делопроизводитель и т.д.), однако графика этого знака восходит к изображению руки, держащей кисть, что и позволяет выбрать для перевода именно такой перевод.

[10] Хотя автором «Хань шу» обычно считается Бань Гу 班固 (32–92), «Таблица людей древности и современности» была, по-видимому, закончена уже после его смерти его сестрой Бань Чжао 班昭 (45/49–117/120) – возможно, при участии её ученика Ма Сюя 馬續 (70–141) [22, p. 148].

низших» (*ся ся юй жэнь* 下下愚人) – почти 2000 известных легендарных и исторических персонажей от древнейших времён до конца эпохи Цинь [22, p. 148]. Цан Цзе помещён в этой таблице следом за Хуан-ди и отнесён к третьей категории – «мудрых людей, низших из высших» (*шан ся чжи жэнь* 上下智人). Более того, за его именем следует комментарий (принадлежащий, судя по всему, автору таблицы), в котором сообщается, что он был «писцом Хуан-ди» [16, цз. 20, с. 867].

Таким образом, можно утверждать, что к рубежу I–II вв. представления о том, что Цан Цзе являлся чиновником Хуан-ди, уже приобрели достаточную популярность. Говоря о причинах их появления, стоит отметить, что в предшествующей традиции, как было показано выше, большинство изобретателей воспринималось в роли министров, и хотя некоторые из них всё же выступали в качестве правителей, в сложившейся к концу I в. до н.э. схеме древней истории уже не было места для новых монархов, что, возможно, стало одним из факторов, не позволивших воспринимать Цан Цзе в качестве такового. Кроме того, важнейшей сферой применения письменности в Китае являлось государственное управление, и главными носителями культуры письма являлись именно чиновники, а поэтому неудивительно, что Цан Цзе был осмыслен в роли одного из них, причём именно «писца». Это же обстоятельство позволяет понять, почему на роль «начальника» Цан Цзе был выбран именно Хуан-ди: в традиции он воспринимался как создатель бюрократического государства [23, p. 564–568], и в этом смысле то, что изобретение письменности связывается со временем его правления, кажется вполне естественным. Кроме того, уже к III в. до н.э. именно с Хуан-ди связывалось большинство инноваций: они приписывались либо лично ему, либо его чиновникам, в число которых, по-видимому, постепенно включались изначально самостоятельные персонажи [24], как то, вероятно, и произошло в данном случае.

Иной образ Цан Цзе складывается в т. н. апокрифических текстах (*чэньвэй* 讖緯), время составления которых также относится к Восточной Хань. В них была разработана новая схема древней истории, насчитывающей уже не несколько тысячелетий, как, то было раньше, а

более 2 700.000 лет, поделённых на десять эр (*цзи* 紀). Это потребовало включения в неё новых легендарных правителей и позволило переосмыслить в этом качестве образы некоторых уже известных персонажей, в числе которых оказался и Цан Цзе.

Наиболее отчётливо его статус в апокрифической традиции представлен во фрагменте из «Хэ ту Юй бань» 河圖玉版 («Схема из [реки] Хэ: Нефритовая табличка»): «Цан Цзе стал императором, отправился в инспекционную поездку (*сюнь шоу* 巡狩) на юг, взобрался на гору Янсюй и посетил реку Сюаньху, впадающую в [реку] Ло 洛[11]. Чудесная черепаха принесла на спине письмена – зелёные узоры на киноварном панцире – и передала их императору» [25, с. 1146].

Кроме того, по крайней мере в одной фразе Цан Цзе фигурирует под именем Цан-ди蒼帝 (тж. 倉帝, «Зелёный император»). О том, что в данном случае за ним скрывается именно Цан Цзе, говорит контекст, отсылающий к приведённой выше цитате из «Хуайнань-цзы»: «Зелёный император поднялся, и с Неба пошёл дождь из зерна» [25, с. 1175, 1274]. Обилие посвящённых Цан-ди апокрифических фрагментов привело китайского исследователя Ци Сы-хэ 齊思和 к мысли о том, что исходной для Цан Цзе является именно роль Зелёного императора [24, с. 201–211]. Тем не менее, его аргументы неубедительны: в подавляющем большинстве случаев этот титул носит астральное божество Линвэйян 靈威仰 или считавшийся его сыном основатель государства Чжоу Вэнь-ван (Цзи Чан 姬昌) [25, с. 368, 416, 662, 1256 и др.], а многие из приводимых в статье Ци Сы-хэ фрагментов, где именем Цан-ди назван именно Цан Цзе, в действительности являются более поздними и, по-видимому, не восходят к апокрифическим текстам напрямую.

Так или иначе, окончательно статус Цан Цзе как древнего монарха был, по-видимому, закреплён в уже после гибели Хань: во фрагменте ныне утраченного сочинения «Дань ху шу» 丹壺書 («Книга киноварного чайника», III в.?), где перечисляются древние монархи, якобы правившие

[11] Гора Янсюй 陽虛 и река Сюаньху 玄扈 локализуются на территории совр. уезда Лонань 雒南 пров. Шэньси.

на протяжении восьмой и девятой из десяти эр, сказано, что Цан Цзе был первым правителем девятой эры – Шань-тун 禪通 – и правил на протяжении одного поколения [13, цз. 3, с. 10].

Впоследствии эта точка зрения получила развитие в сочинениях, посвящённых «апокрифическим» трактовкам древней истории, в первую очередь – в «Лу ши» 路史 («Грандиозная история») Ло Ми 羅泌 (1131–1189). В этом памятнике Цан Цзе как древнему государю посвящён специальный раздел, в котором приводятся свидетельства как из рассмотренных выше источников, так и из других сочинений III–XI вв. В них за ним окончательно укрепляются титул Цан-ди и родовое имя Ши-хуан, а также появляются новые подробности: сообщается, что он носил фамилию Хоуган 侯岡 (также встречается вариант написания 侯剛), правил на протяжении 110 лет, «сделал столицей Янъу 陽武» (на терр. совр. уезда Юаньян 原陽 пров. Хэнань) и в конечном итоге «был погребён на юге волости Лисян 利鄉 [уезда] Я 衙» (на терр. совр. уезда Байшуй 白水 пров. Шэньси)[12], причём его могила ещё с III в. пользовалась популярностью среди «изучающих книги/письмо», которые «устремлялись [туда], сообщали фамилию и имя, оставляли визитные карточки и непрестанно приносили ему жертвы» [13] [13, цз. 6, с. 38–40].

Если говорить о происхождении представлений о Цан Цзе как о древнем правителе, то здесь можно отметить два источника: это, во-первых, его ассоциация с Ши-хуаном, второй иероглиф в имени которого использовался для обозначения древнейших правителей, а во-вторых,

[12] Все эти сведения появляются в одном из фрагментов, связываемых с апокрифическим текстом «Чуньцю Юань мин бао» 春秋元命包 («Вёсны и осени: Бутон изначального Повеления») [25, с. 590], что на первый взгляд позволяет утверждать, что соответствующие представления бытовали в Китае уже при Восточной Хань. Тем не менее, аутентичность данного фрагмента вызывает определённые вопросы. Он цитируется лишь в одном, причём достаточно позднем источнике – «И ши» 繹史 («Распутывание [нитей] истории») Ма Су 馬驌 (1621–1673), ко времени создания которого «Юань мин бао» как памятник практически наверняка был уже утрачен. В то же время эта цитата практически дословно повторяет соответствующий пассаж из «Лу ши» [23, цз. 6, с. 38–39], где, однако, «Юань мин бао» как источник не упоминается.

[13] В настоящее время эта «могила Цан Цзе» (а также посвящённый ему храм) располагается в посёлке Шигуань 史官 уезда Байшуй пров. Шэньси. В то же время конкурирующие с ней «могилы Цан Цзе» имеются и в других частях Китая.

первый иероглиф его собственного имени, который дал возможность связать его образ с образом Цан-ди.

Кроме того, можно предположить, что важную роль в осмыслении Цан Цзе как древнего монарха сыграли попытки представить его в качестве совершенного мудреца. Совершенномудрые люди (*шэн жэнь* 聖人) воспринимались в традиционном Китае как воплощение высшей степени интеллектуального, нравственного и духовного совершенства, причём большая их часть мыслилась в качестве древних монархов. В апокрифических текстах были сформулированы основные признаки совершенномудрых, к числу которых относились их чудесное рождение, удивительная внешность и сопровождающие их мироустроительную деятельность благие знамения [26]. Представления о четырёх глазах Цан Цзе и связанных с ним знамениях (появление божественной черепахи, дождь из зерна и т. д.) уже упоминались выше; что же касается его появления на свет, то о нём в дошедших до нас текстах не сообщается, однако на то, что оно также могло мыслиться необычным, намекает Чэн Гун-суй 成公綏 (231–273) в «Оде старой кисти» (Гу би фу 故筆賦), где говорится, что «Цан Цзе родился удивительным образом (*ци шэн* 奇生)» [26, цз. 58, с. 1055].

Более того, по крайней мере в одном из доступных нам текстов Цан-цзе величается совершенномудрым напрямую. Речь идёт о тексте на ныне хранящейся в Лесу стел (Бэйлинь 碑林) в г. Сиань «Стеле из храма Цан-цзе» («Цан-цзе мяо бэй» 倉頡廟碑, 162 г.). Большая часть иероглифов на ней утрачена, однако среди сохранившихся фрагментов Цан Цзе несколько раз называется совершенномудрым: «...Цан-цзе. Небо породило в великом совершенномудром силу *дэ*[14], четыре [его] глаза испускали чудесный свет. [Он] создал письменность для сотни царей и передал её тьме потомков. <...> ...тогда создал гимн, в котором говорилось: "О, как величествен совершенномудрый Цан..."» [15, с. 20223]. Хотя о социальном статусе Цан Цзе здесь ничего не говорится, можно предположить, что, как и большинство прочих совершенномудрых, мыслился он именно в образе монарха.

[14] Возможен и немного иной перевод этой фразы: «Цан Цзе небом рождён, силой *дэ* подобен великим совершенномудрым».

Стоит отметить, что представления о Цан Цзе как древнем правителе могли и не являться изобретением восточноханьских авторов апокрифических текстов. В пользу этого говорит обнаруженный в конце XX в. и ныне хранящийся в коллекции Шанхайского музея текст «Жунчэн-ши» 容成氏 («[Правитель] из рода Жун-чэн» IV в. до н.э.). В нём содержится перечень древних правителей, одним из которых как раз и оказывается Цан Цзе [28, с. 93, 250]. Если этот текст является аутентичным[15], это значит, что представления о Цан Цзе как о древнем правителе бытовали уже в эпоху Чжаньго, однако по какой-то причине не получили достаточно широкого распространения.

Так или иначе, можно утверждать, что при Восточной Хань Цан Цзе превращается из достаточно маргинальной фигуры в самостоятельного персонажа, пользующегося широкой популярностью и значительным авторитетом. Эту трансформацию можно объяснить повышением статуса письменного текста, обусловленным, в свою очередь, активным развитием каноноведения (*цзинсюэ* 經學) и приведшем к появлению феномена, который можно обозначить как «культ письменного текста». Он проявлялся в различных формах, в частности – в появлении представлений о так называемых «текстуальных» знамениях, то есть способности обожествлённого Неба проявлять свою волю не косвенным образом, посредством катастроф и необычных явлений, а непосредственно, в виде ниспосланных людям чудесных текстов [29], а также в появлении иероглифов в описаниях внешности легендарных правителей [30, с. 506–507]. Неудивительно, что и Цан Цзе как изобретатель иероглифической письменности становится в этом контексте знаковой фигурой и получает сразу две идентичности – чиновника Хуан-ди и древнего правителя.

В самом Китае эта двойственность образа Цан Цзе была отмечена достаточно рано. Так, уже Кун Ин-да 孔穎達 (574–648) в своём комментарии к предисловию «Шан шу» отмечает: «Что касается Цан Цзе, то рассуждающие [о нём] не соглашаются [друг с другом]... Сыма Цянь,

[15] Тексты на бамбуковых планках из коллекции Шанхайского музея были куплены на антикварном рынке в Гонконге, и, хотя большинство исследователей считает их аутентичными, полностью исключить вероятность того, что по крайней мере часть из них является современными подделками, невозможно.

Бань Гу, Вэй Дань, Сун Чжун и Фу Сюань все говорили: "Цан-цзе – чиновник-писец Хуан-ди"[16]. Цуй Юань, Цао Чжи, Цай Юн и Со Цзин, все прямо говорили: "[Это] – древний царь"[17]» [12, цз. 1, с. 3]. Хотя некоторые учёные трактуют этот пассаж как свидетельство того, что ипостась правителя появляется у Цан Цзе позже, чем его же ипостась чиновника (см., например, [2, с. 42]), в действительности подавляющее большинство приведённых в нём точек зрения относятся к одному периоду.

Говорит Кун Ин-да и о попытках датировать время жизни Цан Цзе: «Сюй Чжэн[18] говорил: "[Он] жил [в период] между Шэнь-нуном и Хуан-ди". Цяо Чжоу[19] говорил: "[Он] жил в эпоху Янь-ди". [Представители] рода Вэй[20] говорили: "[Он] должен был жить в эпоху Зелёного императора (Цан-ди) Пао-си (т. е. Фу-си. – А. Т.)". Шэнь Дао говорил: "[Он] жил перед Пао-си"[21]. Чжан И[22] говорил: "Цан Цзе был [из числа] императоров и

[16] Сыма Цянь 司馬遷 (145/135–86? до н. э.) – историк, автор первого труда по истории Китая – «Ши цзи» 史記 («Записи историографа»). Тем не менее, имя Цан Цзе в этом сочинении не встречается, так что на чём основывался Кун Ин-да, приводя мнение Сыма Цяня, не ясно. Не исключено, что данное мнение приписано ему по ошибке. Вэй Дань 韋誕 (179–253) – прославленный каллиграф, мастер скорописи *цаошу* 草書. Сун Чжун 宋忠 (ум. 219) – учёный и комментатор, которому, в частности, приписываются комментарии к некоторым апокрифическим текстам. Фу Сюань 傅玄 (217–278) – историк, поэт и политик.

[17] Цуй Юань 崔瑗 (78–143) – каллиграф, литератор и политик. Цао Чжи 曹植 (192–232), выдающийся поэт, сын военачальника Цао Цао 曹操 (155–220) и брат основателя царства Вэй 魏 (220–266) Цао Пи曹丕 (187–226). Цай Юн 蔡邕 (133–192) – чиновник, учёный, каллиграф, поэт и музыкант. Со Цзин 索靖 (239–303) – чиновник и каллиграф, хорошо знакомый с апокрифическими текстами.

[18] Сюй Чжэн 徐整 (III в.) – чиновник, автор ныне утраченных сочинений «Сань у ли цзи» 三五曆記 («Записи о смене Трёх [августейших] и Пяти [императоров]») и «У юнь ли нянь цзи» 五運歷年紀 («Анналы смены лет в круговороте Пяти [сил]»), посвящённых, судя по названиям и сохранившимся фрагментам, легендарному древнейшему периоду китайской истории.

[19] Цяо Чжоу 譙周 (199–270) – чиновник, автор ныне утраченного сочинения «Гу ши као» 古史考 («Исследования древней истории»).

[20] Под «[представителями] рода Вэй» (Вэй-ши 衛氏), вероятно, имеются в виду Вэй Цзи衛覬 (155–229), его сын Вэй Гуань 衛瓘 (220–291) и внук Вэй Хэн 衛恆 (ум. 291) – известные чиновники и каллиграфы.

[21] Шэнь Дао 慎到 (395–315 до н. э.) – мыслитель, традиционно связываемый с даосизмом и легизмом; считается автором ныне утраченного трактата «Шэнь-цзы» 慎子. Если эта цитата аутентична, она может служить ещё одним свидетельством того, что представления о Цан Цзе как о древнем монархе восходят к доханьским временам; тем не менее, некоторые учёные подвергают её подлинность сомнению [2, с. 42], не приводя, однако, убедительных доказательств в пользу своей точки зрения.

[22] Чжан И 張揖 (II–III вв.) – учёный, филолог, автор словаря «Гуан я» 廣雅 («Расширение [словаря "Приближение к] классике"»).

царей, жил в эру Шань-тун"... Если [поверить] этим словам [Чжан] И, то [получится, что] Цан Цзе жил за двести семьдесят шесть с лишним тысяч лет до поимки *линя* (481 до н. э.). Таким образом рассуждая о Цан Цзе, эпоху, [в которую] он [жил], никто не может определить с уверенностью...» [12, цз. 1, с. 3]. Хотя о том, в каком качестве воспринимали Цан Цзе авторы приведённых мнений, Кун Ин-да не сообщает, отнесение этого персонажа ко времени до воцарения Хуан-ди свидетельствует в пользу того, что все они считали его именно правителем.

В последующей традиции большинство авторов, упоминавших Цан Цзе, либо не писали о его положении, либо брали на вооружение одну из этих двух точек зрения, никак не аргументируя свой выбор. Пожалуй, единственным исключением можно считать уже упоминавшегося выше Ло Ми, который посвятил вопросу идентичности этого персонажа полемическое эссе «Спор о [правителе] из рода Ши-хуан» («Бянь Цан Цзе-ши» 辨史皇氏), где предпринял попытку доказать, что он являлся не чиновником, а монархом [13, цз. 32, с. 453–454].

Оригинальное решение проблемы статуса Цан Цзе предложил цинский учёный Ван Цзы-цай 王梓材 (1792–1851), высказавший мысль о том, что «называвшихся Цан-цзе было двое: один – [древний правитель] из рода Ши-хуан, а другой – подданный Хуан-ди» [31, с. 61]. С учётом того, что в древнекитайской мифологии действительно известны случаи, когда под одним именем с большой долей вероятности скрывается несколько самостоятельных образов[23], эта идея не выглядит совсем неправдоподобной, однако тот факт, что для обеих ипостасей Цан Цзе важнейшим деянием оказывается изобретение письменности, делает её крайне маловероятной.

Если говорить о причине появления подобной двойственности в изображении Цан Цзе, то её можно связать их с характерным для Восточной Хань (как и для большинства других периодов истории традиционного Китая) противостоянием чиновников и императора.

[23] Например, за именем Хоу-и скрываются, по-видимому, как минимум два персонажа: стрелок времён Яо и узурпатор, живший в эпоху Ся [32, с. 194–196].

Так, по мнению М.Э. Льюиса, Цан-цзе «был мифическим прототипом для чиновников, устанавливавших стандартные формы письменных знаков» [7, p. 200]. Можно развить его идею и предположить, что Цан Цзе являлся прообразом чиновников-учёных вообще, в пользу чего говорят упомянутые в «Лунь хэн» и «Лу ши» практики его почитания «изучающими книги/письмо». Соответственно, попытки возвысить Цан-цзе как чиновника были, вероятно, выгодны учёным, стремившимся повысить свой статус и увеличить своё влияние на монарха.

Тем не менее, ко временам Восточной Хань верховный правитель и сам превратился в авторитет в сфере изучения текстов: «Среди учёных, обладавших подлинным знанием классических сочинений, он был Сверхучёным, который в силу своего священного положения обладал мудростью, превосходящей мудрость всего множества [учёных]» [33, p. 159]. Соответственно, представление Цан-цзе в роли монарха могло отражать интересы той части учёных, которая в противостоянии между императором и чиновниками поддерживала правителя. С учётом того, что утверждение легитимности правящей династии было, судя по всему, одной из главных целей составления апокрифических текстов, неудивительно, что именно в них Цан Цзе выступает в роли правителя.

Таким образом, можно утверждать, что, хотя образ Цан Цзе как изобретателя письменности оформляется уже к III в. до н.э., широкую популярность он приобретает лишь ко временам Восточной Хань. В этот период значительно растёт число его упоминаний, появляются связанные с ним истории, а сам он начинает изображаться в качестве совершенного мудреца, причиной чего может являться спровоцированное ростом авторитета канонических сочинений формирование культа письменного текста. При этом представления о Цан Цзе как чиновнике и как о монархе сложились, судя по всему, примерно в одно время – в I–II вв. н.э. – и, вероятно, отражают политический конфликт между императором и учёными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гао Хэн 高亨. Вэньцзы синъисюэ гайлунь文字形義學概論 (Введение в изучение формы и смысла письменных знаков). – Цзинань: Шаньдун жэньминь, 1963. – 330 с.

2. Тан Лань 唐蘭. Чжунго вэньцзысюэ 中國文字學 (Изучение китайской письменности). – Шанхай: Шанхай шицзи, 2005. – 155 с.

3. Жао Цзун-и 饒宗頤. Фухао, чувэнь юй цзыму – ханьцзы шу 符号·初文与字母—汉字树 (Символы, первая письменность и буквы – древо китайских иероглифов). – Шанхай: Шанхай шудянь, 2000. – 189 с.

4. Фэн Ши 馮時. Чжунго гу вэньцзы сюэ гайлунь 中國古文字學概論 (Введение в китайскую палеографию). – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ, 2016. – 780 с.

5. Bottéro F. Cāng Jié And The Invention Of Writing: Reflections On The Elaboration Of A Legend // Studies in Chinese Language and Culture. Festschrift in Honour of Christoph Harbsmeier on the Occasion of his 60th Birthday / Ed. by Christoph Anderl and Halvor Eifring. – Oslo, Hermes Academic Publishing: 2006. Pp. 135–155.

6. Тань Ши-бао 譚世寶. Цан Цзе цзаоцзы чуаньшо дэ юаньлю каобянь цзи ци чжэньсян туйцэ 蒼頡造字傳說的源流考辨及其真相推測 (Критическое исследование происхождения и развития легенды о том, как Цан Цзе создал письменность, и предположения о её подлинной сути) // Вэнь ши чжэ 文史哲 (Литература, история, философия), 2006, №6 (297). С. 28–34.

7. Lewis M. E. Writing and Authority in Early China. – Albany: SUNY Press, 1999. – vii+544 pp.

8. Сюнь-цзы цзи цзе 荀子集解 («Сюнь-цзы» со сводным толкованием) / Комм. Ван Сян-цяня 王先謙. В 2 тт. – Пекин: Чжунхуа, 1988. – 559 с.

9. Хань Фэй-цзы цзи цзе 韓非子集解 («Хань Фэй-цзы» со сводным толкованием) / Комм. Ван Сянь-шэня 王先慎. – Пекин: Чжунхуа, 1998. – 478 с.

10. Люй-ши чуньцю цзи ши 呂氏春秋集釋 («Вёсны и осени господина Люя» с собранием разъяснений) / Ред. Сюй Вэй-юй 許維遹. В 2 тт. – Пекин: Чжунхуа, 2009. – 731 с.

11. Люйши чуньцю (Весны и осени господина Люя) / Пер. Г. А. Ткаченко. М.: Мысль, 2001. – 525 с.

12. Шан шу чжэн и 尚書正義 (Истинный смысл «Древних документов») / Комм. Кун Ин-да 孔穎達 и др. В 2 тт. – Пекин: Бэйцзин дасюэ, 2000. – 673 с.

13. Лу ши 路史 / Сост. Ло Ми 羅泌 // Вэньюаньгэ сыку цюаньшу 文淵閣四庫全書 (Полное собрание книг четырёх хранилищ из павильона Вэньюань). Тайбэй: Тайвань шанъу, 1986. Т. 383. С. 1–654.

14. Baxter W.H., Sagart L. Old Chinese: A New Reconstruction. – New York: Oxford University Press, 2014. – 431 pp.

15. Лян Хань цюань шу 兩漢全書 (Все книги двух Хань) / Гл. ред. Дун Чжи-ань 董治安. В 36 тт. – Цзинань: Шаньдун дасюэ, 2009. – 20786 с.

16. Хань шу 漢書 (Книга [об истории эпохи Ранняя] Хань) / Сост. Бань Гу 班固. В 12 тт. – Шанхай: Чжунхуа, 1964. – 4273 с.

17. Хуайнань-цзы цзи ши 淮南子集釋 («Хуайнань-цзы» со сводными разъяснениями) / Комм. Хэ Нина 何寧. В 3 тт. – Пекин: Чжунхуа, 1998. – 1553 с.
18. Хуайнаньцзы: Философы из Хуайнани / пер. с кит., вступит, ст. и примечания Л. Е. Померанцевой. – М.: Наука, Вост. лит., 2016. – 527 с.
19. Тай-пин юй лань 太平御覽 (Высочайше одобренная [энциклопедия, составленная в годы] Тай-пин) / Сост. Ли Фан 李昉 и др. В 4 тт. – Пекин: Чжунхуа, 1985. – 4426 с.
20. Лунь хэн цзяо ши 論衡校釋 [фу Лю Пань-суй цзи цзе 附劉盼遂集解] (Сверенный текст «Весов суждений» с разъяснениями [со сводным толкованием Лю Пань-суя]) / Сост. Ван Чун 王充, комм. Хуан Хуэя 黄暉 и Лю Пань-суя 劉盼遂. В 4 тт. – Пекин: Чжунхуа, 1990. – 1366 с.
21. Шо вэнь цзе цзы чжу 說文解字注 («Толкование письмён и объяснение иероглифов» с комментарием) / Сост. Сюй Шэнь 許慎, комм. Дуань Юй-цая 段玉裁. – Шанхай: Шанхай гуцзи, 1981. – 867 с.
22. Bodde D. Types of Chinese Categorical Thinking // Idem. Essays on Chinese Civilization. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981. Pp. 141–160.
23. Lewis M. E. The Mythology of Early China // Early Chinese Religion. Part One: Shang through Han (1250 BC–220 AD) / Ed. J. Lagerwey, M. Kalinowski. Vol. 1. – Leiden, Boston: Brill, 2009. Pp. 543–593.
24. Ци Сы-хэ 齊思和. Хуан-ди дэ чжици гуши 黄帝的制器故事 (Истории о изобретениях Жёлтого императора) // Он же. Чжунго ши таньянь 中國史探研 (Исследования по истории Китая). – Пекин: Чжунхуа, 1981. С. 201–217.
25. Вэй шу цзи чэн 緯書集成 (Собрание апокрифических книг) / Сост. Ясуй Ко:дзан 安居香山 и Накамура Сё:хати 中村璋八. В 3 тт. – Шицзячжуан: Хэбэй жэньминь, 1994. – 117+1679 с.
26. Терехов А. Э. Представления о совершенномудрых правителях-шэн // Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая / сост. М.Е. Кравцова. – СПб.: Наука, 2012. С. 156–215.
27. И вэнь лэй цзюй 藝文類聚 (Собрание по родам [записей из] классической литературы и изящной словесности) / Сост. Оуян Сю 歐陽修 и др. В 2 тт. – Шанхай: Шанхай гуцзи, 1965. – 1733+462 с.
28. Шанхай боугуань цан Чжаньго Чу чжуцзянь 上海博物館藏戰國楚竹簡 ([Тексты на] бамбуковых планках из [царства] Чу [эпохи] Сражающихся царств, хранящиеся в Шанхайском музее). Т. 2. / Гл. ред. Ма Чэн-юань 馬承源. — Шанхай: Шанхай гуцзи, 2002. – 293 с.
29. Терехов А.Э. Текстуальные знамения в раннеимперском Китае // XX Всеросс. конф. "Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация" (Москва, 21 мая 2014 г.). М.: ИДВ РАН, 2015. С. 62–67.

30. Терехов А.Э. Представления о внешности Конфуция в Древнем Китае (на материале письменных источников) // Россия – Китай: история и культура: сб. ст. VI Междунар.науч.-практ. конф. Казань: Изд. "ЯЗ", 2014. С. 502–509.
31. Ван Цзы-цай 王梓材. Ши бэнь 世本 (Корни поколений) // Ши бэнь ба чжун 世本八種 (Восемь версий [реконструкции] «Корней поколений»). Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1957. С. 1–70.
32. Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. – М.: Наука, 1984. – 248 с.
33. Po hu t'ung. The comprehensive discussions in the White Tiger Hall / Introduction, translation and notes by Tjan Tjoe Som. 2 vols. – Leiden: Brill, 1949, 1952. – 695 pp.

REFERENCES:

1. Gao Heng 高亨. Wenzi xingyixue gailun 文字形義學概論. – Jinan: Shandong renmin, 1963. – 330 pp.
2. Tang Lan 唐蘭. Zhongguo wenzixue 中國文字學. – Shanghai: Shanghai shiji, 2005. – 155 pp.
3. Rao Zongyi 饒宗頤. Fuhao, chuwen yu zimu – hanzi shu 符号·初文与字母—汉字树. – Shanghai: Shanghai shudian, 2000. – 189 pp.
4. Feng Shi 馮時. Zhongguo gu wenzi xue gailun 中國古文字學概論. – Beijing: Zhongguo shehui kexue, 2016. – 780 pp.
5. Bottéro F. Cāng Jié And The Invention Of Writing: Reflections On The Elaboration Of A Legend // Studies in Chinese Language and Culture. Festschrift in Honour of Christoph Harbsmeier on the Occasion of his 60th Birthday / Ed. by Christoph Anderl and Halvor Eifring. – Oslo, Hermes Academic Publishing: 2006. Pp. 135–155.
6. Tan Shibao 譚世寶. Cang Jie zaozi chuanshuo de yuanliu kaobian ji qi zhenxiang tuice 蒼頡造字傳說的源流考辨及其真相推測 // Wen shi zhe 文史哲, 2006, №6 (297). Pp. 28–34.
7. Lewis M.E. Writing and Authority in Early China. – Albany: SUNY Press, 1999. – vii+544 pp.
8. Xunzi jijie 荀子集解 / Comm. by Wang Xianqian 王先謙. 2 vols. – Beijing: Zhonghua, 1988. – 559 pp.
9. Han Feizi jijie 韓非子集解 / Comm. by Wang Xianshen 王先慎. – Beijing: Zhonghua, 1998. – 478 pp.
10. Lüshi chunqiu jishi 呂氏春秋集釋 / Ed. by Xu Weiyu 許維遹. 2 vols. – Beijing: Zhonghua, 2009. – 731 pp.
11. Ljujshi chun'cju (Vesny i oseni gospodina Ljuja) / Tr. by G. A. Tkachenko. M.: Mysl', 2001. – 525 pp.
12. Shangshu zhengyi 尚書正義 / Comm. by Kong Yingda 孔穎達 et al. 2 vols. – Beijing: Beijing daxue, 2000. – 673 pp.

13. Lushi 路史 / Comp. by Luo Mi 羅泌 // Wenyuange siku quanshu 文淵閣四庫全書. Taibei: Taiwan shangwu, 1986. Vol. 383. Pp. 1–654.
14. Baxter W.H., Sagart L. Old Chinese: A New Reconstruction. – New York: Oxford University Press, 2014. – 431 pp.
15. Liang Han quanshu 兩漢全書 / Ed. by Dong Zhian 董治安. 36 vols. – Jinan: Shandong daxue, 2009. – 20786 pp.
16. Hanshu 漢書 / Comp. by Ban Gu 班固. 12 vols. – Shanghai: Zhonghua, 1964. – 4273 pp.
17. Huainanzi jishi 淮南子集釋 / Comm. by He Ning何寧. 3 vols. – Beijing: Zhonghua, 1998. – 1553 pp.
18. Huajnan'czy: Filosofy iz Huajnani / Tr., introd. and comm. by L. E. Pomeranceva. – M.: Nauka, Vost. lit., 2016. – 527 pp.
19. Taiping yulan 太平御覽 / Comp. by Li Fang 李昉 et al. 4 vols. – Beijing: Zhonghua, 1985. – 4426 pp.
20. Lunheng jiaoshi 論衡校釋 [fu Liu Pansui jijie 附劉盼遂集解] / Comp. by Wang Chong 王充, comm. by Huang Hui 黄暉 and Liu Pansui 劉盼遂. 4 vols. – Beijing: Zhonghua, 1990. – 1366 pp.
21. Shuowen jiezi zhu 說文解字注 / Comp. by Xu Shen 許慎, comm. by Duan Yucai 段玉裁. – Shanghai: Shanghai guji, 1981. – 867 pp.
22. Bodde D. Types of Chinese Categorical Thinking // Idem. Essays on Chinese Civilization. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981. Pp. 141–160.
23. Lewis M.E. The Mythology of Early China // Early Chinese Religion. Part One: Shang through Han (1250 BC–220 AD) / Ed. J. Lagerwey, M. Kalinowski. Vol. 1. – Leiden, Boston: Brill, 2009. Pp. 543–593.
24. Qi Sihe 齊思和. Huangdi de zhiqi gushi 黄帝的制器故事 // Idem. Zhongguo shi tanyan 中國史探研. – Beijing: Zhonghua, 1981. Pp. 201–217.
25. Weishu jicheng 緯書集成 / Comp. by Yasui Ko:zan 安居香山 and Nakamura Shio:hachi 中村璋八. 3 vols. – Shijiazhuang: Hebei renmin, 1994. – 117+1679 pp.
26. Terekhov A.E. Predstavlenija o sovershennomudryh praviteljah-sheng // Process formirovanija oficial'noj ideologii imperskogo Kitaja / Ed. by M. E. Kravcova. – SPb.: Nauka, 2012. Pp. 156–215.
27. Yiwen leiju 藝文類聚 / Comp. by Ouyang Xu 歐陽修 et al. 2 vols. – Shanghai: Shanghai guji, 1965. – 1733+462 pp.
28. Shanghai bowuguan cang Zhanguo Chu zhujian 上海博物館藏戰國楚竹簡. Vol. 2. / Ed. by Ma Chengyuan 馬承源. — Shanghai: Shanghai guji, 2002. – 293 pp.
29. Terekhov A.E. Tekstual'nye znamenija v ranneimperskom Kitae // XX Vseross. Konf. "Filosofii Vostochno-Aziatskogo regiona i sovremennaja civilizacija" (Moskva, 21 maja 2014 g.). M.: IDV RAN, 2015. Pp. 62–67.

30. Terekhov A.E. Predstavlenija o vneshnosti Konfucija v Drevnem Kitae (na materiale pis'mennyh istochnikov) // Rossija – Kitaj: istorija i kul'tura: sbornik statej VI Mezhdunar. Nauch.-prakt. Konf.. Kazan': Izd. "JaZ", 2014. Pp. 502–509.
31. Wang Zicai 王梓材. Shiben 世本 // Shiben ba zhong 世本八種. Shanghai: Shangwu yinshuguan, 1957. Pp. 1–70.
32. Janshina Je.M. Formirovanie i razvitie drevnekitajskoj mifologii. – M.: Nauka, 1984. – 248 pp.
33. Po hu t'ung. The comprehensive discussions in the White Tiger Hall / Introduction, translation and notes by Tjan Tjoe Som. 2 vols. – Leiden: Brill, 1949, 1952. – 695 pp.

TEREKHOV Anton E. – Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. 18, Dvortsovaya emb., Saint-Petersburg, Russia 191186. E-mail: aterekhoff@gmail.com

ON CANG JIE'S STATUS IN CHINA'S LEGENDARY HISTORY

The study of the formation process and the perception of Chinese cultural heroes, many of whom are perceived in this capacity up till now, is a pressing problem in the field of Chinese studies. One of such characters is Cang Jie, the legendary inventor of Chinese writing. Although most modern scholars admit his mythological nature, in traditional China he was thought of as a historical character. To this day, he is often seen as an official of the legendary sovereign Huangdi, but in many traditional sources he himself appears as an ancient monarch. This provokes the question of the time of and reasons for the emergence of these conflicting views on Cang Jie's status in the legendary history of China. To solve this problem, the article undertakes a detailed analysis of fragments of the number of Early Chinese texts that were crucial for the formation of the image of Cang Jie: Xunzi, Han Feizi, Huainanzi, Lunheng, Hanshu, Showen jiezi, *and so-called apocryphal texts (*chenwei*), as well as a number of testimonies of the III–XII centuries, recorded in Kong Yingda's (574–648) commentary to* Shangshu *and in Lo Mi's (1131–1189)* Lushi. *Present study demonstrates that although the first mentions of Cang Jie in the transmitted sources date back to the 3rd c. BC, in the texts created over three centuries after that, there are no explicit mentions of his status. As shown in the article, the situation changed only by the 1st c. BC, when Cang Jie turns from a marginal character, mentioned along with other legendary inventors, into an independent figure. It was during this period that he receives the roles, in which he will be perceived hereafter: that of the official of Huang-di and of the ancient ruler. The simultaneous appearance of these two different points of view can serve as a reflection of the political confrontation between the emperor and the scholars.*

CANG JIE; CULTURAL HERO; LEGENDARY HISTORY OF ANCIENT CHINA; MYTHOLOGY OF ANCIENT CHINA; INVENTION OF WRITING

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Атнашев В.Р. Особенности экстремизма в контексте национально-освободительной борьбы в странах Азии 7
Ван Цзюньтао. Совместные проекты по развитию приграничной торговли между китайской провинцией Хэйлунцзян и Дальним Востоком Российской Федерации 23
Ерофеев Д.Р. Идеологические истоки программных установок партии Альтернатива для Германии (АДГ) 37
Заблоцкая И.Н. Участие Испании в международных структурах коллективной безопасности 54
Иванников Н.С. Роль международного сотрудничества в обеспечении продовольственной безопасности на государственном уровне 72
Коновалова Е.В., Матвеевская А.С. Влияние евроскептицизма Чехии на проводимую в отношении Европейского Союза политику в период пандемии 81
Кравчик Е.И. Особенности миграционной политики Финляндии 94
Попов Д.И., Новикова И.Н. «Люблинский треугольник»: возможности и перспективы нового формата сотрудничества 105
Сбойчакова А.В. Участие наблюдателей в работе Арктического совета: эволюция и перспективы 119

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Богданова Н.В. Сотрудничество Германии и СССР в период с 1945 по 1990 гг. в топливно-энергетическом секторе экономики 131
Ли Цзинчэн. Из истории русской духовной миссии в Пекине с 1860 по 1917 гг. 145
Погодин С.Н. Страны Северной Европы и Россия в конце XX – начале XXI века 161

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Сулейманлы А.Д. Оценка уровня счастья в евразийских странах в контексте результатов всемирного индекса счастья 181
Болдырева Е.Л. Социальное страхование в Швеции 196
Колесник И.И. Развенчание «мифа машины» в культурфилософии Льюиса Мамфорда 211
Сидорчук И.В. Особенности изучения советского досуга в англоязычной историографии 221
Терехов А.Э. О Статусе Цан Цзе в легендарной истории Китая 235

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS

Atnashev V.R. Features of Extremism in the Context of the National Liberation Struggle in Asian Countries 7
WANG Juntao. Joint Border Trade Development Projects Between the Chinese Province of Heilongjian and the Far East of the Russian Federation 23
Erofeev D.R. The Ideological Origins of the Alternative for Germany (AfG) Party's Program Settings 37
Zablotskaya I.N. Spain's Participation in International Collective Security Structures 54
Ivannikov N.S. The Role of International Cooperation in Ensuring Food Security at the State Level 72
Konovalova E.V., Matveevskaya A.S. The Impact of Euroscepticism in the Czech Republic Carried out in Relation to European Union Policies During a Pandemic 81
Kravchik E.I. Special Features of the Finnish Migration Policy 94
Popov D.I., Novikova I.N. Lublin Triangle: Opportunities and Prospects for the New Format of Cooperation 105
Sboychakova A.V. The Participation of Observers in the Arctic Council – Evolution and Prospects 119

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Bogdanova N.V. The Cooperation of Germany and the USSR in the Fuel and Energy Sector of Economy From 1945 to 1990 131
Li Jingcheng. From the History of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing from 1860 to 1917 145
Pogodin S.N. Nordic Countries and Russia in the Late Twentieth and Early Twenty-First Century 161

CULTURAL STUDIES

Süleymanli E. The Happiness Level Assessment in the Eurasian Countries in the Context of the World Happiness Index Results 181
Boldyreva E.L. The Social Insurance in Sweden 196
Kolesnik I.I. Decomposing the "Machine Myth" in the Cultural Philosophy of Lewis Mumford 211
Sidorchuk I.V. Features of Studying Leisure in the Soviet Union in English-Language Historiography 221
Terekhov A.E. On Cang Jie's Status in China's Legendary History 235

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР
INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Сборник научных статей

№ 8

Ежегодное издание

Сборник составлен под редакцией д-ра ист. наук, проф. С.Н. Погодина
Рецензент Раздела 1 – д-р полит. наук, проф. Н.А. Баранов (СЗИУ РАНХиГС)
Рецензент Раздела 2 – д-р ист. наук В.И. Мусаев (СПбИИ РАН)
Рецензент Раздела 3 – канд. филос. наук Г.В. Иойлева (СПбГУТ)

Редакция

Марченко М.А. – дизайнер обложки
Рябова А.Л. – перевод на английский язык
Манцерова И.В. – выпускающий редактор
Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Тел. Редакции: 8(812) 329-47-42; 8(812) 606-62-42

Электронный адрес редакции: e-mail: kmo@spbstu.ru

Подписано в печать 25.12.2020. *Формат 60×84/16*
Усл. печ. л. *Тираж* *Заказ*

Отпечатано с готового оригинал-макета в
Издательско-полиграфическом центре Политехнического университета
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР
INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Scientific articles selection

№ 8

Chief Editor – Dr. Sc. (Hist.), prof. Sergey N. Pogodin
Section 1 Reviewer – Dr. Sc. (Policy), prof. Nikolay. A. Baranov
Section 2 Reviewer – Dr. Sc. (Hist.) prof. MUSAEV Vadim I.
Section 3 Reviewer – PhD, Galina V. Ioyleva

Editorial Board:

Marchenko M. – cover design
Riabova A.L. – the English translation of
Mantcerova I.V. – Managing Editor
Liutinskaia O.V. – DTP

Phone: 8(812) 329-47-42; 8(812) 606-62-42

E-mail: kmo@spbstu.ru

Signed for printing 25.12.2020. *Format 60×84/16*
Conventional Printed Sheet *Circulation* *Order*

Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251